

ISSN: 2687-0193

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD

№2, 2026 (36)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии образования, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления Дипломатической академии МГИМО МИД России,

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МГИМО МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия).

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор кафедры дипломатии Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Газизуллин Наиль Файзулхакович, доктор экономических наук., профессор, вице-президент Академии гуманитарных наук России, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (Санкт-Петербург)

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры МЭО и внешнеэкономических связей Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова.

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета.

Комлева Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия: общество, политика, история», зам. главного редактора журнала «Россия и мир: научный диалог», директор центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета.

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политической теории Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МГИМО МИД России.

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции.

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор, ИНИОН РАН.

Хасанова Асия Шамильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (Москва).

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации.

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Head of the Department of Public Administration of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Honored Worker of Science of the Russian Federation.

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Science, Professor of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University.

Alexander Suglov, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation.

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation]

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Asiya Khasanova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science at the Plekhanov Russian University of Economics, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Moscow).

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America.

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science).

Lidiya Grishaeva, Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow.

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Theory of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Nail Gazizullin, Doctor of Economics, Professor, Vice President of the Russian Academy of Humanities, Professor at the St. Petersburg State University of Economics, Honored Scientist of the Republic of Tatarstan (St. Petersburg)

Nikolay Shulepov, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of Russia, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation.

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at Moscow State Linguistic University.

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations, Chief Researcher of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University.

Valentina Komleva, Doctor of Social Science, Professor, Editor-in-Chief of the journal "Russia: Society, Politics, History", Deputy Editor-in-Chief of the journal "Russia and the World: Scientific Dialogue", Director of the Center for International Strategic Studies of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Editor-in-Chief of the scientific and analytical journal "Observer", Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation.

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Ph.D. (Military Science), Professor of the Department of Diplomacy of the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Leading Researcher at the Department of Anti-Corruption Methodology.

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается в Дипломатической академии МГИМО Министерства иностранных дел России.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

А.Ж. Мартиросян – редактор, к.юр.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н., редактор журнала Скопус (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

С.А. Агуреев – редактор, к.ист.н.

И.В. Красневич – редактор, к.филол.н.

А.Н. Захаров – младший редактор

С.В. Гончаров – младший редактор

И.И. Галимов – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published in the Diplomatic Academy MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

It is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Sciences), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science, Ph.D (Economics)

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.J. Martirosyan – Editor, Ph.D. (Law)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), editor Scopus (Brazil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

S.A. Agureev – Editor, Ph.D (History)

I.V. Krasnevich – editor, Ph.D. (Philological Science)

A.N. Zakharov – Junior Editor

S.V. Goncharov – Junior Editor

I.I. Galimov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL № FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

e-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Чертков А.С. Россия и Арабский Восток: диалог культур как ресурс стратегического партнерства	10
Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С., Петухов С.С. Концептуальные основы и геополитический контекст Большого Евразийского партнерства	21
Агуреев С.А. Внешняя политика России в Африканском регионе и создание «новых партнерств»	42
Нафиков И.З. Доктрина «Голубая Родина» (MAVI VATAN) как стратегическая парадигма современной Турции: от военно-морской тактики к инструменту трансформации регионального баланса	54
Нежданов В.Л. «Глобальные инициативы» Китая: комплексный взгляд на актуальные проблемы международных отношений	69
Панин М.М. Концепция «сдержанного нейтралитета» как аналитическая рамка изучения внешней политики государств Центральной Азии	85
Лисицкий А.Е. Влияние «смены эпох» на отношения Германии с Россией и Китаем	93
Герасимов Д.Ю. Национальная безопасность: генезис, эволюция и системный характер понятия	104

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Щетинина Н.Ю. Новые тренды эмиграционных процессов западных стран	122
--	------------

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Гусаков И.М. Исторические аспекты, методы исследования и типологизация миграционных процессов	133
Галимов И.И. Эволюция формирования и трансформации ирано-израильских взаимоотношений до революции 1979 года	145

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Гостиева Н.К. Энергетические аспекты развития цифровой инфраструктуры: глобальные тренды и региональные вызовы	162
---	------------

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Доценко Е.Ю., Ездина Н.П. Взаимосвязь экологической и технологической составляющих экономического развития регионов РФ	175
---	------------

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Хасанов М.И. Определение эффективности государственного управления устойчивым развитием экономики России	188
---	------------

Трибуна молодых ученых

Киселева З.Г. Опыт государственного социального проектирования Китая и России в сфере культурной модернизации: политологический анализ	198
---	------------

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

204

CONTENTS

INTERNATIONAL RELATIONS

Chertkov A.S. Russia and the Arab World: cultural dialogue as a resource for strategic partnership	10
Shangaraev R.N., Ivochkina A.S., Petukhov S.S. Conceptual foundations and the geopolitical context of the Great Eurasian partnership	21
Agureev S.A. Russia's foreign policy in the African region and the creation of "new partnerships"	42
Nafikov I.Z. The “Blue homeland” (Mavi Vatan) doctrine as a strategic paradigm of modern Turkey: from naval tactics to an instrument of transforming the regional balance	54
Nezhdanov V.L. China’s “global initiatives”: a complex view on the most relevant international relations challenges	69
Panin M.M. The concept of “restrained neutrality” as an analytical framework for the study of foreign policy of Central Asian states	85
Lisitskii A.E. Impact of “Zeitenwende” on Germany's relations with Russia and China	93
Gerasimov D.Y. National security: genesis, evolution and the systemic nature of the concept	104

POLITICAL PROCESSES, INSTITUTIONS, AND TECHNOLOGIES

Shchetinina N.Y. New emigration trends of Western countries	122
--	------------

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Gusakov I.M. Historical aspects, research methods and typologization of migration processes	133
Galimov I.I. Evolution of the formation and transformation of Iranian-Israeli relations before the 1979 revolution	145

WORLD ECONOMY

Gostieva N.K. Energy aspects of digital infrastructure development: global trends and regional challenges	162
--	------------

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

Dotsenko E.Y., Ezdina N.P. Technological components of the economic development of the regions of the Russian Federation	175
---	------------

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Khasanov M.I. Determining the effectiveness of state management of sustainable economic development in Russia	188
--	------------

YOUNG SCHOLARS' TRIBUNE

Kiseleva Z.G. The experience of state projects in China and Russia in the field of cultural modernization: a political analysis	198
--	------------

INFORMATION FOR AUTHORS

204

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Алексей Сергеевич Чертков,
доцент кафедры государственного управления,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России, Москва,
кандидат исторических наук,
E-mail: alexchertkov@list.ru

Alexey S. Chertkov,
Associate Professor of the Department of Public Administration,
Diplomatic Academy of MGIMO University of the Ministry of
Foreign Affairs of Russia, Moscow,
PhD in History,
E-mail: alexchertkov@list.ru

**РОССИЯ И АРАБСКИЙ ВОСТОК: ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК РЕСУРС
СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА
RUSSIA AND THE ARAB WORLD: CULTURAL DIALOGUE AS A
RESOURCE FOR STRATEGIC PARTNERSHIP**

Аннотация: в статье исследуется российско-арабский диалог культур как значимый ресурс внешней политики и фактор укрепления межгосударственных связей в условиях трансформации мирового порядка и эскалации конфликтов на Ближнем Востоке. Автор анализирует исторический вклад арабо-мусульманской цивилизации в мировую науку, выявляя его значение для формирования равноправного диалога. Рассматриваются ценностно-мировоззренческие основы сближения: приверженность суверенитету, традиционным ценностям, принципам многополярности. Систематизированы современные формы гуманитарного сотрудничества, выявлены проблемные зоны и предложены практические рекомендации по его интенсификации. Делается вывод о том, что культурная дипломатия становится ключевым инструментом поддержания доверия и стратегического партнерства в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: российско-арабские отношения, межкультурный диалог, публичная дипломатия, арабо-мусульманская культура,

традиционные ценности, Ближний Восток, Лига арабских государств, многополярность, «мягкая сила».

Abstract: the article examines the Russian-Arab cultural dialogue as a significant resource of foreign policy and a factor in strengthening interstate ties amid the transformation of the world order and the escalation of conflicts in the Middle East. The author analyzes the historical contribution of Arab-Muslim civilization to world science, revealing its significance for the formation of an equal dialogue. The value and ideological foundations of rapprochement are considered: commitment to sovereignty, traditional values, and the principles of multipolarity. Current forms of humanitarian cooperation are systematized, problematic areas are identified, and practical recommendations for its intensification are proposed. It is concluded that cultural diplomacy is becoming a key tool for maintaining trust and strategic partnership in the context of geopolitical turbulence.

Keywords: Russian-Arab relations, intercultural dialogue, public diplomacy, Arab-Muslim culture, traditional values, Middle East, League of Arab States, multipolarity, soft power.

Введение

Взаимодействие Российской Федерации с государствами Арабского Востока представляет собой стратегическое направление многовекторной внешней политики, обладающий высоким геополитическим потенциалом. А.Б. Подцероба подчеркивает, что арабские страны занимают особое место в системе международных отношений благодаря своему геоэкономическому значению и роли в исламском мире [10, с. 15-17]. Ближний Восток и Северная Африка являются ареной столкновения интересов глобальных и региональных держав, а глубокая турбулентность, охватившая этот макрорегион, напрямую влияет на международную безопасность. В этих условиях российско-арабский диалог культур приобретает не просто

гуманитарное, но и политическое измерение, выступая инструментом «мягкой силы» и фактором долгосрочной стабилизации [8, с. 12].

Актуальность исследования резко возросла в связи с беспрецедентной эскалацией конфликта на Ближнем Востоке в 2023–2024 гг. Эскалация палестино-израильского противостояния, прямое военное столкновение между Израилем и Ираном (апрель-октябрь 2024 г.), активизация прокси-сил в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене — все это создало угрозу втягивания всего региона в полномасштабную войну.

Новый виток эскалации ознаменовался прямым военным столкновением между США, Израилем и Ираном. В июне 2025 г., после провала очередного раунда переговоров по ядерной программе, Израиль при поддержке США нанес удары по трем ключевым иранским ядерным объектам — в Фордо, Натанзе и Исфахане, что положило начало так называемой «двенадцатидневной войне». Конфликт возобновился с новой силой в феврале-марте 2026 года. После гибели верховного лидера Ирана Али Хаменеи в результате авиаудара США [13]. Тегеран активизировал удары по американским базам, расположенным в регионе, что привело к потерям среди американских военнослужащих [15]. Администрация Д. Трампа столкнулась с затяжным характером конфликта и ростом цен на энергоносители и начала поиск стратегии выхода из него [4]. Однако ситуация остается крайне нестабильной, создавая прямую угрозу безопасности союзных России государств в регионе.

Кризис обнажил неспособность западных посредников к эффективному урегулированию и продемонстрировал востребованность альтернативных центров силы. Россия, поддерживающая диалог со всеми ключевыми акторами - от Израиля и Ирана до стран Персидского залива и Лиги арабских государств (ЛАГ), - объективно усиливает свою посредническую роль. Культурно-гуманитарное сотрудничество в этом контексте становится тем фундаментом, который обеспечивает устойчивость политических и экономических связей даже в периоды острой фазы кризиса [3].

Цель настоящей статьи - на основе анализа исторического опыта и современного состояния российско-арабского культурного диалога определить его потенциал как ресурса стратегического партнерства и сформулировать практические рекомендации по его интенсификации.

Историко-цивилизационный фундамент диалога

Арабо-мусульманская культура представляет собой уникальный синтез научных и философских достижений античности и восточных цивилизаций. Как отмечал академик В.В. Бартольд, арабы выступили не просто хранителями, но и творческими продолжателями эллинистической науки [1]. В VIII–XI вв. арабский язык стал языком передовой науки: от Испании до Средней Азии. Труды античных авторов сохранились для Европы именно в арабских переводах, а такие изобретения, как бумага, компас и усовершенствованные астрономические инструменты, пришли в Европу через арабский мир.

Выдающиеся ученые Востока - Мухаммед аль-Хорезми (математика), аль-Бируни (астрономия, геодезия), Ибн аль-Хайсам (оптика), Ибн Сина (медицина) - совершили открытия, на столетия опередившие европейскую науку. Их наследие демонстрирует неразрывную связь научного поиска и гуманитарного знания: многие труды излагались в поэтической форме, что делало науку достоянием широкого круга. Как подчеркивал академик И.Ю. Крачковский, арабская филология и естествознание развивались в тесной взаимосвязи, формируя целостную картину мира [6].

Богатейшее интеллектуальное наследие арабо-мусульманской цивилизации создает прочную историческую и моральную основу для равноправного культурного диалога. В современных же условиях взаимодействие России и арабских стран в научно-технической сфере строится на принципах взаимодополняемости и обоюдного интереса, где каждая из сторон обладает своими компетенциями и технологическими наработками.

Арабская идентичность и традиционные ценности в политическом измерении

Для понимания современной политики арабских государств необходимо учитывать специфику их цивилизационной идентичности. Политизация арабской идентичности в XX в. привела к возникновению панарабизма, который, утратив мобилизационный потенциал, оставил устойчивый нарратив о культурном, языковом и историческом единстве. Как отмечает А.В. Демченко, «идеи арабского единства и арабской солидарности сохраняют свое значение в сознании политических элит и арабского общества» [2, с. 158]. Институциональным выражением этой солидарности выступает ЛАГ, чья роль, несмотря на разногласия, возрастает в периоды внешних угроз.

Ключевой особенностью арабской культуры является системообразующая роль ислама. Он выступает не только религиозной доктриной, но и культуроформирующим фактором, определяющим социальные нормы, этику и повседневные практики. Социокультурный мир арабов характеризуется высокой устойчивостью благодаря ориентации на традиционные ценности: уважение к старшим, общинность, почитание родителей и многодетность. Эти принципы коррелируют с ценностным дискурсом, закрепленным в российской государственной политике (Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей») [14]. Историк-востоковед В.В. Наумкин подчеркивает, что в условиях глобализации именно ценностная близость становится основой для формирования устойчивых межгосударственных альянсов [9].

Исторический опыт и современная динамика российско-арабских культурных связей

Истоки взаимодействия Руси с Арабским Востоком прослеживаются с X–XI вв. Никоновская летопись фиксирует посольство князя Владимира на Восток в 1001 г. «Хождение игумена Даниила» в Палестину (начало XII в.)

стало одним из первых описаний Святой Земли в европейской литературе. В XIX в. Императорское Православное Палестинское Общество развернуло масштабную деятельность по поддержке паломников и развитию образования среди арабского населения.

Русская культура XIX в. проявила глубокий интерес к Востоку. Творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого вдохновлялось восточными мотивами. Л.Н. Толстой, по воспоминаниям современников, не только изучал ислам и арабскую культуру, но и вел переписку с мусульманскими мыслителями, видя в Востоке источник нравственных исканий. В музыке ориентализм Н.А. Римского-Корсакова, А.П. Бородина и М.А. Балакирева создал особый пласт русского музыкального наследия.

В исторической памяти арабских народов сохраняется позитивный образ России: отсутствие колониального наследия, поддержка антиколониальных движений в XX в., плодотворное сотрудничество с СССР (подготовка десятков тысяч специалистов, строительство промышленных объектов). Как отмечал Е.М. Примаков, «взаимная симпатия» является важнейшим морально-духовным ресурсом, проистекающим из цивилизационной близости: «наша российская цивилизация одновременно близка к цивилизациям и Запада, и Востока» [11, с. 13].

Современный этап характеризуется институционализацией культурного сотрудничества. Среди ключевых инициатив: меморандумы о взаимопонимании между министерствами просвещения и культуры РФ и ОАЭ (2023–2025 гг.), открытие Центров открытого образования на русском языке в Дубае, деятельность Образовательного центра имени шейхи Фатимы бинт Мубарак в гимназии им. Е.М. Примакова. Важными событиями стали Фестиваль культур стран арабского мира (Москва, 2025 г.), Дни культурного наследия России в ОАЭ, ежегодная книжная премия имени шейха Заида.

По данным Россотрудничества, в настоящее время в арабских странах действует несколько российских центров науки и культуры (РЦНК) — в Египте, Сирии, Ливане, Иордании, Марокко и Тунисе. Ранее центр также

функционировал в Йемене, однако в связи с военно-политической нестабильностью его деятельность в последние годы не освещается. Для сравнения: в советский период сеть культурных представительств была значительно шире и охватывала практически все столицы арабских государств.

По данным Россотрудничества, в Египте русский язык изучают около 5 тысяч студентов в университетах и на курсах, в Сирии сохраняется сеть школ с преподаванием на русском языке, в Марокко открыты центры русского языка при Российском культурном центре. В Объединенных Арабских Эмиратах в 2024 г. начал работу Центр открытого образования на русском языке [12, с. 118]. Однако системная статистика, позволяющая оценить динамику в масштабах всего региона, в открытом доступе отсутствует ввиду отсутствия единой системы мониторинга. Как пишет Г.Г. Косач в своем исследовании, посвященном Саудовской Аравии, процессы модернизации в странах Залива не отменяют приверженности традиционным ценностям, что создает благоприятные условия для развития гуманитарных контактов с Россией [5, с. 156-158].

Как справедливо отмечает Г.М. Сидорова, интенсивность гуманитарных обменов все еще не достигла уровня советского периода, что требует выработки новой стратегии [12, с. 120]. Несмотря на наличие сильной школы академического востоковедения, наблюдается разрыв между фундаментальными исследованиями и оперативными потребностями публичной дипломатии. Экспертные рекомендации не всегда напрямую транслируются в конкретные культурные проекты, что снижает их эффективность. Как отмечает В.А. Кузнецов, только опора на глубокое экспертное знание региона позволяет выстраивать долгосрочные и устойчивые связи [7, с. 68-82].

Ценностно-политический базис сотрудничества в условиях геополитического кризиса

Эскалация 2023–2024 гг. высветила не только военно-политические, но и ценностные противоречия. Россия и арабские страны демонстрируют совпадение подходов по ряду фундаментальных принципов:

1. Безусловный приоритет суверенитета: приверженность Уставу ООН, невмешательство во внутренние дела, право на собственную модель политического развития.

2. Защита традиционных ценностей: семья, религия, межпоколенческая преемственность. Арабская культура с ее иерархией семейных ценностей, почитанием родителей и многодетностью как нормой демонстрирует высокую степень соответствия российскому ценностному дискурсу.

3. Неприятие неоколониализма и культурной гегемонии: критика практик навязывания западных либеральных моделей, стремление к сохранению культурной автономии.

В условиях жесткой конфронтации между Ираном и Израилем арабские страны вынуждены балансировать. Россия в этой конфигурации выступает как внеблоковый актор, способный предложить диалоговую площадку. Это повышает запрос на российское культурное присутствие, поскольку именно культура в кризисные периоды становится каналом поддержания доверия, когда политические контакты затруднены [7, с. 72].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, историческая память и цивилизационная близость, подкрепленная выдающимся вкладом арабо-мусульманской культуры в мировую науку, составляют важнейший ресурс российско-арабских отношений. Однако этот ресурс сегодня остается преимущественно декларативным: потенциал общей истории фрагментарно вовлечен в актуальные образовательные, молодежные и культурные программы, что требует системной работы по его актуализации.

Во-вторых, ценностное совпадение подходов России и арабских стран к вопросам суверенитета, защиты традиционной семьи и неприятия

культурной гегемонии формирует прочный фундамент для стратегического партнерства. На фоне кризиса западной либеральной модели и обострения конфликтов в регионе российский дискурс традиционных ценностей становится все более востребованным в арабской общественной среде, открывая новые возможности для гуманитарного взаимодействия.

В-третьих, количественные показатели современного этапа сотрудничества (несколько функционирующих РЦНК, отсутствие системных данных о масштабах изучения русского языка) свидетельствуют о значительном, но нереализованном потенциале. Интенсивность гуманитарных обменов все еще уступает уровню советского периода, а главное - сохраняется «разрыв между академическим востоковедением и практикой публичной дипломатии», что снижает эффективность реализуемых проектов.

Глубокая дестабилизация системы региональных отношений на Ближнем Востоке, вызванная эскалацией ирано-израильского конфликта и продолжающимся палестино-израильским кризисом, создает серьезные риски, но одновременно открывает и новые возможности. Падение доверия к западным посредникам повышает спрос на независимых игроков, способных к равноправному диалогу. В этих условиях культурная дипломатия, будучи менее политизированной, становится эффективным инструментом поддержания контактов и укрепления доверия.

На основе проведенного анализа представляется целесообразным:

Развитие человеческого капитала: расширить грантовую поддержку подготовки востоковедов-арабистов, переводчиков и культурологов; создать единую базу данных для мониторинга и планирования масштабов изучения русского языка в арабских странах.

Институционализация обменов: создать постоянно действующие молодежные и студенческие форумы «Россия - Арабский мир» по аналогии с форумами «Россия - Африка».

Популяризация наследия: активизировать поддержку переводов и издания классической и современной арабской литературы в России, а также продвижение российского культурного контента на арабских цифровых платформах.

Экспертное сопровождение: привлекать ведущие российские научные центры к разработке содержательного наполнения культурных проектов.\

Активизация межкультурного диалога имеет не только гуманитарное, но и геополитическое значение. Она способствует укреплению многополярности, позволяет совместно вырабатывать позицию по противостоянию вызовам культурной гегемонии и формирует основу для долгосрочного партнерства в решении проблем региональной и глобальной безопасности.

Список источников и литературы

1. Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М.: Наука, 1966. 784 с.
2. Демченко А.В. Внутренние факторы формирования внешней политики стран Арабского Востока // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1(10). С. 153–165.
3. Звягельская И.Д. Ближний Восток: новые вызовы и старые проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 3. С. 24–35.
4. Известия. (2026, 10 марта). WSJ сообщила о призыве советников к Трампу вывести США из конфликта с Ираном. URL: <https://iz.ru/2056289/2026-03-10/wsjs-soobshchila-o-prizyve-sovetnikov-k-trampu-vyvesti-ssha-iz-konflikta-s-iranom> (дата обращения: 15.03.2026).
5. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутренние процессы и внешняя политика. М.: Институт востоковедения РАН, 2022. 312 с.
6. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. I–VI. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1960.
7. Кузнецов В.А. Феномен «арабской весны» и трансформация идентичности на Ближнем Востоке // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 68–82.
8. Наумкин В.В. Ближний Восток в мировой политике и культуре: избранные статьи. М.: ИВ РАН, 2021. 480 с.
9. Наумкин В.В. Русские и мусульмане: диалог цивилизаций // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. С. 42–55.

10. Подцероб А.Б. Россия и арабский мир: монография / под ред. А.З. Егорина; МГИМО (У) МИД России, Институт востоковедения РАН. М.: МГИМО-Университет, 2015. 538 с.
11. Примаков Е.М. Россия – арабский мир: принципиально новые отношения // Дипломат. 2004. Апрель. С. 12–14.
12. Сидорова Г.М. Культурная дипломатия России в странах Востока: современное состояние и перспективы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 4(34). С. 112–125.
13. Sputnik. (2026, 10 марта). Вряд ли переговоры с США будут рассматриваться: Аракчи – о новом лидере Ирана. URL: <https://am.sputniknews.ru/20260310/vryad-li-peregovory-s-ssha-budut-rassmatrivatsya-arakchi--o-novom-lidere-irana--99666802.html> (дата обращения: 15.03.2026).
14. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
15. 24 Канал. (2026, 10 марта). У США уже есть потери: политолог ответила, как к войне в Иране относятся американцы. URL: https://24tv.ua/geopolitics/ru/vojna-ssha-protiv-irana-kak-k-nej-otnosjatsja-amerikancy_n3024259 (дата обращения: 15.03.2026).

Руслан Насимович Шангараев,

доцент, профессор кафедры государственного управления,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России,

доктор политических наук,

E-mail: shang143@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,

Associate Professor,

Professor of the Department of Public Administration,

Diplomatic Academy of MGIMO University

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,

Doctor of Political Science

E-mail: shang143@mail.ru

Анна Сергеевна Ивочкина,

доцент кафедры политической теории,

Дипломатическая академия МГИМО МИД России,

кандидат политических наук,

E-mail: a.ivochkina@dipacademy.ru

Anna S. Ivochkina,

Associate Professor

of the Department of Political Theory,

Diplomatic Academy of MGIMO University

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,

PhD of Political Science,

E-mail: a.ivochkina@dipacademy.ru

Сергей Сергеевич Петухов,

магистрант Дипломатической академии МГИМО МИД России,

E-mail: ser_petukhov@mail.ru

Sergey S. Petukhov,

Master student,

Diplomatic Academy of MGIMO University

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,

E-mail: ser_petukhov@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО
ПАРТНЕРСТВА
CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND THE GEOPOLITICAL CONTEXT
OF THE GREAT EURASIAN PARTNERSHIP**

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу концепции
Большого Евразийского партнерства (БЕП) как стратегической

внешнеполитической инициативы, эволюционировавшей от идеи региональной консолидации в рамках ЕАЭС к формированию макрорегиональной архитектуры сотрудничества. В работе обосновывается, что появление БЕП является закономерным ответом на исчерпание потенциала углубления и расширения Евразийского экономического союза, а также на внешние вызовы, ключевым из которых стала реализация китайского мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Автор подробно рассматривает содержательное наполнение и ключевые принципы БЕП, характеризуя его как гибкую, сетевую платформу, основанную на открытости, прагматизме и уважении суверенитета участников. Особое внимание уделяется сравнительному анализу БЕП с альтернативными стратегиями в Евразии - китайским ЭПШП и политикой Европейского союза, что позволяет выявить уникальную нишу российской инициативы как механизма конвергенции различных интеграционных моделей. Значительная часть исследования посвящена анализу сложного и конкурентного геополитического ландшафта Большой Евразии. Рассматриваются интересы ключевых акторов (России, Китая, Индии, ЕС, стран АСЕАН), а также системные вызовы (фрагментация, асимметрия, санкционное давление) и потенциальные возможности (регионализация, цифровизация, энергетический переход), определяющие перспективы реализации БЕП. В заключении делается вывод, что успех инициативы зависит не от создания жестких институтов, а от способности выступать эффективной переговорной рамкой для ситуативных коалиций и конкретных проектов, доказывающих свою практическую полезность в условиях жесткой конкуренции.

Ключевые слова: Большое Евразийское партнерство (БЕП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), евразийская интеграция, геополитика, геоэкономика, многополярность, регионализация, транспортные коридоры.

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the concept of the Greater Eurasian Partnership (GEP) as a strategic foreign policy initiative that has evolved from the idea of regional consolidation within the EAEU to the formation of a macro-regional architecture of cooperation. The paper argues that the emergence of the GEP is a logical response to the exhaustion of the potential for deepening and expanding the Eurasian Economic Union, as well as to external challenges, the key of which was the implementation of the Chinese mega-project “The Silk Road Economic Belt” (SREB). The author examines in detail the content and key principles of the BEP, describing it as a flexible, network-based platform based on openness, pragmatism, and respect for the sovereignty of its participants. Special attention is paid to a comparative analysis of the BEP with alternative strategies in Eurasia - the Chinese Silk Road Economic Belt and the European Union's policies, which allows us to identify the unique niche of the Russian initiative as a mechanism for the convergence of various integration models. A significant part of the study focuses on analyzing the complex and competitive geopolitical landscape of Greater Eurasia. The interests of key actors (Russia, China, India, the EU, and the ASEAN countries) are considered, as well as the systemic challenges (fragmentation, asymmetry, and sanctions pressure) and potential opportunities (regionalization, digitalization, and the energy transition) that determine the prospects for implementing the BEP. In conclusion, it is concluded that the success of the initiative depends not on the creation of rigid institutions, but on its ability to serve as an effective negotiation framework for situational coalitions and specific projects that prove their practical usefulness in a highly competitive environment.

Keywords: Greater Eurasian Partnership (GEP), Eurasian Economic Union (EAEU), Silk Road Economic Belt (SREB), Eurasian integration, geopolitics, geoeconomics, multipolarity, regionalization, transport corridors.

Введение

Концепция Большого Евразийского партнерства (БЕП), выдвинутая в качестве стратегической внешнеполитической инициативы Российской Федерации в середине 2010-х годов, представляет собой не спонтанный проект, а закономерный и комплексный результат длительной эволюции интеграционных процессов на постсоветском и евразийском пространстве. Ее генезис и содержательное наполнение детерминированы диалектикой внутреннего развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и необходимостью адаптации к радикально меняющимся внешним условиям [5]. Таким образом, БЕП знаменует собой качественный переход от этапа консолидации и институционализации регионального интеграционного ядра к этапу его стратегического масштабирования и позиционирования в рамках формирующейся макрорегиональной архитектуры, характеризующейся высокой конкурентностью интеграционных моделей.

К моменту окончания формационного этапа ЕАЭС (ориентировочно к 2015-2016 гг.) стал очевиден ряд структурных ограничений, определяющих потолок его внутреннего развития. Во-первых, потенциал «углубления» интеграции (введение единой валюты, создание полноценного валютного союза, переход к единой фискальной политике) натолкнулся на жесткие пределы, устанавливаемые национальным суверенитетом государств-членов, особенно в чувствительных сферах бюджетного и налогового регулирования. Во-вторых, возможности «расширения» за счет включения новых участников из числа постсоветских государств (Украина, Узбекистан, Таджикистан) резко сузились в связи с усложнением геополитической обстановки и укреплением национально-ориентированных моделей развития в этих странах.

Параллельно нарастало давление внешнего контекста. Глобальная экономическая турбулентность, усиление протекционистских тенденций и регионализация мировой торговли требовали от интеграционных объединений поиска новой роли в меняющейся системе глобального управления. Однако ключевым катализатором переосмысления стратегии

стал масштабный мегапроект Китая - «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), анонсированный в 2013 году. Географическое наложение зон интересов ЭПШП и ЕАЭС создало для России и ее партнеров стратегическую дилемму: риск оказаться периферийной, структурно зависимой составляющей более мощной в экономическом и инвестиционном отношении китайской инициативы, либо предпринять попытку структурирования взаимодействия с Китаем на системной и институционально равноправной основе. Именно эта дилемма актуализировала потребность в выдвижении собственной, альтернативной стратегической рамки, способной придать взаимодействию формализованный и сбалансированный характер.

Концептуальный переход от логики внутренней консолидации ЕАЭС к идее «Большой Евразии» был публично артикулирован президентом России В.В. Путиным в ключевых выступлениях 2015-2016 годов. На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 года прозвучало прямое предложение о формировании «большого евразийского партнерства» с вовлечением не только стран ЕАЭС, но и членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также других заинтересованных государств и объединений [3]. Данная инициатива преследовала комплекс взаимосвязанных стратегических целей, выходящих за сугубо экономические рамки.

Во-первых, это перепозиционирование ЕАЭС из интровертного регионального блока в открытого архитектора более широкого сотрудничества. БЕП был призван трансформировать восприятие ЕАЭС из замкнутого регионального блока, ориентированного на постсоветское пространство, в открытую платформу для макрорегионального сотрудничества. Это позволяло осуществлять «мягкую» экспансию нормативного и экономического влияния ЕАЭС без политически затратного формального расширения, путем создания концентрических кругов партнерства и зон преференциальных торгово-инвестиционных связей.

Во-вторых, это попытка конвергенции интеграционных проектов под эгидой России. Ключевой тактической задачей стало предложение Пекину не простой двусторонней «стыковки» ЭПШП и ЕАЭС (что могло свести роль последнего к транзитному коридору), а многостороннего формата взаимодействия в рамках новой инклюзивной архитектуры. В этой конструкции Россия претендовала на роль не периферийного участника, а равноправного идеолога и со-архитектора правил взаимодействия на континенте, стремясь сохранить субъектность и инициативу.

В-третьих, формирование геоэкономической и геополитической альтернативы. На макроуровне БЕП представлял собой геополитическое видение, направленное на конструирование единого континентального пространства сотрудничества «от Лиссабона до Шанхая». Эта концепция противопоставлялась логике биполярной конфронтации и трансатлантической унификации, предлагая в качестве основы нового мирового порядка многополярную модель с центром тяжести в Евразии. Россия в данном проекте видела себя не просто как одного из полюсов, а как ключевого «связующего узла» и гаранта баланса интересов между различными центрами силы (ЕС, Китай, Индия, страны АСЕАН).

Таким образом, эволюция от ЕАЭС к концепции Большого Евразийского партнерства отражает объективную логику стратегического развития интеграционного проекта, столкнувшегося с внутренними ограничениями и внешними императивами. ЕАЭС не был замещен или отменен идеей БЕП, а трансформировался в его институционально-нормативный фундамент и «переговорный капитал». Нормативная база, общие рынки и наднациональные институты Союза стали тем конкретным «пакетом правил» и платформой, которую Россия и ее партнеры предлагают в качестве одного из столпов будущей макрорегиональной конструкции. Инициатива БЕП, таким образом, представляет собой попытку проактивного формирования внешней среды, в которой региональное интеграционное ядро (ЕАЭС) получает возможность не просто адаптироваться к изменениям, но и активно

участвовать в определении параметров формирующейся евразийской геоэкономической архитектуры, стремясь обеспечить себе в ней центральное связующее положение и сохранить стратегическую субъектность в условиях растущей глобальной конкуренции.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция от Евразийского экономического союза (ЕАЭС) к концепции Большого Евразийского партнерства (БЕП) представляет собой закономерный и стратегически мотивированный этап в развитии интеграционной политики России и ее партнеров. Эта эволюция была обусловлена сочетанием внутренних ограничений и внешних вызовов: достижение «потолка» углубления и расширения ЕАЭС в его первоначальном формате совпало с необходимостью ответа на глобальные сдвиги, ключевым из которых стало продвижение китайского мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути» [1].

В результате, инициатива БЕП стала инструментом качественного перехода от задач внутренней консолидации регионального ядра к целям его макрорегионального позиционирования. Она выполняет три взаимосвязанные стратегические функции:

Инструмент перепозиционирования и «мягкой» экспансии, позволяющий масштабировать влияние ЕАЭС без политически сложного формального расширения.

Механизм структурирования взаимодействия с внешними центрами силы, прежде всего с Китаем, с целью сохранения субъектности и равноправной роли ЕАЭС в континентальных проектах.

Геополитическое видение, предлагающее многополярную модель евразийского сотрудничества как альтернативу конфронтационной логике.

Таким образом, ЕАЭС не замещается БЕП, а трансформируется в его нормативно-институциональный фундамент. Концепция БЕП является проактивной попыткой России не просто адаптироваться к меняющейся архитектуре Евразии, но и активно участвовать в её формировании, стремясь

закрепить за собой роль центрального связующего узла и гаранта баланса интересов в новом геоэкономическом порядке. Успех этой инициативы зависит от способности наполнить её конкретными экономическими проектами, привлекательными для широкого круга партнеров, и решить сложную задачу гармонизации интересов множества участников в условиях высокой международной конкуренции.

Содержание и ключевые принципы инициативы БЕП

Инициатива Большого Евразийского партнерства, будучи преемственной по отношению к проекту евразийской интеграции, представляет собой качественно новую концепцию, которая носит открытый, сетевой и гибкий характер. Ее содержание не сводится к созданию еще одной жесткой наднациональной организации, а определяется как рамка для согласования интересов, конвергенции правил и реализации инфраструктурных мегапроектов на континентальном масштабе.

Содержательное ядро БЕП базируется на нескольких взаимосвязанных компонентах. **Во-первых, экономическая интеграция** понимается как постепенное и добровольное формирование общего экономического пространства через устранение барьеров в торговле и инвестициях, гармонизацию технических регламентов и санитарных норм, а также сближение макроэкономической политики. Ключевым инструментом здесь выступает не унификация, а **согласование стандартов** между различными региональными объединениями (ЕАЭС, АСЕАН, возможно, ЕС). **Во-вторых, инфраструктурная взаимосвязанность** является материальной основой партнерства. Речь идет о синхронизации национальных и наднациональных программ развития транзитных коридоров (Транссиб, Севморпуть, коридоры «Восток-Запад» и «Север-Юг»), создании цифровых транспортных коридоров и логистических хабов. **В-третьих, проектное финансирование** предполагает объединение ресурсов новых международных финансовых институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС,

Евразийский банк развития (ЕАБР), для совместного кредитования стратегических проектов в энергетике, транспорте и телекоммуникациях. Наконец, **политический диалог и безопасность** рассматриваются как необходимые условия для устойчивого экономического сотрудничества, что предполагает усиление координации в рамках таких многосторонних структур, как ШОС, и выработку общих подходов к региональным вызовам и угрозам [2].

Ключевые принципы, заложенные в основу БЕП, отражают стремление учесть разнородность потенциальных участников и избежать жесткой иерархии:

1. **Открытость и инклюзивность:** Инициатива не направлена против каких-либо стран или блоков и теоретически открыта для всех государств Евразийского континента и прилегающих регионов, включая страны ЕАЭС, ШОС, АСЕАН, ЕС, а также Индию, Иран, Турцию и другие.

2. **Прагматизм и гибкость:** Акцент делается на конкретные взаимовыгодные проекты и «мягкое» право, а не на создание жесткой бюрократической надстройки. Сотрудничество может развиваться по формуле «интеграция интеграций» – через заключение соглашений между существующими региональными объединениями.

3. **Уважение суверенитета и многообразие моделей развития:** В отличие от интеграционных моделей, требующих глубокой унификации политических и экономических систем (как в ЕС), БЕП декларирует уважение к национальным особенностям и предлагает сотрудничество поверх идеологических различий.

4. **Равноправие и учет интересов всех сторон:** Это центральный, но и наиболее сложный в реализации принцип, призванный подчеркнуть отличие от моделей с явным доминированием одного лидера. Он предполагает сложный многосторонний консенсус.

Для более глубокого понимания специфики БЕП необходимо его сопоставление с другими конкурирующими и параллельными стратегиями на евразийском пространстве.

БЕП и Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) Китая являются наиболее часто сравниваемыми инициативами. Их роднит континентальный масштаб, инфраструктурный фокус и декларируемая открытость. Однако различия носят принципиальный характер. **ЭПШП** – это по сути **внешнеэкономическая стратегия Китая**, инициируемая из единого центра (Пекин), финансируемая преимущественно китайскими банками и направленная на оптимизацию логистических цепочек для китайской экономики, обеспечение доступа к ресурсам и новым рынкам. Это **проектно-ориентированная модель** с двусторонними соглашениями. **БЕП**, в свою очередь, – это **политическая концепция многосторонней интеграции**, предлагающая создать общие правила игры и институты для диалога. Если **ЭПШП** – это «сеть», то **БЕП** – это попытка создать «рамку» или «платформу» для этой сети. Парадокс заключается в том, что практическое наполнение **БЕП** сегодня во многом зависит от конвергенции с китайскими инфраструктурными проектами, что создает поле для напряженности между принципом равноправия и экономическим весом Китая [6].

Стратегия ЕС в Центральной Азии (и концепция «Евразийской связности» в целом) представляет собой иной подход. ЕС делает акцент не на интеграции, а на **нормативном расширении** - продвижении своих стандартов в сфере торговли, регулирования, верховенства права, устойчивого развития и прав человека. Это **ценностно-ориентированная и регламентированная модель**, предполагающая адаптацию партнеров под правила единого рынка ЕС. **БЕП**, напротив, **прагматичен и деидеологизирован**, предлагая сотрудничество без политических предварительных условий. Для стран Центральной Азии это создает возможность многовекторности – получения инвестиций и инфраструктуры от Китая в рамках **ЭПШП**, сохранения институциональных и регуляторных

связей с Россией через ЕАЭС/БЕП и выборочного заимствования технических стандартов и привлечения инвестиций из ЕС.

Именно в роли «платформы для конвергенции» заключается главная инновационная идея БЕП. В условиях, когда Евразия стала пространством конкуренции «разноскоростных» и разноформатных интеграционных моделей (ЕАЭС, ЭПШП, инициативы АСЕАН, проекты ЕС и т.д.), возникает риск фрагментации, роста транзакционных издержек и конфликтов юрисдикций. БЕП позиционируется как механизм для их **взаимной стыковки и согласования**.

На практике это означает:

Переговоры о стыковке соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ), например, между ЕАЭС и Вьетнамом, Сербией, Ираном, что становится прототипами будущего более широкого партнерства;

Диалог по гармонизации технических стандартов и санитарных мер между Евразийской экономической комиссией и соответствующими органами других объединений;

Создание общих информационных платформ для синхронизации инфраструктурных проектов, чтобы избежать дублирования и обеспечить их взаимодополняемость;

Политический диалог на площадках ШОС или в рамках специально созданных форматов для выработки общих подходов к ключевым проблемам безопасности и развития.

Таким образом, содержание и принципы БЕП отражают попытку России предложить универсальную, неконфронтационную формулу евразийского порядка, основанного на прагматичном экономическом сотрудничестве и гибкой институциональной архитектуре. Однако его успех зависит от способности преодолеть фундаментальное противоречие между декларируемым равноправием и объективной асимметрией экономического и политического веса основных игроков, прежде всего Китая и России, а также

от готовности этих игроков идти на компромиссы ради создания общих правил, а не просто продвижения собственных национальных стратегий.

Анализ содержания и ключевых принципов инициативы Большого Евразийского партнерства (БЕП) позволяет заключить, что она представляет собой не жесткий интеграционный проект, а концептуальную платформу-рамку, призванную структурировать и согласовывать разнородные взаимодействия на евразийском континенте. Ее принципиальная новизна заключается в отказе от модели глубокой наднациональной унификации в пользу гибкой, прагматичной и инклюзивной формы сетевого сотрудничества («интеграции интеграций»), основанной на взаимном уважении суверенитета и многообразия моделей развития.

Содержательное ядро БЕП формируется четырьмя взаимосвязанными компонентами: экономическая интеграция через гармонизацию правил, создание инфраструктурной взаимосвязанности, проектное финансирование через новые международные банки развития и политический диалог по вопросам безопасности. Ключевые принципы (открытость, прагматизм, уважение суверенитета, равноправие) прямо вытекают из необходимости учесть интересы широкого и разнородного круга потенциальных участников, от ЕС до АСЕАН.

Проведенное сопоставление с другими стратегиями - китайским ЭПШП и политикой ЕС - выявляет уникальную нишу БЕП. Если ЭПШП представляет собой внешнеэкономическую стратегию отдельной державы с проектным фокусом, а подход ЕС - нормативную экспансию ценностно-ориентированного блока, то БЕП позиционирует себя как многостороннюю политическую платформу для конвергенции правил и сведения интересов. Её главная заявленная цель - не доминирование одной модели, а снижение транзакционных издержек и предотвращение фрагментации евразийского пространства через стыковку различных форматов сотрудничества.

Таким образом, инициатива БЕП является амбициозной попыткой институционализировать плюрализм на евразийском пространстве. Однако

её перспективы сталкиваются с фундаментальным вызовом: способностью преодолеть противоречие между декларируемым равноправием и объективной асимметрией экономического и политического влияния ключевых акторов (Китая, России, ЕС). Успех концепции будет зависеть не столько от её нормативной привлекательности, сколько от готовности этих акторов поступиться частью своего оперативного суверенитета в принятии решений ради создания подлинно общих, устойчивых и сбалансированных правил игры. На данном этапе БЕП остается скорее стратегическим концептом и переговорной рамкой, практическое наполнение которой происходит в конкурентном поле с более мощными и ресурсно обеспеченными инициативами.

Геополитический и геоэкономический ландшафт Большой Евразии

Реализация инициативы Большого Евразийского партнерства разворачивается не в вакууме, а в сложном, динамичном и конкурентном пространстве, которое само по себе является объектом стратегического тяготения ключевых мировых и региональных держав. «Большая Евразия» как географический и геополитический концепт простирается от берегов Атлантики до Тихого океана и включает в себя множество субрегионов с различными историческими траекториями, уровнями развития и внешнеполитическими ориентациями. Успех или неудача БЕП будут напрямую зависеть от того, насколько его архитекторам удастся правильно учесть и сбалансировать интересы многочисленных акторов, действующих на этой гигантской шахматной доске, а также от их способности превратить вызовы глобальной трансформации в возможности для кооперации.

Каждый из крупнейших игроков в Большой Евразии обладает собственным видением региона и набором стратегических приоритетов, которые лишь частично пересекаются с целями БЕП.

Россия выступает инициатором и главным идеологом БЕП. Ее интерес двоякий: **во-первых, экономический** - преодоление ограничений узкого рынка ЕАЭС за счет подключения к динамичным экономикам Азии,

диверсификация экспорта и привлечение инвестиций в инфраструктуру. **Во-вторых, геополитический и идентификационный** - укрепление статуса России как самостоятельного центра силы и незаменимого связующего узла («интегратора интеграций») между Европой и Азией. Через БЕП Россия стремится структурировать хаотичные связи на континенте, сохранив свою центральную роль и избежав маргинализации между более мощными экономическими блоками. Для Москвы БЕП - это способ сохранить стратегическую инициативу и предложить позитивную, неконфронтационную повестку, альтернативную изоляции [4].

Китай является экономически самым мощным и системообразующим игроком. Его интерес к БЕП носит **избирательно-прагматичный характер**. Пекин поддерживает концепцию в целом как созвучную риторике «сообщества единой судьбы человечества» и как полезную политическую рамку для своего главного проекта – **Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП)**. Однако Китай не заинтересован в создании сильных наднациональных институтов, которые могли бы ограничить его свободу действий или поставить под вопрос его экономическое доминирование в Центральной Азии и других регионах [2]. Для КНР идеальная модель – это сеть двусторонних соглашений в рамках ЭПШП, где он определяет условия финансирования и стандарты. Поэтому поддержка БЕП со стороны Китая будет продолжаться ровно до тех пор, пока эта инициатива облегчает реализацию китайских проектов и не создает альтернативных правил, конкурирующих с его влиянием.

Индия занимает противоречивую позицию. С одной стороны, она заинтересована в развитии транспортных коридоров (таких как Международный север-южный транспортный коридор - МСТК) для доступа к рынкам Центральной Азии, России и Европы, минуя территорию своего геополитического соперника Пакистана. Это делает ее потенциальным партнером в инфраструктурной составляющей БЕП. С другой стороны, **Индия испытывает глубокое недоверие к любому формату, где**

доминирует китайско-российский тандем, особенно в свете тесного партнерства между Москвой и Пекином и присутствия Китая в Пакистане (проект КПЭК). Участие Индии в БЕП будет зависеть от способности архитекторов предложить ей особые условия и гарантии, а также от общего состояния ее отношений с Китаем. Пока что Нью-Дели предпочитает развивать собственные региональные инициативы и форумы.

Страны Европейского союза, несмотря на географическую принадлежность к Евразии, остаются наиболее сложными и дистанцированными потенциальными партнерами для БЕП. После 2014 и особенно 2022 года **политический диалог между ЕС и Россией, как главным драйвером БЕП, фактически заморожен**. Евросоюз рассматривает БЕП через призму геополитического противостояния, видя в нем инструмент российской стратегии по ослаблению единства ЕС и созданию сферы влияния. Экономически некоторые страны ЕС (например, Германия) ранее были заинтересованы в транзитных возможностях Евразии, но сейчас этот интерес подавлен санкционным режимом. В долгосрочной перспективе при изменении политического климата прагматичный экономический интерес к связности может вернуться, но в обозримом будущем ЕС является не партнером, а скорее внешним ограничителем для БЕП, предлагая альтернативу в виде своей Глобальной стратегии связности [3].

АСЕАН и страны Юго-Восточной Азии - это естественные и наиболее перспективные партнеры для БЕП с восточного фланга. Они обладают динамичной экономикой, заинтересованы в диверсификации внешних связей и снижении чрезмерной зависимости от Китая или США. Для них БЕП - это возможность получить доступ к обширным рынкам ЕАЭС и Европы через наземные коридоры, а также привлечь инвестиции. Однако их подход будет крайне **прагматичным и осторожным**. Они не станут выбирать между конкурирующими инициативами, а будут участвовать в тех проектах в рамках БЕП, которые приносят конкретную выгоду, параллельно развивая

сотрудничество в рамках РСЕР, с ЭПШП и с США. Их лояльность нельзя купить риторикой; ее нужно зарабатывать экономическими результатами.

Ландшафт Большой Евразии формируется под влиянием общемировых трендов, которые создают как серьезные препятствия, так и потенциальные окна возможностей для БЕП.

Ключевые вызовы:

1. **Геополитическая фрагментация и санкционное противостояние:** Разрыв отношений между Россией и Западом делит Евразию на конфронтирующие сегменты, затрудняет привлечение западных технологий и инвестиций, блокирует сотрудничество с ЕС – одним из важнейших экономических полюсов континента. Это превращает БЕП из общеевразийского в преимущественно азиатско-ориентированный проект.

2. **Структурная асимметрия интересов:** Глубинная проблема БЕП - несовпадение конечных целей участников. Россия видит в нем политический проект суверенизации и создания центра силы, Китай – логистическую инфраструктуру для своей экономики, страны Центральной Азии - источник инвестиций и гарантию многовекторности, Индия - инструмент балансировки против Китая. Согласовать эти разнонаправленные интересы крайне сложно.

3. **Конкуренция альтернативных проектов:** БЕП конкурирует не только с китайским ЭПШП, но и с инициативами США (например, Партнерством для глобальной инфраструктуры и инвестиций - PGII), Японии, Турции, Ирана. Это создает для стран «перекрестка» возможность выбора и торга, замедляя консолидацию вокруг одной идеи.

4. **Инфраструктурные и финансовые дефициты:** Реализация мегапроектов требует колоссальных инвестиций, которых нет у России и большинства стран ЕАЭС в

изоляции. Зависимость от китайского финансирования может подорвать принцип равноправия.

Потенциальные возможности:

1. **Регионализация и поиск новых цепочек создания стоимости:** Глобальный тренд на регионализацию экономики в ответ на сбой в глобальных цепочках поставок создает спрос на создание устойчивых континентальных связей. БЕП может позиционироваться как платформа для формирования новых, менее уязвимых логистических и производственных цепочек внутри Евразии.

2. **Энергетический и ресурсный трансформационный потенциал:** Евразия обладает колоссальными ресурсами (энергия, редкоземельные металлы, продовольствие). Сотрудничество в области «зеленой» энергетики, водородной экономики и ответственного использования ресурсов может стать новой содержательной повесткой для БЕП.

3. **Цифровизация как область прорыва:** Разработка общих стандартов цифровой торговли, кибербезопасности, развития телекоммуникационных сетей (включая 5G/6G) – это та сфера, где правила игры еще окончательно не установлены и у БЕП есть шанс предложить свои решения, избежав прямой конкуренции в традиционной инфраструктуре.

4. **Рост значимости «глобального Юга»:** Усиление роли стран Азии, Африки и Ближнего Востока повышает важность евразийских транзитных маршрутов. БЕП может стать связующим звеном между этими новыми центрами роста, предлагая модель сотрудничества, альтернативную старой биполярной или униполярной системе.

Таким образом, геополитический и геоэкономический ландшафт Большой Евразии представляет собой мозаику из пересекающихся, а часто и конфликтующих интересов. Инициатива БЕП является амбициозной

попыткой наложить на эту сложную реальность упорядочивающую рамку. Её судьба будет зависеть не только от дипломатического искусства России, но и от того, сможет ли она предложить конкретные экономические выгоды, преодолеть атмосферу недоверия между ключевыми акторами и адаптироваться к стремительно меняющимся глобальным условиям, превращая системные угрозы в точки для нового сотрудничества.

Анализ геополитического и геоэкономического ландшафта Большой Евразии позволяет заключить, что инициатива БЕП реализуется в крайне сложной, конкурентной и фрагментированной среде. Её судьба определяется не столько формальной привлекательностью концепции, сколько способностью преодолеть фундаментальные противоречия между интересами ключевых акторов и превратить глобальные вызовы в инструменты кооперации.

Главной особенностью ландшафта является глубокая асимметрия целей и возможностей основных игроков: для России БЕП - проект геополитического позиционирования и экономической дезинтеграции; для Китая - полезная политическая рамка для его национальной стратегии ЭПШП; для стран АСЕАН - прагматичный инструмент диверсификации связей; для Индии - потенциальный, но подозрительный из-за китайского фактора, коридор; для ЕС - на текущем этапе, скорее, вызов, а не партнер. Это многообразие превращает БЕП в арену постоянного торга и ситуативной конвергенции, а не в целостный, движимый единой волей проект.

Ландшафт формируется под воздействием комплекса структурных вызовов: геополитическая фрагментация и санкционное противостояние (исключающее полноценное участие Запада), конкуренция с альтернативными мегапроектами (ЭПШП, инициативы США и др.), хронические инфраструктурно-финансовые дефициты, а также базовая дилемма между принципом равноправия и объективным экономическим доминированием Китая.

Однако тренды глобальной трансформации одновременно открывают для БЕП окна возможностей. К ним относятся: растущий спрос на регионализацию и новые устойчивые цепочки создания стоимости внутри континента; необходимость совместного освоения энергетического и цифрового трансформационного потенциала; а также общее усиление роли «глобального Юга», повышающее стратегическое значение евразийских транзитных и кооперационных маршрутов.

Таким образом, БЕП существует в условиях перманентного напряженного поля между вызовами и возможностями. Его перспектива заключается не в быстром институциональном оформлении, а в способности выступать гибкой платформой для ситуативных, но стратегически важных альянсов и проектов, отвечающих конкретным интересам разных групп стран. Успех инициативы будет измеряться её прагматической полезностью в решении актуальных задач - от логистического диверсификаций до технологической кооперации, - а не достижением изначально провозглашенной всеобъемлющей архитектуры. В конечном счете, ландшафт Большой Евразии диктует БЕП роль не верховного арбитра, а одного из ключевых посредников в непрекращающемся процессе переговоров о будущем континента.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать обобщающий вывод о том, что Большое Евразийское партнерство (БЕП) представляет собой закономерную и комплексную эволюцию интеграционной стратегии России и ее партнеров в ответ на смену парадигмы глобального развития. Его формирование не является спонтанным, а отражает диалектику внутреннего развития регионального ядра (ЕАЭС) и необходимость адаптации к радикальным изменениям внешней среды.

Во-первых, эволюция от ЕАЭС к БЕП демонстрирует стратегический переход от задач внутренней консолидации к макрорегиональному позиционированию. Исчерпав потенциал «углубления» и «расширения» в рамках постсоветского пространства и столкнувшись с вызовом китайского

мегапроекта ЭПШП, инициаторы БЕП предприняли попытку масштабировать влияние, предложив собственную, более широкую архитектурную рамку. В этой логике ЕАЭС не был замещен, а трансформировался в институционально-нормативный фундамент и переговорный актив новой инициативы.

Во-вторых, содержательное ядро и принципы БЕП сформированы как ответ на разнородность евразийского пространства. Отказ от жесткой наднациональной модели в пользу открытой, сетевой и прагматичной платформы («интеграции интеграций»), основанной на уважении суверенитета, отражает стремление стать универсальной рамкой для согласования интересов, а не новой унифицирующей силой. Ключевая инновация БЕП - это претензия на роль платформы для конвергенции и стыковки различных, зачастую конкурирующих, региональных проектов (ЭПШП, инициативы ЕС, АСЕАН), целью которой является снижение транзакционных издержек и предотвращение фрагментации континента.

В-третьих, реализация этой концепции происходит в исключительно сложном геополитическом и геоэкономическом ландшафте, характеризующимся глубокой асимметрией интересов ключевых акторов (Россия, Китай, Индия, ЕС, АСЕАН). Структурные противоречия между целями участников, геополитическая фрагментация, финансовая зависимость и прямая конкуренция с альтернативными инициативами формируют фундаментальные вызовы для воплощения идеи БЕП в жизнь.

Однако параллельно глобальные тренды - регионализация экономики, цифровая и энергетическая трансформация, возвышение «глобального Юга» - создают для БЕП потенциальные окна возможностей. Они позволяют позиционировать инициативу как инструмент для построения новых устойчивых цепочек создания стоимости, технологической кооперации и усиления континентальной связности.

Таким образом, БЕП на концептуальном уровне представляет собой амбициозную, но вынужденную попытку структурировать хаотичное

евразийское пространство, предложив ему модель гибкого, деидеологизированного и прагматичного взаимодействия поверх существующих разделительных линий. Его перспектива заключается не в быстром создании новой наднациональной организации, а в способности функционировать как механизм для ситуативных, но стратегически значимых коалиций и проектов, способных доказывать свою практическую полезность в условиях острой конкуренции. Успех или неудача БЕП будут в конечном итоге зависеть от способности его архитекторов превратить системные вызовы евразийского ландшафта в конкретные точки экономического роста и политического диалога для всех вовлеченных сторон.

Список источников и литературы

1. Ивочкина А.С. Турецко-китайское взаимодействие в рамках инициативы "Нового шёлкового пути" // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 197-206.
2. Ногмова А.Ш. Значение миграционной политики России в развитии приграничного сотрудничества // Вестник молодых ученых-международников. 2018. № 3 (5). С. 25-38.
3. Ногмова А.Ш. Политико-правовая основа приграничного сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 4 (22). С. 114-124.
4. Шангараев Р.Н. Интеграционное взаимодействие Евразийского экономического союза и Турции на современном этапе // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 2. С. 36-41.
5. Шангараев Р.Н. Стратегические интересы российско-китайского сотрудничества и вопросы национальной безопасности в рамках развития ШОС // В сборнике: ШОС: возможности и перспективы. материалы международной конференции. 2016. С. 129-140.
6. Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. Соперничество региональных и внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте концепции евразийства // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. С. 75-82.

Станислав Александрович Агуреев,
доцент кафедры международных отношений
и внешней политики Дипломатической
академии МГИМО МИД России,
кандидат исторических наук,
E-mail: stas.agureev@mail.ru

Stanislav A. Agureev,
Associate Professor of the Department of
International Relations and Foreign Policy,
Diplomatic Academy of MGIMO University
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,
PhD in History,
E-mail: stas.agureev@mail.ru

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АФРИКАНСКОМ РЕГИОНЕ
И СОЗДАНИЕ «НОВЫХ ПАРТНЕРСТВ»
RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE AFRICAN REGION AND THE
CREATION OF "NEW PARTNERSHIPS"**

Аннотация: статья посвящена формированию новых теоретических концептов во внешней политике России в отношении стран африканского континента. В период с 2016-2026 гг. произошли глубинные изменения в определении роли и места региона в российской внешней политике, получил развитие подход к развитию новых партнерств в Африке. Посвятив последние несколько лет разработке целостной теории современных российско-африканских отношений, автор приходит к выводу, что к 2026 г. завершился этап институционализации российской внешней политики в регионе, определены цели и приоритеты ее развития на ближайшие годы и аспекты стратегического партнерства с Африкой. Не являясь арабистом, автор не рассматривает политические процессы в странах Магриба.

Ключевые слова: внешняя политика России в Африке, «новые партнерства», информационная политика, безопасность.

Abstract: the article is devoted to the formation of new theoretical concepts in Russia's foreign policy towards the countries of the African continent. In the period

from 2016 to 2026, there have been profound changes in the definition of the region's role and place in Russian foreign policy, and a new approach to developing partnerships in Africa has been developed. After devoting the past few years to developing a comprehensive theory of the development of modern Russian-African relations, the author concludes that by 2026, the stage of institutionalization of Russia's foreign policy in the region has been completed, and the goals and priorities for its development in the coming years, as well as the aspects of its strategic partnership with Africa, have been identified. As an Arabist, the author does not consider political processes in the Maghreb countries.

Keywords: Russia's foreign policy in Africa, "new partnerships", information policy and security.

Введение

В последние годы в российской внешней политике в Африке проявился ряд новых тенденций, позволяющих говорить о начале нового этапа российско-африканских отношений. Наиболее важными особенностями российской внешней политики стали – появление ряда новых партнерств, активное участие Российской Федерации в обеспечении безопасности на континенте, заметно более активное использование на африканском треке политики «мягкой силы», стремление к построению более справедливого миропорядка в противовес миру основанному на правилах, отказ от идеологической составляющей в отношениях с государствами континента. Все большую роль в российско-африканских отношениях сегодня играют экономические саммиты, где во главу угла ставится торговое сотрудничество и доступность технологий. Крайне важным аспектом развития современных российско-африканских отношений, как указывает известный российский исследователь Д.А. Дегтерев, [6; 7] является переход от модели периферийности стран региона к постепенному превращению африканского континента в один из центров мирового развития. Сам же этот процесс, как убедительно показывает исследователь, является частью более широкого -

«властного транзита» от стран коллективного Запада к государствам глобального Юга. Кардинально изменилось положение региона на мировой политической и экономической карте. Все большую роль африканские государства играют в международных организациях и экономических процессах. Возрастает роль Африки в международной дипломатической и хозяйственных сферах. Африке принадлежит 25% мест в ООН, и 30% в Исламской конференции. Кроме того, африканский континент является сырьевой базой мировой экономики [13, с. 10]. Африка становится и центром производственного развития [4]. Постепенно возрастает и роль Российской Федерации в качестве балансира между США и КНР, в том числе, и в африканском регионе. Эти тенденции получили и свое институциональное обоснование в Концепциях внешней политики России 2016 и 2023 гг. [9], где усиление африканского вектора внешней политики приобрело ярко выраженное значение, как в плане расширения сотрудничества с отдельными странами, так и с международными региональными организациями.

Трансформация внешнеполитических приоритетов России в африканском регионе и создание «новых партнерств»

В период СССР отношения со странами Африки находились на высоком уровне развития экономических и политических связей. Советский Союз был страной, установившей дипломатические отношения с 41 государством континента. Активно осуществлялось научно-техническое и культурное сотрудничество, развивались обширные внешнеторговые связи как со странами Магриба, так и с Тропической Африкой [1; 2; 3]. Благодаря помощи СССР в странах региона была создана широкая прослойка научно-технических кадров, хорошо говоривших на русском языке. Лишь с распадом СССР позиции нашей страны в качестве одного из лидеров в регионе были утрачены. В современных условиях восстановление связей со странами Африки на взаимовыгодной партнерской основе является одним из наиболее значимых приоритетов внешней политики России на африканском треке.

Отличительной чертой в развитии современных отношений между РФ и странами Африки стало создание «новых партнерств» с отдельными государствами региона. Под термином «новое партнерство» автор статьи понимает развитие связей с теми африканскими государствами, с которыми ранее у СССР и Российской Федерации не было развитых партнерских отношений, либо характер этих отношений приобрел наиболее заметную трансформацию по сравнению с периодом позднего СССР - началом 2000 гг. В этом смысле к первой группе стран Африки с которыми Российская Федерация установила «новое партнерство» следует отнести такие государства, как Эритрея, Эсватини (Свазиленд), Экваториальная Гвинея и др. Дипломатические отношения с Эритреей были установлены в 1993 г. после провозглашения страной независимости. Однако активному развитию российско-эритрейских отношений долгое время препятствовали территориальные противоречия между Эритреей и Эфиопией. Лишь после дипломатического урегулирования между странами отношения Российской Федерации с этой африканской страной вышли на новый уровень. Партнерство с Эритреей также важно с точки зрения логистики и проникновения российских компаний в глубь африканского континента. Развитию отношений способствовал и визит С.В Лаврова в эту африканскую страну в рамках африканского турне в январе 2023 г.

С другим государством из данной группы - Эсватини до 1999 г. у Российской Федерации не было дипломатических отношений, развитие же торговых связей не отличалось особой интенсивностью. Изменения наступили после состоявшегося в январе 2023 г. визита в страну министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова - эта поездка была первым визитом нашего министра в страну.

Отношения еще с одной страной данной группы - Экваториальной Гвинеей характеризуются периодами активизации, а затем длительного снижения интереса. Установленные в 1968 г. советско-гвинейские дипломатические отношения и торгово-экономические связи не имели

высокой положительной динамики, а в 1990 гг. были прерваны. Лишь в 2023 г. восстановило свою работу в стране российское посольство. Сегодня отношения двух стран вышли на новый более высокий уровень и сопровождаются положительной динамикой. Активное сотрудничество в двухстороннем формате ведется в области добычи нефтяных ресурсов.

Вторую группу «новых партнерств» образуют такие страны как Мали, Нигер, ЦАР, Буркина Фасо, Джибути и др. С большинством из них сегодня развиваются интенсивные отношения в области безопасности и военного сотрудничества, создаются эффективные механизмы по противодействию террористическим угрозам. Приоритетными сферами отношений являются политическая и военная. Россия выступает в этих связях в качестве гаранта безопасности и сохранения суверенитета африканских государств и видится нашими партнерами на континенте в качестве противовеса неоколониальной политике европейских держав. Заметную роль в развитии отношений со странами второй группы играет концепт «мягкой силы» России в регионе, накопленный еще в советский период имиджевый капитал нашей страны. Однако сегодня в отличие от советского периода отношений со странами данной группы на первый план вышли не идеология и готовность строить социализм, а заинтересованность африканских акторов в создании собственного интеграционного объединения с опорой на Россию и КНР, а также необходимость скорейшего внедрения технологий для разработки природных ресурсов собственных стран. Российские добывающие компании сегодня активно работают на внутренних рынках Мали и Нигера. Именно в этих сферах Российская Федерация обладает целым рядом конкурентных преимуществ и рассматривается правительствами данных государств в качестве наиболее выгодного партнера.

Активно развиваются сегодня и российско-джибутийские отношения. Эта небольшая страна Северо-Восточной Африки располагает крайне выгодным геостратегическим расположением и нуждается в инвестициях. Как указывает российский Чрезвычайный и Полномочный посол А. Брегадзе,

наблюдается «позитивная динамика развития российско-джибутийских отношений в сферах культуры, образования, межцерковных контактов, науки» [5, с. 51]. Существуют перспективы сотрудничества двух стран в космической сфере [5, с. 51]. Постепенно развиваются связи и с другими странами данной группы, однако интенсивность этих отношений пока не так высока. Следует отметить, что расширение «новых партнерств» со странами региона одновременно с наращиваем динамики взаимодействия с африканскими государствами уже являющимися центрами экономического развития способно укрепить присутствие России в Африке, создать основу для расширения торгово-экономического сотрудничества и становления отношений стратегического партнерства.

Сотрудничество Российской Федерации с Африкой в информационной сфере и вопросах безопасности

Одним из наиболее приоритетных направлений сотрудничества африканских стран с РФ является взаимодействие в сфере кибербезопасности, искусственного интеллекта, телекоммуникационных систем. Курс на развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры в ближайшие годы взяло большинство стран континента. Так, Кения по оценке экспертов стала первым государством Африки, где было объявлено о создании цифрового государства и электронных паспортов [15]. Расширение сотрудничества между РФ и странами континента в сфере информационных технологий «...способно кардинально изменить расклад сил в социально-экономическом, политическом и культурно-образовательном направлениях развития в региональном и мировом масштабе», - указывает Н.С. Уланова [15]. На сегодняшний день в Африке работают российские СМИ - ТАСС, «Россия сегодня», «Спутник», ведется вещание на 22 африканских языках. С 2022 г. действует проект «Спутник Африка», а общий охват африканской аудитории российскими культурными программами составляет 30 миллионов человек. Однако, как указывает официальный представитель российского МИД Мария Захарова имеются

направления информационной политики которые требуют существенного усиления: «В России не аккредитовано ни одно африканское СМИ, что является недостатком, поскольку необходимо создавать благоприятные условия для работы журналистов из этих стран. Россия взаимодействует с корреспондентами на месте, но этого недостаточно. Журналисты из Африки посещают Россию эпизодически для освещения крупных событий. В условиях доминирования английских и французских СМИ африканцы получают неполную картину о событиях в России, что является результатом давления западных стран на африканские власти» [8]. В качестве рекомендаций для российской информационной политики в регионе дипломат предложила расширить партнерскую сеть между российскими и африканскими СМИ, а также организовывать специальные курсы для журналистов из африканских стран [8].

Еще одним приоритетным направлением сотрудничества России в последние 10 лет с африканскими государствами стали вопросы обеспечения безопасности и сохранения суверенитета, противодействия неоколониализму. Так, на основе заключенного между Российской Федерацией и Республикой Мали соглашения о военном сотрудничестве от 25 июня 2019 г. малийской стороне предоставлялась помощь в обучении военных кадров Республики, обмен опытом в области контртеррористической деятельности и миротворчества. За годы действия соглашения на территории России прошли обучение офицеры малийской армии, предоставлялась и помощь в виде поставок военной техники. Следует отметить, что российско-малийское сотрудничество развивалось в условиях отказа Франции от предоставления помощи малийскому правительству и привело страну к региональной изоляции. В этих условиях малийское правительство обратилось за помощью к Российской Федерации. На сегодняшний момент между странами ведется активное сотрудничество в области противодействия действующим в регионе террористическим группировкам. Отношения в области безопасности дополняется аспектами гуманитарного взаимодействия между странами:

Россия осуществляет поставки зерна и удобрений, ведется совместная разработка литиевых месторождений [10]. Поддержка, оказываемая Российской Федерацией в рамках данного соглашения сыграла важную роль в обеспечении безопасности Республики Мали и позволила стране сохранить суверенитет.

Другой страной, с которой Российская Федерация активно развивает сотрудничество в области безопасности стала Центрально-Африканская Республика. Соглашение о военном сотрудничестве двух стран было подписано в 2018 г. - на его основе велась подготовка военных армии ЦАР, в том числе, с целью противодействия террористическим группировкам [11]. Правительство Центрально-Африканской Республики высоко оценивает помощь России в противодействии терроризму и экстремизму. Сотрудничество двух стран в области безопасности стало основой и для дальнейшего торгово-экономического и гуманитарного взаимодействия.

Следует отметить, что расширение сотрудничества России в военной сфере с африканскими странами позволило в 2022-2025 гг. существенно укрепить российское присутствие в Центральной и Западной Африке и реализуется в рамках Концепции внешней политики страны 2023 г. согласно которой одной из ключевых целей является становление Африки в качестве самобытного центра мирового развития [14].

Перспективы укрепления российского влияния в африканском регионе

Возвращение России в Африку происходит в достаточно сложных условиях, когда сложившиеся экономические зоны поделены между США, КНР, Францией, Великобританией, а также Бразилией, Индией, Саудовской Аравией, Турцией, ОАЭ и др. государствами [1, 2]. В этой конкурентной среде нашей стране приходится участвовать в жестком экономическом соперничестве с другими странами, имеющими в регионе собственные интересы. При этом РФ обладает и рядом конкурентных преимуществ от использования которых во многом зависит сама возможность укрепления

российского влияния на континенте. Среди подобных преимуществ особо следует выделить востребованность российских военных и гражданских технологий, заинтересованность африканских партнеров в сотрудничестве в области сельского хозяйства, транспорта, добывающей промышленности, атомной энергетике, научной и образовательной областях [12]. При этом экономическая помощь и взаимодействие с африканскими государствами в отличие от стран коллективного Запада не обставляется российской стороной целым рядом политических условий. Российская Федерация традиционно придерживается политики уважения суверенитета и невмешательства в дела африканских государств. Именно данное обстоятельство делает Россию наиболее привлекательным партнером для развития торгово-экономических и политических связей.

Усилению позиций России в регионе способствует и то обстоятельство, что наша страна выступает не в качестве ориентира для построения экономической и политической нормативной модели, как например США и КНР или Франция, а выступает именно в качестве партнера в области поддержания безопасности и торговли, выступает источником необходимых для Африки технологий, в том числе, информационных. Политический ландшафт сотрудничества с государствами Африки и расширения географии «новых партнерств» также благоприятен для российских инициатив. Следует отметить, что подавляющее большинство африканских стран заинтересованы в построении более справедливого многополярного миропорядка и осуждают вводимые Западом антироссийские санкции. Дополнительный импульс развитию российско-африканских отношений придает и антиколониальная направленность внешней политики России, ее заинтересованность в сохранении суверенитета африканских акторов. При непосредственном участии и помощи России состоялось и историческое расширение БРИКС за счет африканских стран Эфиопии и Египта. Все большее значение в рамках российской политики играет концепт «мягкой силы» и культурного влияния,

что способствует выработке единой совместной повестки экономического и политического развития.

Заключение

В последние годы развитие партнерских отношений с Африкой вышло на новый уровень. Наряду с традиционными для российской внешней политики в регионе направлениями сформировался ряд «новых партнерств» с государствами, которые долгое время не рассматривались в качестве привлекательных для активного сотрудничества как в политической, так и торгово-экономической сферах. Об этом свидетельствует как расширение географии визитов российских официальных лиц в страны африканского континента, так и увеличение объема торгово-экономических отношений. Все большее внимание для обеспечения российских интересов в рамках расширения партнерства с Африкой уделяется концепту «мягкой силы» и информационной политике.

В отношениях с государствами региона у Российской Федерации имеется ряд конкурентных преимуществ - огромный опыт в области атомной энергетики, развитии транспортной инфраструктуры, добывающей и перерабатывающей промышленности, строительства гидроэнергетических объектов. Большую роль в активизации российско-африканских отношений и увеличении объемов торгового партнерства играют саммиты «Россия-Африка» [16]. Удовлетворяется и запрос государств региона на обеспечение безопасности, эффективное противодействие террористическим угрозам. Об этом свидетельствует участие России в разрешении кризисных ситуаций в Мали и ЦАР, что позволило выйти отношениям с этими государствами Африки на новый уровень партнерства. В современных условиях роста конкуренции за влияние в регионе важнейшим концептом российской внешней политики становится следование африканской повестке, более активное участие в реализации целей устойчивого развития, инициативе «Африка-2063», продвижении сотрудничества с государствами континента в рамках БРИКС и других международных организаций. От комплексной

реализации этих задач в ближайшие годы во многом будет зависеть положение нашей страны в африканском регионе.

Список источников и литературы

1. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на Африканском направлении//Мировая экономика и международные отношения. 2019, том 63, № 12, с. 90-100. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=vestnik&y=2020&v=90&n=11&a=Vestnik2011002Abramova&ysclid=mn5puw00vg946149884> (дата обращения: 11.02.2026).
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Россия и Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 11. С. 1067–1076.
3. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка. Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 9. С. 837-848.
4. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. Доклад подготовлен авторским коллективом Центра изучения Африки и Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ – М.: Международные отношения, 2021. - 142 с.
5. Брегадзе А. Республика Джибути: «Мал золотник, да дорог»// Международная жизнь, Февраль 2026, С. 46-52.
6. Дегтерев Д.А. «Коллективная опора на собственные силы»: новое прочтение концепции в Сахеле в контексте становления многополярного мира // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2 (67). С. 60–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnaya-opora-na-sobstvennyye-sily-novoe-prochtenie-kontseptsii-v-sahele-v-kontekste-stanovleniya-mnogopolyarnogo-mira?ysclid=mn3c526vxs69521408> (дата обращения: 10.03.2026).
7. Дегтерев Д.А. Конкуренция между США и КНР. Возможности для России. Монография /Под ред. Д.А. Дегтерева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. 300 с.
8. Захарова М.В. России следует активнее налаживать информационную политику в Африке// Парламентская газета, 6 марта 2025. URL: <https://www.pnp.ru/politics/zakharova-rossii-sleduet-aktivnee-nalazhivat-informacionnuyu-politiku-v-afrike.html?ysclid=mn7abx5ut1101882068> (дата обращения: 26.03.2026).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Указом президента Российской Федерации 31. 3. 2023 №229). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/1> (дата обращения: 21.03.2026).
10. Медушевский Н.А., Малютин Д.А. Сотрудничество России и Мали в контексте противодействия

- терроризму// Theories and Problems of Political Studies. 2023. Vol.12, С. 50-61. <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-8/b2-malyutin.pdf> (дата обращения: 28.03.2026).
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве от 25 июня 2019 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907150001> (дата обращения: 03.03.2026).
12. План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы <http://kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения: 10.11.2025).
13. Россия-Африка: стратегическое сотрудничество. Монография. /М.Г. Троянский, О.Г. Карпович, Г.М. Сидорова, Р.Н. Шангараев. Дипломатическая академия МИД России. М.: 2023.- 324 с.
14. Трофимова О. Военно-политическое измерение Африканского континента в контексте внешней политики РФ// Международная жизнь, Январь, 2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49623?ysclid=mna298x2dj602072801> (дата обращения: 27.03.2026).
15. Уланова Н.С. Актуальные направления сотрудничества России и стран Африки в области цифровой и информационной безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-napravleniya-sotrudnichestva-rossii-i-stran-afriki-v-oblasti-tsifrovoy-i-informatsionnoy-bezopasnosti?ysclid=mn794s0k88286552546> (дата обращения: 26.03.2026).
16. Фитуни Л.Л. Роль «африканских» саммитов лета 2023 г. в построении нового миропорядка // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. № 3 (64). С. 5–20.

Нафиков Ильсур Закирзянович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры алтаистики, тюркских и
центральноазиатских исследований,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Ilsur Z. Nafikov,
PhD in History, Associate
Professor of the Department of Altay,
Turkic and Central Asian Researches,
Kazan (Volga region) Federal University,
E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

**ДОКТРИНА «ГОЛУБАЯ РОДИНА» (MAVİ VATAN) КАК
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ: ОТ
ВОЕННО-МОРСКОЙ ТАКТИКИ К ИНСТРУМЕНТУ
ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО БАЛАНСА
THE “BLUE HOMELAND” (MAVİ VATAN) DOCTRINE AS A
STRATEGIC PARADIGM OF MODERN TURKEY: FROM NAVAL
TACTICS TO AN INSTRUMENT OF TRANSFORMING THE REGIONAL
BALANCE**

Аннотация: доктрина «Голубая Родина» (Mavi Vatan) представляет собой, в современной Турции, системообразующую, то есть определяющую, структурирующую всю политику, стратегическую парадигму. Парадигму, которая, во-первых, задаёт внешнеполитический, а во-вторых, и это не менее важно, оборонный курс Турецкой Республики в XXI веке. Зародившись, по-видимому, в первую очередь как военно-морская, тактическая доктрина (как защищать свои морские границы, как противодействовать греческому флоту), она, со временем, эволюционировала, расширилась и превратилась, как мы видим, в комплексный, многослойный идеолого-практический конструкт. Конструкт, который синтезирует в себе, во-первых, переосмысленное, адаптированное к современным условиям наследие классической геополитики (Хэлфорда Маккиндера, Альфреда Мэхэна, Карла Хаусхофера), во-вторых, неоосманские, имперские амбиции (возвращение Турции в бывшие османские провинции, роль регионального лидера) и, в-третьих, прагматические, насущные императивы энергетической

безопасности (контроль над месторождениями газа, обеспечение маршрутов поставок). Данная статья, как заявлено, осуществляет многоаспектный, всесторонний анализ доктрины «Голубая Родина». Исследуются, во-первых, её теоретические истоки (какие мыслители, какие школы, какие концепции повлияли). Во-вторых, её идеологическое содержание (какие ценности, какие нарративы, какие образы врага и друга она продвигает). В-третьих, её операционные механизмы (как, на практике, через какие институты, инструменты, действия она реализуется). И, в-четвёртых, её трансформационное воздействие как на внутреннее развитие самой Турции (рост национализма, милитаризация экономики, изменение образовательной политики), так и на её внешнеполитическую позицию (конфронтация с Грецией, Египтом, Израилем, Европейским союзом, попытки диалога с Россией и США). В статье утверждается, как можно понять, что доктрина «Голубая Родина» служит, по сути, инструментом конструирования новой региональной субъектности Анкары. Не просто «страна в регионе», а великая держава, центр силы, игрок, с которым вынуждены считаться. Однако, и это ключевая оговорка, её практическая реализация, основанная, во-первых, на односторонних действиях (нарушающих международные соглашения), а, во-вторых, на ревизии норм международного морского права (смелых, новаторских интерпретациях, не признаваемых большинством стран), закономерно, как можно утверждать, превратила Восточное Средиземноморье в узел, в клубок хронической конфликтной, то есть порождающей конфликты, нестабильности. И это, в свою очередь, ставит под серьёзный вопрос саму долгосрочную устойчивость, реалистичность, эффективность данной доктрины.

Ключевые слова: Турция, «Голубая Родина», Mavi Vatan, геополитика, Восточное Средиземноморье, морское право, неоосманизм, энергетическая безопасность, региональная конфликтность.

Abstract: the «Blue Homeland» (Mavi Vatan) doctrine represents, in contemporary Turkey, a system-forming that is, defining and structuring all policy-

strategic paradigm. A paradigm that, firstly, sets the foreign policy, and secondly (and no less importantly), the defense direction of the Republic of Turkey in the 21st century. Originating seemingly primarily as a naval tactical doctrine (how to defend maritime borders, how to counter the Greek fleet), it has over time evolved, expanded, and transformed, as we see, into a complex, multi-layered ideological-practical construct. A construct that synthesizes, firstly, the rethought and adapted legacy of classical geopolitics (Halford Mackinder, Alfred Mahan, Karl Haushofer); secondly, neo-Ottoman, imperial ambitions (Turkey's return to former Ottoman provinces, the role of regional leader); and thirdly, pragmatic, pressing imperatives of energy security (control over gas fields, ensuring supply routes). This article, as stated, carries out a multi-faceted, comprehensive analysis of the «Blue Homeland» doctrine. It examines, firstly, its theoretical origins (which thinkers, which schools, which concepts influenced it). Secondly, its ideological content (which values, which narratives, which images of enemy and friend it promotes). Thirdly, its operational mechanisms (how, in practice, through which institutions, instruments, and actions it is implemented). And fourthly, its transformative impact both on Turkey's internal development (the rise of nationalism, militarization of the economy, changes in educational policy) and on its foreign policy stance (confrontation with Greece, Egypt, Israel, the European Union, and attempts at dialogue with Russia and the USA). The article asserts, as can be understood, that the «Blue Homeland» doctrine essentially serves as an instrument for constructing Ankara's new regional subjectivity. Not merely a «country in the region», but a great power, a center of force, an actor that others are forced to reckon with. However, and this is a key caveat, its practical implementation, based firstly on unilateral actions (violating international agreements) and, secondly, on revising the norms of international maritime law (bold, innovative interpretations not recognized by the majority of states), has inevitably, as can be argued, turned the Eastern Mediterranean into a knot, a tangle of chronic conflict-generating instability. And this, in turn, seriously calls into

question the very long-term sustainability, realism, and effectiveness of this doctrine.

Keywords: Turkey, "Blue Homeland", Mavi Vatan, geopolitics, Eastern Mediterranean, maritime law, neo-Ottomanism, energy security, regional conflict potential.

Введение

Формирование и последующая активная реализация доктрины «Голубая Родина» («Mavi Vatan») представляет собой, пожалуй, один из самых значимых и одновременно конфликтогенных поворотов во внешней политике Турецкой Республики в XXI веке. Зародившись в среде военно-морских кругов как сугубо тактическая концепция защиты морских границ, она со временем пережила стремительную эволюцию и превратилась в комплексную стратегическую доктрину. Сегодня это уже не просто оперативный план, а целостный идеологический и практический каркас, через который Анкара переосмысливает свои исторические амбиции, суверенные права и методы их отстаивания.

В данной статье предпринята попытка многоаспектного анализа этого феномена, который находится на стыке классической геополитики, внутренней трансформации турецкого государства и острой международной конкуренции. Исходный тезис заключается в том, что «Голубая Родина» это не механическое заимствование готовых западных моделей, а их творческое переосмысление и синтез с элементами неоосманской идеологии и прагматикой энергетического национализма [2, с. 7-8]. Этот синтез - переосмысленное наследие классической геополитики, неоосманские амбиции и энергетические императивы, как можно утверждать, породил новую, ассертивную (то есть напористую, уверенную, даже агрессивную) и, добавим, во многом ревизионистскую (нацеленную на пересмотр существующего порядка) парадигму внешней политики. Парадигму, которая, по замыслу, нацелена на обретение Турцией, наконец, подлинной,

признаваемой всеми, региональной субъектности. Не объекта политики (тех, с кем говорят, когда нужно), а именно субъекта - того, кто сам задаёт повестку, кто диктует условия, кто действует, а не реагирует.

Однако, как отметим далее в статье, эта доктрина, будучи, с одной стороны, мощным, эффективным инструментом укрепления национального суверенитета и, добавим, национальной гордости (в условиях, когда Турция десятилетиями чувствовала себя ущемлённой, зависимой от Запада, обделённой), одновременно, и это её трагический парадокс, выступает, с другой стороны, ключевым, если не главным, дестабилизирующим фактором в Восточном Средиземноморье. Она обостряет, во-первых, давние, хронические противоречия с партнёрами по НАТО (прежде всего с Грецией, но также с Соединёнными Штатами и Европейским союзом в целом). И, во-вторых, бросает вызов - смелый, демонстративный, продуманный устоявшимся, веками отлаживавшимся нормам международного морского права, зафиксированным, в частности, в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS).

Генезис идеи: от классики к национализму

Генезис, то есть происхождение, рождение, развитие идеи «Голубой Родины», как можно утверждать, невозможно понять, осмыслить вне контекста классической, европейской, во многом ещё доосманской геополитики. Однако геополитики, адаптированной, подогнанной, переработанной под специфический, уникальный исторический опыт Турции. Концепция *Mavi Vatan*, как показывает анализ, демонстрирует избирательную (берёт не всё подряд, а лишь то, что ей выгодно), но при этом очень глубокую, почтительную, хотя и не всегда явную, преемственность по отношению к западным теориям. Её основа, по-видимому, творческая, активная рецепция (восприятие и переработка) идей, во-первых, Альфреда Тайера Мэхэна. Того самого американского адмирала и историка, который ещё в XIX веке постулировал, что величие, процветание и, добавим, безопасность любой нации проистекает, в решающей степени, из контроля

над морскими коммуникациями [21, с. 25-28]. Однако турецкая доктрина существенно сужает масштаб: если американец мыслил глобальными категориями, то «Голубая Родина» фокусируется на установлении абсолютного контроля над тремя бассейнами - Чёрным, Эгейским и Средиземным морями. Они рассматриваются здесь не как путь к мировому господству, а как самоценное, почти сакральное пространство, «голубая» версия национальной территории [18, с. 67].

Любопытно, что доктрина вступает в заочную полемику и с «континентальной» традицией Хэлфорда Маккиндера, который считал ключом к власти «сердцевинную землю» (Хартленд) [20, с. 436]. Анкара предлагает альтернативу: источник силы современной Турции коренится не в глубинах анатолийского плоскогорья, а в способности доминировать на морях. Это осознанный отход от «османского геополитического кода», где суша и море балансировали, в пользу безоговорочного примата морской стихии [1, с. 73]. «Голубая Родина» становится проектом своего рода «морской реконкисты», возвращения утраченного контроля над акваториями, но уже на современном языке исключительных экономических зон.

Интеллектуальным отцом термина считается отставной адмирал Джем Гюрдениз (Сем Гүрденіз), впервые озвучивший его в 2006 году [18, с. 45]. Однако превращение концепции в детализированную государственную стратегию с четкими картами (462 тыс. кв. км) — заслуга контр-адмирала Джихата Яйджи (Сihat Yaусі) [25]. Идеологически доктрина оказалась созвучна курсу президента Эрдогана и Партии справедливости и развития. Этот курс, часто называемый неоосманизмом, предполагает активное восстановление регионального влияния, отказ от роли послушного сателлита Запада и опору на историческую преемственность [3, с. 295]. «Голубая Родина» стала материальным выражением этих амбиций, легитимировав решительные, в том числе силовые, методы. Фактически она стала прямым ответом на провал прежней доктрины «ноль проблем с соседями» Ахмета Давутоглу, которая рухнула под ударами «арабской весны» [26, с. 342].

Сущностное ядро доктрины заключается в бескомпромиссной реализации суверенных прав Турции в трёх морях, которые объявляются единым пространством национальной безопасности.

На Чёрном море Турция, умело используя выгоды конвенции Монтрё, стремится закрепить за собой статус главной державы. Практическим итогом стали активная разведка и открытие крупного газового месторождения «Сакарья», которое рассматривается как залог энергетической независимости [10].

Эгейское море представляет собой самый взрывоопасный театр. Анкара категорически против расширения Грецией территориальных вод до 12 миль и оспаривает право греческих островов на собственный континентальный шельф. С точки зрения турецких стратегов, реализация греческих претензий превратит Эгейское море в «греческое озеро», фактически заблокировав Турции выход в Средиземноморье [6, с. 478].

Наиболее амбициозная часть доктрины касается Восточного Средиземноморья. Здесь она предполагает соединение турецкого шельфа с побережьем Ливии. В 2019 году Анкара заключила соответствующее соглашение с Правительством национального согласия в Триполи, создав непрерывную морскую зону, которая пересекает планы Греции, Египта, Израиля и Кипра по строительству газопровода EastMed в обход Турции [8].

Доктрина предписывает отказ от дипломатической пассивности. На практике это выражается в регулярных походах буровых судов («Фатих», «Явуз») в сопровождении боевых кораблей, грандиозных военно-морских учениях и прямой угрозе военного ответа на любое «посягательство». Морские границы здесь мыслятся как естественное продолжение сухопутных [18, с. 112].

Внутреннее измерение: мобилизация и ВПК

Реализация «Голубой Родины» оказывает глубинное воздействие на саму Турцию, становясь мощным консолидирующим и экономическим драйвером. На идеологическом уровне это эффективный инструмент мобилизации масс.

Через апелляцию, во-первых, к «морскому величию Османской империи» (когда турецкий флот доминировал во всём Средиземноморье, от Алжира до Крыма) и, во-вторых, к «несправедливости» Лозаннского договора 1923 года (который, по мнению турецких националистов, отрезал, отнял у Турции многие права в Эгейском море и на прилегающих островах), выстраивается, как можно утверждать, образ страны, не просто растущей, развивающейся, а возвращающей себе украденное, отнятое силой, наследие. Этот национальный миф- мощный, эмоционально заряженный, почти сакральный, сплачивает, объединяет турецкое общество, во-первых, вокруг фигуры «президента-защитника» (сначала Абдуллаха Гюля, а затем, в особенности, Реджепа Тайипа Эрдогана). И, во-вторых, позволяет представлять неизбежную, острую конфронтацию с соседями (Грецией, Кипром, Египтом) не как агрессивный, захватнический империализм, а как священную, освободительную борьбу за суверенитет, за поправленную справедливость [2, с. 15].

Не менее важен, и, может быть, даже более прагматичен, экономический императив. Стремление Турции к энергетической независимости к тому, чтобы не зависеть от поставок из России, Ирана, Азербайджана, Катара, делает, как можно утверждать, освоение черноморского шельфа (месторождение «Сакарья», где в 2020-м году был открыт огромный запас газа) делом национальной гордости, делом чести. А контроль над спорными участками Средиземноморья (окрестности Кипра, зона между Турцией и Египтом) стратегическим, жизненно важным активом, позволяющим, во-первых, самому добывать газ, а, во-вторых, влиять на энергетические рынки Европы, на маршруты поставок, на цены [10].

Но, пожалуй, самым наглядным, осязаемым, впечатляющим материальным воплощением доктрины стал, как мы видим, беспрецедентный, невиданный ранее рывок военно-промышленного комплекса Турции. И, в особенности, судостроения. «Голубая Родина» создала, сформулировала, обосновала спрос на флот. Но не на старый,

списанный, не способный далеко плавать, а на новый, современный, способный действовать, во-первых, вдали от своих баз, а во-вторых, в условиях жёсткой конфронтации с потенциально сильным противником (Греция, Египет, Израиль, Россия). Результатом этой стратегии, этого спроса, стало, во-первых, создание и успешная реализация программы национальных корветов «MILGEM» (кораблей прибрежной зоны, с современным вооружением и радарам). А, во-вторых, спуск на воду вертолётносца «Анадолу» (огромного корабля, способного нести не только вертолёты, но и, в перспективе, беспилотные летательные аппараты, десантные катера, батальон морской пехоты) [15]. Параллельно, как можно утверждать, ведутся интенсивные, засекреченные работы над беспилотными катерами-камикадзе (управляемыми с берега, начинёнными взрывчаткой) и, добавим, над национальными, не зависящими от импорта, подводными лодками (проект MILDEN). Доктрина и военно-промышленный комплекс, как мы видим, образуют здесь петлю обратной связи, усиливая друг друга: стратегия требует вооружения, а появление впечатляющих, современных вооружений, в свою очередь, укрепляет политическую решимость, уверенность и, добавим, гордость, продолжать ту же самую, ассертивную, ревизионистскую стратегию.

Экстернализация (то есть вынос вовне, реализация на международной арене) доктрины «Голубая Родина», как можно утверждать, кардинально изменила внешнеполитический ландшафт вокруг Турции. Анкара последовательно, шаг за шагом, дистанцируется, отдаляется от образа младшего, несамостоятельного партнёра по НАТО (чей флот, чья армия, чья разведка, подчинены, дескать, американским и европейским интересам). И вместо этого, позиционирует себя и всё более успешно как независимую морскую державу и, добавим, как «центр силы». Это часть более широкой, амбициозной риторики «Века Турции» и, добавим, известного тезиса «мир больше пяти» (который бросает вызов праву вето постоянных членов Совета Безопасности ООН) [24].

Однако расплатой за эти амбиции, за эту, во многом, имперскую риторику, стало, как мы видим, резкое, драматичное ухудшение отношений практически со всеми соседями по бассейну. Доктрина «Голубая Родина» спровоцировала, во-первых, глубочайший, почти неразрешимый кризис с Грецией. Военные инциденты в Эгейском море (например, столкновение турецкого и греческого фрегатов в 2020 году, когда они едва не пустили друг друга ко дну) не раз ставили двух союзников по НАТО на грань полномасштабной, неконтролируемой войны. Во-вторых, окончательно похоронены, как представляется, надежды на примирение с Египтом (после того как разведки двух стран обменялись обвинениями в дестабилизации Ливии и Восточного Средиземноморья). В-третьих, заморожены, почти прерваны, отношения с Израилем (несмотря на недавнюю, частичную нормализацию) [12]. А на уровне Европейского союза, политика Анкары привела к экономическим и политическим санкциям и, добавим, к устойчивой, трудноискоренимой репутации «дестабилизирующей силы», с которой трудно, почти невозможно, вести диалог.

Тем не менее, и это, пожалуй, главный парадокс, доктрина, создавая острейшую напряжённость на Западе, на средиземноморском и эгейском направлениях, одновременно, и это важно, работает как «мягкая сила» (сила притяжения, привлекательности) на других, неевропейских, направлениях. Для многих стран Африки и Ближнего Востока решительная, бросающая вызов Западу позиция Турции выглядит привлекательно. Однако главным итогом всё же стала хроническая нестабильность. Восточное Средиземноморье превратилось в клубок противоборствующих флотов. Анкара лавирует между США, Россией и ЕС, используя конфликт как рычаг, но всё чаще оказывается в положении «одинокое игрока», чьи действия блокируются коалицией региональных сил [8].

Доктрина сталкивается с острой критикой как извне, так и изнутри. Главный международный аргумент её ревизионизм и противоречие UNCLOS (Конвенции ООН по морскому праву), которую Турция не ратифицировала.

Отказываясь признать право греческих островов на шельф, Анкара апеллирует к «справедливости» и «пропорциональности» длины береговой линии, игнорируя базовые нормы [23, с. 31].

Внутри Турции критикует в основном оппозиция. Аргументы просты и прагматичны: конфронтация ведёт к изоляции, санкциям и бегству инвесторов, усугубляя экономический кризис. Скептики указывают на риск реальной войны с Грецией и стратегическую уязвимость союза с нестабильным правительством Ливии [13].

Вопрос о будущем «Голубой Родины» напрямую связан со сменой власти. Сегодня она глубоко институционализирована и популярна в обществе, поэтому открытый отказ от неё маловероятен. Однако чрезмерные издержки конфронтации могут со временем подтолкнуть будущее руководство к более гибкой тактике, даже при сохранении стратегической цели.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что доктрина «Голубая Родина» (Mavi Vatan) это не просто военный план, не просто стратегический документ, не просто инструкция для командующего флотом. Это, по-видимому, сложный, многомерный, многослойный феномен. Феномен, который знаменует собой, без преувеличения, тектонический, то есть глубинный, фундаментальный сдвиг в турецкой политике как во внутренней, так и во внешней. Она, эта доктрина, синтезирует, во-первых, наследие классической теории морской мощи (Альфреда Тайера Мэхэна, с его акцентом на контроль над коммуникациями и на военный флот как на инструмент глобального влияния) с, во-вторых, ностальгическими, возрожденческими, неоосманскими амбициями (возвращение Турции в бывшие османские провинции, восстановление «исторической справедливости»). И, в результате, становится, как мы видели, мощным инструментом национальной мобилизации спланирует общество, поднимает патриотический дух, отвлекает от внутренних экономических проблем. И, одновременно, драйвером, мотором, двигателем роста военно-

промышленного комплекса (ВПК), особенно судостроения, создавая устойчивый спрос на новые, дорогие, высокотехнологичные вооружения.

На международной арене, как можно утверждать, эта доктрина позволила Анкаре, наконец, сменить роль младшего, зависимого, часто принижаемого сателлита (который должен подчиняться и не имеет права голоса) на роль самостоятельного, полноправного, амбициозного центра силы. «Центра силы», который диктует свои условия, который не боится конфронтации, который готов идти до конца.

Однако, и это ключевой, трагический вывод, цена этого преобразования, этой трансформации, этого, для многих, долгожданного обретения субъектности, чрезвычайно высока. «Голубая Родина», как мы видели, превратила, во-первых, Восточное Средиземноморье в один из самых милитаризованных, взрывоопасных, перенасыщенных оружием регионов мира. Во-вторых, спровоцировала глубочайший, системный кризис в НАТО, поставив под вопрос саму совместимость турецких интересов с западными. И, в-третьих, привела, по сути, к правовому вакууму к ситуации, когда международное морское право (Конвенция ООН по морскому праву, UNCLOS) де-факто перестало действовать, а его место заняли грубая сила и односторонние интерпретации.

По сути, перед нами яркая, наглядная, почти хрестоматийная диалектика современной геополитики. Диалектика, в которой инструмент усиления суверенитета одной, отдельно взятой страны, оборачивается, неизбежно, мощным, трудноуправляемым дестабилизатором для всего региона. Ибо то, что хорошо для Турции (в краткосрочной перспективе), плохо для Греции, для Египта, для Кипра, для Европы. И дальнейшая эволюция этой парадигмы пойдёт ли она по пути эскалации (дальнейшее наращивание военной мощи, новые инциденты, блокады, возможно, прямое вооружённое столкновение) или, наоборот, по пути адаптации (поиск компромиссов, возвращение к переговорам, частичный отказ от самых амбициозных притязаний), останется, как можно утверждать, ключевым, определяющим фактором

безопасности во всём Средиземноморье. Фактором, который будет балансировать, как на лезвии ножа, на тонкой, почти невидимой грани, между, с одной стороны, национальным возрождением (гордость, суверенитет, независимость) и, с другой стороны, региональным хаосом (война, беженцы, экономический коллапс, разрыв союзов).

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. - 2014. - № 3. - С. 71-78.
2. Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Постсоветский Восток. - 2024. - № 3 (7). - С. 7-22.
3. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм турецкой республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2022. - Т. 24. - № 2. - С. 291-302.
4. Агазаде М.М. Политика Турции в Восточном Средиземноморье // V Международная научная конференция «Потемкинские чтения» : сборник материалов. - Севастополь, 2021. - С. 95-96.
5. Агаев М. Мирильяс. От «стратегической глубины» к «Голубой Родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). - 2020. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/> (дата обращения: 25.05.2026).
6. Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2021. - Т. 21. - № 3. - С. 472-486.
7. Лукьянов Г., Мамедов Р. Игра в бирюльки на ливийском поле - 2 [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). - 2020. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/igra-v-biryulki-na-liviyskom-pole-2/> (дата обращения: 25.05.2026).
8. Стародубцев И. Российско-турецкие отношения до и после «эпохи Путина - Эрдогана» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). - 2020. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-turetskie-otnosheniya-do-i-posle-epokhi-putina-erdogana/> (дата обращения: 25.05.2026).
9. Турецкое буровое судно «Фатих» начало 3 этап разведки на месторождении «Сакарья» в Черном море [Электронный ресурс] // [Neftegaz.RU](https://neftegaz.ru/news/drilling/725393-). - 18.02.2022. - URL: <https://neftegaz.ru/news/drilling/725393->

[turetskoe-burovnoe-sudno-fatikh-nachalo-3-etap-razvedki-na-mestorozhdenii-sakarya-v-chernom-more/](#) (дата обращения: 25.05.2026).

10. Турция начала самые масштабные учения ВМС в истории страны [Электронный ресурс] // [Topwar.ru](#). - 27.02.2019. - URL: <https://topwar.ru/154033-turcija-nachala-samyemasshtabnyechenija-vms-v-istorii-strany.html> (дата обращения: 25.05.2026).

11. Цуканов Л. Египетское лицо «антитурецкого клуба» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). - 2020. - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/egipetskoe-litso-antituretskogo-kluba/> (дата обращения: 25.05.2026).

12. Что произошло на презентации Джихата Яйджи «Голубая родина»? [Электронный ресурс] // [Medyascope](#). - 23.01.2023. - URL: <https://medyascope.tv/2023/01/23/iyi-partiyi-karistiran-cihat-yaycinin-mavi-vatan-sunumunda-neler-yasandi/> (дата обращения: 25.05.2026).

13. Anadolu Agency. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Milli denizaltımızı 5-6 sene içerisinde Deniz Kuvvetlerimize teslim etmeyi planlıyoruz [Electronic resource] // Anadolu Agency. - 23.05.2023. - URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-milli-denizaltimizi-5-6-sene-icerisinde-deniz-kuvvetlerimize-teslim-etmeyi-planliyoruz/2898745> (дата обращения: 25.05.2026).

14. Anadolu Agency. Cumhurbaşkanı Erdoğan: TCG Anadolu'yu Türkiye Yüzyılı'nda dünyada konumumuzu perçinleyecek bir sembol olarak görüyoruz [Electronic resource] // Anadolu Agency. - 10.04.2023. - URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-tcg-anadoluyu-turkiye-yuzyilinda-dunyada-konumumuzu-percinleyecek-bir-sembol-olarak-goruyoruz/2868935> (дата обращения: 25.05.2026).

15. Anadolu Agency. Seville maritime territory map is illegitimate: Expert [Electronic resource] // Anadolu Agency. - 23.09.2020. - URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/seville-maritime-territory-map-is-illegitimate-expert/1981239> (дата обращения: 25.05.2026).

16. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. - İstanbul : Küre Yayınları, 2001. - 584 p.

17. Dolman E.C. Astropolitik: Classical Geopolitics in the Space Age. - London : Frank Cass, 2002.

18. Gürdeniz C. Neden Mavi Vatan? - İstanbul : Kırmızı Kedi Yayınevi, 2019.

19. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. - 1904. - Vol. 23. - № 4. - P. 421-437.

20. Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660-1783. - Boston : Little, Brown and Company, 1890.

21. Mavi Vatan Kavramı ve Önemi [Electronic resource] // [MaviVatan.net](#). - 23.10.2023. - URL: <https://www.mavivatan.net/mavi-vatan-kavrami-ve-onemi> (дата обращения: 25.05.2026).

22. Sioussiouras P., Chrysochou G. The Aegean Dispute in the Context of Contemporary Judicial Decisions on Maritime Delimitation // Laws. - 2014. - Vol. 3. - № 1. - P. 12-49.
23. Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. «Мир больше пяти»: президент Турции Эрдоган поддерживает просьбу Индии о постоянном месте в СБ ООН [Electronic resource] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. - 11.09.2023. - URL: <https://www.iletisim.gov.tr/turkce/haberler/detay/sozcu-kalem-dunya-besten-buyuktur-savunmasina-somut-bir-ornek> (дата обращения: 25.05.2026).
24. Yayıncı C. Mavi Vatan: Türkiye'nin Deniz Yetki Alanları. - İstanbul : Kaynak Yayınları, 2020.
25. Yeşilyurt N. Understanding the Sudden Rise and Fall in Turkish-Egyptian Relations after 2011 // Siyasal: Journal of Political Sciences. - 2020. - Vol. 29. - № 2. - P. 337-365.

Владимир Львович Нежданов,
старший преподаватель,
Тюменский государственный университет,
старший преподаватель,
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
E-mail: vn1993@yandex.ru

Vladimir L. Nezhdanov,
senior lecturer,
Tyumen State University,
senior lecturer,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration,
E-mail: vn1993@yandex.ru

**«ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ» КИТАЯ: КОМПЛЕКСНЫЙ
ВЗГЛЯД НА АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

**CHINA'S "GLOBAL INITIATIVES": A COMPLEX VIEW ON THE
MOST RELEVANT INTERNATIONAL RELATIONS CHALLENGES**

Аннотация: в 2020-е гг. Китайской Народной Республикой (КНР) были выдвинуты четыре «глобальные инициативы», закладывающие основы дальнейшего развития внешней политики Китая и реформирования мирового порядка, а также представляющие собой совокупность принципов дружественного международного взаимодействия. «Глобальные инициативы» выступают частью идеологической системы «Идей Си Цзиньпина» и предлагают комплексный взгляд на актуальные проблемы международных отношений: содействие развитию, обеспечение международной безопасности, развитие межкультурного диалога, реформирование системы глобального управления. «Глобальные инициативы» завершают концептуальное оформление современной внешнеполитической линии КНР; предлагают варианты решения актуальных международных проблем и выступают альтернативой западному видению их решения.

Ключевые слова: «Идеи Си Цзиньпина», КНР, КПК, мировой порядок, Инициатива глобального развития, Инициатива глобальной безопасности, Глобальная инициатива цивилизаций, Инициатива глобального управления.

Abstract: in the 2020s, the People's Republic of China (PRC) put forward four «global initiatives» laying the foundation for the further development of China's foreign policy and the reform of the global order, representing a set of principles for friendly international interaction. «Global initiatives» are part of the ideological framework of «Xi Jinping Thought»; they offer a comprehensive view of current issues in international relations: promoting development, ensuring international security, developing intercivilizational dialogue, and reforming the global governance. «Global initiatives» complete the conceptual framework of China's contemporary foreign policy; they propose solutions to pressing international problems and serve as an alternative to Western approaches to addressing them.

Keywords: «Xi Jinping Thought», PRC, CPC, world order, Global Development Initiative, Global Security Initiative, Global Civilization Initiative, Global Governance Initiative.

Введение

Эволюция внешнеполитических подходов Китая, продолжающаяся на фоне трансформации партийно-политического дискурса, напрямую связана с приходом к власти в Коммунистической партии Китая (КПК) и Китайской Народной Республике (КНР) пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином (*прим. - занимает пост Генерального секретаря ЦК КПК с 15 ноября 2012 г. и Председателя КНР с 14 марта 2013 г.*).

Изменения внутривнутриполитического и внешнеполитического дискурса КНР связаны с идеологическими новациями: в период между XVIII и XIX съездами КПК (2012-2017 гг.) оформились «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» (кит. 习近平新时代中国特色社会主义思想), став стержневой конструкцией обновляемой идеологии

Китая [10]; осенью 2017 г. положение об «Идеях Си Цзиньпина» было включено в Устав КПК [11], а зимой 2018 г. в Конституцию КНР [1].

«Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» (кит. 习近平外交思想) были закреплены в качестве основополагающего принципа внешнеполитической стратегии Китая в июне 2018 г. [18]. Они предлагают комплексный взгляд на международные отношения и существующие глобальные проблемы, а также на место КНР в мировой политике. Среди ключевых элементов «Идей о дипломатии» - концепции «сообщества единой судьбы человечества» и «международных отношений нового типа», а также оформившиеся в 2020-е гг. Инициатива глобального развития, Инициатива глобальной безопасности, Глобальная инициатива цивилизаций и Инициатива глобального управления, предлагающие пути решения наиболее актуальных международных проблем.

«Идеи Си Цзиньпина о дипломатии»: основополагающие принципы внешней политики Китая

До 2012 г. концептуальной основой, определяющей развитие внешней политики Китая, выступала т.н. «формула из 28 иероглифов» (кит. 二十八字对外工作方), сформированная на основании высказываний Дэн Сяопина конца 1980-х - начала 1990-х гг. Квинтэссенция «формулы из 28 иероглифов» - «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное» - определяла фарватер внешнеполитического курса КНР вплоть до прихода к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином [9].

«Формула из 28 иероглифов» предполагала, что Китай должен вести пассивную внешнюю политику, которая, в контексте развития китайской экономики в 1990-е - 2000-е гг., обеспечивала Пекину сохранение идеальных на тот момент внешних условий [4].

В первой половине 2010 гг. в Китае сложился внутренний запрос на обновление внешнеполитических подходов; появились представления о том,

что специфика международной жизни также способствуют продвижению новых подходов к ведению внешней политики.

Российский китаевед И.Ю. Зуенко обращает внимание, что к 2012-2013 гг. в китайском обществе стало заметно стремление обеспечить такую ситуацию, при которой Китай смог бы занимать в мировой политике место, соответствующее его экономическим успехам. При этом становилось ясно, что прежние внешнеполитические подходы не способны удовлетворить этот запрос [3].

В тот же период в идеологической системе КПК началось оформление идеологемы, акцентирующей внимание на «изменениях, невиданных за последние сто лет» (кит. 世界百年未有之大变局) [27]. Идеологема предполагает, что перемены в системе международных отношений, охватывающие политическую, экономическую, технологическую и иные сферы и выражающиеся нарастающим системным кризисом, требуют от КНР принципиально новых подходов к ведению внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности.

Обновление концептуальных основ внешней политики КНР в 2012-2017 гг. происходило в рамках комплексной модернизации идеологической системы КПК. Данная особенность привела к появлению двух факторов: созданию с помощью идеологических концепций прочной связки между внутриполитическими процессами в Китае и внешнеполитическими интересами КНР [23] и формированию представления о том, что КПК — это политическая партия, которая, помимо прочего, борется за дело прогресса всего человечества [5]. Обновление системы социализма с китайской спецификой изначально получило условия, при которых внутренняя и внешняя политика КНР не могли бы реализовываться в рамках автономных идеологем по причине комплексной взаимозависимости внутриполитического и внешнеполитического процессов в Китае.

Стержневой концепцией обновляемой идеологической системы стала «китайская мечта» (кит. 中国梦), первое упоминание о которой относится к ноябрю 2012 г. В общем смысле, «китайская мечта» — это концепция, собирающая воедино идеи об общественно-политическом и экономическом развитии КНР до середины XXI в. включительно [6]. Концепция включает внешнеполитический элемент: предполагается, что «китайская мечта», как и «мечты» других народов мира в целом совпадают и резонируют друг с другом, что создает «общемировую мечту» о продолжительном мире и всеобщем процветании [7].

Связка между внутренним развитием КНР и сохранением стабильности в международных отношениях, а также динамикой мирового развития окончательно были закреплены в обновляющейся идеологической системе КПК в январе 2013 г. Си Цзиньпин отмечал, что КНР «необходима мирная международная обстановка», поскольку «без мира ни Китай, ни мир не смогут достичь развития», а «без развития ни Китай, ни мир не смогут наслаждаться прочным миром» [24].

Ядром внешнеполитической идеологии КНР выступает концепция «сообщества единой судьбы человечества» (кит. 人类命运共同体) [9]. Хотя концепция впервые была представлена Председателем КНР Си Цзиньпином еще в марте 2013 г., ее основные положения оформились лишь к 2024 г. [7; 28].

«Сообщество единой судьбы человечества» — зонтичная концепция, строящаяся на основании совокупности региональных «сообществ единой судьбы». Складывание «сообщества судьбы» связано с ценностными характеристиками, в том числе готовностью участников сообщества придерживаться доверительных и дружеских отношений, их стремления к сотрудничеству на основе общего выигрыша, взаимопомощи и поддержки, а также построения отношений на основе взаимопонимания, открытости и толерантности [7].

Несмотря на специфику мировой политики 2020-х гг., включающей рост значения военной силы и тенденции к началу процессов деглобализации, в КНР сохраняется уверенность о том, что «мир и развитие <...> остаются лейтмотивом современной эпохи» [5]. Подобный взгляд позволяет КПК говорить об актуальности концепции «сообщества единой судьбы человечества», указывая на то, что она «основана на объективной реальности переплетенных судеб и общих интересов народов», «соответствует современным тенденциям мира, развития и взаимовыгодного сотрудничества», «учитывает историческую тенденцию многополярности и экономической глобализации» [28].

Концепцию «сообщества единой судьбы человечества» идейно дополняет концепция о «международных отношениях нового типа» (кит. 新型国际关系). Она указывает на то, что качественное развитие современных международных отношений предполагает отказ от противостояния между государствами и развитие международного сотрудничества; отказ от идей исключительности и стремление к построению взаимовыгодных отношений [7].

Таким образом, ко времени официального определения идеологической системы «Идей Си Цзиньпина» на XIX съезде КПК в 2017 г., Китаем были выстроены рамки концептуальных основ, определяющих развитие внешней политики на новом историческом этапе и предполагающих связь между дальнейшей модернизацией и развитием КНР до середины XXI в. и ситуацией в международных отношениях [5].

Система «Идей Си Цзиньпина о дипломатии», оформившаяся к 2018 г., предполагает, что внешняя политика КНР строится на ряде принципов: (1) поддержании авторитета ЦК КПК и укреплении централизованного руководства партии во внешней политике; (2) содействии достижению «китайской мечты»; (3) построении «сообщества единой судьбы человечества» в целях защиты мира во всем мире и содействия общему

развитию; (4) укреплении стратегического доверия между государствами на основе социализма с китайской спецификой; (5) содействии сотрудничеству между государствами мира в рамках инициативы «Один пояс, один путь»; (6) обеспечении мирного развития на основе взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества; (7) развитии глобального партнерства путем проведения широкой дипломатической программы; (8) проведении реформы глобальной системы управления на основе принципа справедливости; (9) отстаивании национального суверенитета, безопасности и интересов развития; (10) развитии самобытного стиля дипломатии Китая, основанного на традициях актуальном опыте развития [20].

«Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» развиваются в рамках уникальной логики внешнеполитической мысли Китая, включающей как элементы китайской традиционной культуры, так и элементы марксистской идеологии, практические наработки дипломатии КНР с 1949 г. по настоящее время, а также формирующихся на китайской почве теорий международных отношений [10].

Известный специалист по политике КНР, В.Е. Петровский, анализируя работы китайских исследователей, отмечает, что «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии» нацелены на устранение так называемых «четырех дефицитов», иначе говоря — разрешению актуальных проблем, проявившихся в мировой политике в 2010-е - 2020-е гг.: дефициту развития, дефициту мира, дефициту доверия и дефициту управления [10].

Решение проблемы «четырех дефицитов» в рамках «Идей Си Цзиньпина о дипломатии» нашло отражение в появлении в первой половине 2020-х гг. четырех глобальных инициатив: Инициативы глобального развития, Инициативы глобальной безопасности, Глобальной инициативы цивилизаций и Инициативы глобального управления.

Глобальные инициативы Китая: преодоление «глобальных дефицитов»

12 сентября 2021 г. на полях 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН председателем КНР Си Цзиньпином была выдвинута Инициатива глобального развития (кит. 全球发展倡议). Инициатива нацелена на преодоление дефицита развития в современных международных отношениях и предполагает содействие реализации положений Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (Повестки-2030) [12].

Среди принципов Инициативы: (1) координация действий крупнейших экономик мира для формирования глобального партнерства, что должно содействовать международному развитию; (2) реализация международных программ развития; (3) обеспечение условий, при которых все страны и экономики будут получать выгоды от взаимного сотрудничества; (4) содействие развитию, основанному на инновациях, научно-техническом прогрессе и увеличении производительности труда; (5) примат защиты окружающей среды; (6) создание условий, при которых программы и инициативы развития были бы направлены на достижение ощутимых результатов [12].

Инициатива концентрирует внимание на кризисе в сфере глобального развития, который, в частности, проявляется в реализации односторонних действий и стремления к протекционизму со стороны США и их союзников, что сокращает возможности развития стран Мирового большинства [14].

Принципы Инициативы глобального развития дают Китаю возможность выступать своего рода «идейным лидером» достижения 17 Целей устойчивого развития на фоне политических подходов стран Запада; в 2022 г. в ООН была создана «Группа друзей Инициативы глобального развития» [17].

Инициатива глобального развития вносит в международную повестку дня разработанную в Китае концепцию «права на развитие», нашедшую отражение в Белой книге «Право на развитие: философия, практика и вклад Китая» (2016 г.). «Право на развитие» рассматривается как неотъемлемое

право всех стран и народов, реализация которого предполагает их стремление к равноправному, открытому, всестороннему и инновационному общему развитию [22].

21 апреля 2022 г. на полях Азиатского форума Боао (АФБ) Си Цзиньпином была выдвинута Инициатива глобальной безопасности (кит. 全球安全倡议), нацеленная на преодоление дефицита мира в условиях обострения международных противоречий и возрастания значения военной силы в мировой политике [25].

Инициатива включает шесть положений: (1) формирование системы коллективной безопасности в глобальном масштабе; (2) уважение суверенитета и территориальной целостности всех без исключения стран, невмешательство во внутренние дела, уважение многообразия путей развития и общественно-политических систем стран и народов; (3) следование принципам Устава ООН и преодоление «менталитета холодной войны»; (4) уважение интересов безопасности всех без исключения стран; (5) разрешение любых споров и разногласий исключительно дипломатическими методами, недопущение политики двойных стандартов и введения односторонних санкций; (6) налаживание работы для разрешения региональных конфликтов, борьбы с терроризмом и изменением климата, а также для обеспечения кибербезопасности, биобезопасности [21].

Инициатива глобальной безопасности вносит в глобальную повестку дня ранее сформированные в КНР концептуальные элементы относительно вопросов безопасности. Тезис о «формировании системы коллективной безопасности в глобальном масштабе» перекликается с идеей о строительстве «сообщества единой судьбы»; при этом предполагается, что, угрозы безопасности исходят не от конкретных стран, а от определенной их политики: гегемонизма, приверженности односторонним действиям, силовой политики и т.п. [16].

15 марта 2023 г. Си Цзиньпином была представлена Глобальная инициатива цивилизаций (кит. 全球文明倡议), призывающая к развитию межкультурного диалога, построенного на принципах равенства и взаимовыгодного обмена, что в конечном счете должно способствовать формированию взаимного уважения и лучшего понимания странами и народами мира друг друга [24]. Данная инициатива нацелена на преодоление дефицита доверия, вызванного фактическим отсутствием качественного диалога между крупнейшими странами в 2010-е - 2020-е гг. [2].

Глобальная цивилизационная инициатива нацелена на содействие развитию международного диалога; она находится в оппозиции к западным подходам, предполагающим как превосходство одной цивилизации над другими, так и концепцию «столкновения цивилизаций», которая подразумевает рост конкуренции и конфликтности наций и групп, принадлежащих к разным цивилизациям [26].

Можно проследить, что данная инициатива развивает положения Белой книги «Китай и мир в новую эпоху» (2019 г.); инициатива направлена на содействие качественному формированию «международных отношений нового типа» и «сообщества единой судьбы человечества» в условиях «изменений, невиданных за последние сто лет» [13].

Глобальная инициатива цивилизаций обладает ценностным аспектом, что выражено в продвижении «общих ценностей человечества»: мира, развития, равенства, справедливости, демократии и свободы [5]. Инициатива предполагает, что ее реализация со стороны КНР будет опираться на положения традиционной китайской культуры, политический опыт марксизма, а также современный опыт китайской политики. Более того, инициатива продвигает комплексный подход к межкультурному общению, предполагая развитие диалога как в общественно-политической, так и в экономической, культурной и иных сферах [31].

1 сентября 2025 г. на расширенном заседании саммита «ШОС плюс» Си Цзиньпином была выдвинута Инициатива глобального управления (кит. 全球治理倡议) [8], инициирующая обсуждение мировым сообществом того, как преодолеть дефицит управления и как и с учетом каких условий следует совершенствовать механизмы глобального управления.

Основные положения инициативы включают: (1) уважение государственного суверенитета, в т.ч. уважение принципов суверенного равенства государств, право каждой страны на самостоятельный выбор своего социального строя и пути развития; (2) приверженность международному праву, в т.ч. отстаивание целей и принципов Устава ООН, общепризнанных норм и принципов международного права, а в сферах, где не существует международных договоренностей, обеспечение условия для их выработки; (3) приверженность многосторонности, а именно привлечение стран и народов мира к обсуждению и решению актуальных международных проблем; (4) приверженность человекоцентричному подходу, при котором любое реформирование принципов глобального управления должно вести к повышению благосостояния народов; (5) способность реформированной системы глобального управления решать актуальные международные проблемы [8].

Инициатива глобального управления выступает квинтэссенцией идей о политическом взаимодействии государств, звучавших в разное время в выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина [22]. В частности, в 2014 г. в китайском идеологическом дискурсе впервые была упомянута идея о важности «продвижения реформы глобального управления» (кит. 促进全球治理体系变革) [19], что было закреплено на XIX съезде КПК в 2017 г. в «концепции глобального управления» (кит. 全球治理观) [15].

Своевременность выдвижения Инициативы глобального управления, с точки зрения идеологической составляющей, объясняется тем, что «изменения, невиданные за последние сто лет», а также многочисленные глобальные вызовы требуют кризисного управления при обеспечения большей эффективности международных организаций. Глобальное управление в перспективе должно обеспечить большую справедливость в распределении возможностей управления глобальными процессами между крупными, средними и малыми государствами, а также не допускать ситуации, при которой одна страна или группа стран смогла бы обеспечить долгосрочное доминирование в рамках однополярной модели [29].

Глобальные инициативы Китая закладывают принципы, на основании которых КНР будет выстраивать свою внешнюю политику в обозримой перспективе. В Пекине подчеркивают, что четыре инициативы направлены на защиту общих интересов человечества, соответствуют нормам и принципам международного права, а также соответствуют реальным тенденциям развития человечества [30].

Следует подчеркнуть, что четыре глобальные инициативы не вносят идеологических и политических новаций в концептуальные основы внешней политики КНР; напротив, они используют положения, выработанные в рамках развития «Идей Си Цзиньпина» и адаптируют их для продвижения среди международной аудитории. Предложенные инициативы формируют целостное восприятие проблем современных международных отношений, а также вовлекают международное сообщество в их решение.

Заключение

Появление в 2020-е гг. четырех глобальных инициатив может быть рассмотрено в качестве текущего итога эволюции концептуальных основ внешней политики КНР в период нахождения у власти Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина. Глобальные инициативы объединяют ранее сформировавшиеся идеологические

конструкции, описывают актуальное состояние международных проблем и предлагают варианты их решения.

Дальнейшее развитие внешнеполитических концепций Китая следует рассматривать в треугольнике, объединяющем идеологические положения в отношении внутренней и внешней политики, национальные интересы КНР, а также вызовы, с которыми сталкивается Китай. Особую важность для корректного понимания внешнеполитических действий Китая играет то, что именно идеологическая составляющая выступает локомотивом, определяющим тенденции и долгосрочные цели политики.

Можно ожидать, что глобальные инициативы Китая выступят «рупором» позиции официального Пекина в отношении актуальных проблем международных отношений. Учитывая уровень поддержки данных инициатив и их продвижение в том числе на уровне Организации Объединенных Наций, обозначенные подходы способны стать каналами проникновения китайского внешнеполитического дискурса в международную повестку дня, создавая конкуренцию все еще доминирующему на международных площадках дискурсу стран Запада.

Список источников и литературы

1. Включение идей Си Цзиньпина в Конституцию КНР является общим чаянием КПК и китайского народа - статья // Синьхуа Новости: [сайт]. - 2018. - 28 февраля. - URL: https://russian.news.cn/2018-02/28/c_137006233.htm.
2. Володин: дефицит доверия в мире вызван отсутствием диалога между странами // Парламентская газета: [сайт]. - 2019. - 23 сентября. - URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-deficit-doveriya-v-mire-vyzvan-otsutstviem-dialoga-mezhdu-stranami.html?ysclid=lugnxruo16715945854>.
3. Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина / И.Ю. Зуенко. - М.: Издательство АСТ, 2024. - 320 с.
4. Зуенко И.Ю. Применима ли в России китайская модель внешней политики? / И.Ю. Зуенко // Россия в глобальной политике. - 2024. - Т. 22. - № 3. - С. 146–159
5. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии / Китайская академия общественных наук. Отв. ред. Чжан Юйянь. Пер. с кит.: Сяо Дэцян, В.Б. Урусов. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. - 304 с.
6. Китайская мечта (Управление государством) // Знакомство с Китаем с помощью ключевых слов: [сайт]. - 2019. - 3 апреля. - URL:

http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2019-04/03/content_74642365.htm.

7. Ключевые слова Си Цзиньпина / Пер. с кит. Семенова А.В., Семеновой Т.Г.; науч. Ред. Ван Бинь. Сост.: «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс». 2021. – 351 с.

8. Концептуальный документ об Инициативе по глобальному управлению // МИД КНР: [сайт]. - 2025. - 2 сентября. - URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202509/t20250902_11699924.html.

9. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии: монография / В.Я. Портяков. - М.: ИДВ РАН, 2015. - 280 с.

10. Современная идеология КНР. Идеи Си Цзиньпина как основа политики Китая / под ред. К.В. Бабаева. М.: ИКСА РАН, 2025. - 324 с.

11. XIX съезд КПК вписал имя Си Цзиньпина в устав Компартии // ТАСС: [сайт]. - 2017. - 24 октября - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4674063>.

12. Bolstering Confidence and Jointly Overcoming Difficulties to Build a Better World // United Nations: [site] – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/76/cn_en.pdf.

13. China and the World in the New Era // The State Council of the People's Republic of China: [site]. - 2019. - 27 September. - URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201909/27/content_WS5d8d80f9c6d0bcf8c4c142ef.html.

14. China ready to work with all parties to implement Global Development Initiative, says premier // China International Development Cooperation Agency: [site]. - 2025. - 24 September. - URL: http://en.cidca.gov.cn/2025-09/24/c_1128903.htm.

15. Concept of Global Governance // Getting to Know China Through Keywords: [site]. - URL: http://www.china.org.cn/english/china_key_words/2020-01/19/content_75629664.html.

16. Full Text: China's National Defense in the New Era // The State Council of the People's Republic of China: [site]. - 2019. - 24 July. - URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

17. Global Development Initiative-Building on 2030 SDGs for Stronger, Greener and Healthier Global Development // United Nations: [site]. - URL: <https://sdgs.un.org/partnerships/global-development-initiative-building-2030-sdgs-stronger-greener-and-healthier-global>.

18. How Xi Jinping Thought on Diplomacy has guided China's diplomacy to gain more steady and far-reaching results // China's Diplomacy in the New Era: [site]. - 2025. - 24 June. - URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/2025-06/24/content_117945172.shtml.

19. Promoting Global Governance Reform // Getting to Know China Through Keywords: [site]. - URL: http://www.china.org.cn/english/china_key_words/2020-01/19/content_75629656.html.
20. Ten core principles of Xi Jinping Thought on Diplomacy // Qiushi: [site]. - 2021. - 16 July. - URL: https://en.qstheory.cn/2021-07/16/c_643502.htm.
21. The Global Security Initiative Concept Paper // China's Diplomacy in the New Era: [site]. - URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/pdf/The_Global_Security_Initiative_Concept_Paper.pdf.
22. The Right to Development: China's Philosophy, Practice and Contribution // The State Council of the People's Republic of China: [site]. - 2016. - 1 December. - URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2016/12/01/content_281475505407672.htm.
23. Xi Jinping. The Governance of China / Vol. 1. – URL: <http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook1en/mobile/index.html>.
24. Xi Jinping. The Governance of China / Vol. 3. – URL: <http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook3en/mobile/index.html>.
25. Xinhua Commentary: Global Security Initiative offers China's solution to global security dilemmas // Xinhua: [site]. - 2022. - 23 April. - URL: <https://english.news.cn/20220423/2523e2d4175e4eae900a22ed3568ec7/c.html>.
26. 3 things to know about China's Global Civilization Initiative // Qiushi: [site]. - 2024. - 3 April. - URL: https://subsites.chinadaily.com.cn/Qiushi/2024-04/03/c_976472.htm.
27. 大变局 = Невиданные изменения // 新时代中国外交百科 = Энциклопедия китайской дипломатии в новую эпоху: [сайт]. - URL: https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-08/30/content_78394597.shtml.
28. 弘扬和平共处五项原则携手构建人类命运共同体 = Соблюдение Пяти принципов мирного сосуществования и совместная работа над созданием Сообщества единой судьбы человечества // 外交部 = МИД КНР: [сайт]. - 2024. - 28 июня. - URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202406/t20240628_11443295.shtml.
29. 全球治理倡议，是世界的合唱 = Инициатива в области глобального управления — это хор всего мира // 求是网 = Журнал «Цюши»: [сайт]. - 2025. - 23 октября. - URL: <https://www.qstheory.cn/20251023/d83da4fe54564d9ca5a588e591b4402b/c.html>.
30. 怎样理解四大全球倡议 = Как понять суть четырех глобальных инициатив // 求是网 - Журнал «Цюши»: [сайт]. - 2025. - 15 октября. - URL: <https://www.qstheory.cn/20251015/c7d241edffb7453daadbee957e94966d/c.html>.

朱中博 = Чжу Чжунбо. 全球文明倡议：缘起、内涵与中国实践 = Глобальная инициатива цивилизаций: происхождение, смысловое содержание и китайская практика // China Institute of International Studies: [site]. - URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202311/P020231109567046882655.pdf>.

М.М. Панин,
аспирант,
Дипломатической академии МГИМО МИД России,
E-mail: mikhail.panin19@gmail.com

M.M. Panin,
PhD student,
Diplomatic Academy of MGIMO University
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,
E-mail: mikhail.panin19@gmail.com

**КОНЦЕПЦИЯ «СДЕРЖАННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА» КАК
АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАМКА ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
THE CONCEPT OF “RESTRAINED NEUTRALITY” AS AN
ANALYTICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF FOREIGN POLICY
OF CENTRAL ASIAN STATES**

Аннотация: в статье предложена и операционализована концепция «сдержанного нейтралитета» как аналитическая рамка для изучения внешнеполитического поведения государств постсоветской Центральной Азии. Показано, что сложившиеся в литературе категории - «многовекторность», «стратегическое балансирование», «хеджирование», «нейтралитет» - фиксируют отдельные стороны этого поведения, но не позволяют связать его стратегический и операциональный уровни. Выделены пять конститутивных признаков «сдержанного нейтралитета»: уклонение от блоковых обязательств, дозированное взаимодействие с конкурирующими центрами силы, осторожность в острых международных кризисах, опора на нормы международного права как защитный дискурс, диверсификация источников помощи и гарантий. Рамка апробирована на материале Таджикистана и Узбекистана. Обосновано, что данная стратегия реализуется в обеих странах, но через различные институциональные механизмы.

Ключевые слова: внешняя политика, Центральная Азия, сдержанный нейтралитет, многовекторность, стратегическое балансирование, малые государства, Таджикистан, Узбекистан, Foreign Policy Analysis, региональная безопасность.

Abstract: the article introduces and operationalises the concept of «restrained neutrality» as an analytical framework for the study of foreign policy behaviour of post-Soviet Central Asian states. It is shown that the categories established in the literature - «multi-vector policy», «strategic balancing», «hedging», «neutrality» - capture separate facets of this behaviour but fail to link its strategic and operational levels. Five constitutive features of «restrained neutrality» are identified: avoidance of bloc commitments, calibrated engagement with competing centres of power, caution in acute international crises, reliance on the norms of international law as a protective discourse, and diversification of sources of aid and guarantees. The framework is tested on the cases of Tajikistan and Uzbekistan. It is argued that this strategy is implemented in both countries, although through different institutional mechanisms.

Keywords: foreign policy, Central Asia, restrained neutrality, multi-vector policy, strategic balancing, small states, Tajikistan, Uzbekistan, Foreign Policy Analysis, regional security.

Введение

Вопрос о том, как правильно описывать внешнеполитическое поведение государств постсоветской Центральной Азии, относится к числу наиболее дискуссионных в современной регионоведческой науке. Предложенные за прошедшие три десятилетия категории - от «многовекторности» до «хеджирования» - претендуют на универсальное объяснение, однако каждая из них охватывает лишь отдельные грани этого поведения. Между тем именно практическое звено, связывающее декларируемые стратегические ориентиры с конкретными механизмами принятия решений, остаётся в литературе наименее проработанным [1, с. 487]. Предметом настоящей статьи является концептуальная рамка, способная заполнить эту лакуну.

Цель работы - обосновать аналитическую продуктивность концепции «сдержанного нейтралитета» применительно к внешнеполитическому поведению государств Центральной Азии. Эмпирическая апробация

осуществляется на материале Таджикистана и Узбекистана - двух государств, демонстрирующих сходную стратегическую логику при принципиально различных институциональных механизмах её реализации.

Существующие концепции и пределы их объяснительной силы

Концепция «многовекторности» получила широкое распространение в официальном дипломатическом лексиконе и в академической литературе. Она указывает на стремление центральноазиатских государств одновременно развивать отношения с несколькими крупными державами, избегая чрезмерного сближения с любым из них. Эта концепция верно фиксирует дипломатический стиль, однако не раскрывает механизм, посредством которого многовекторность воспроизводится на уровне конкретных решений. Термин носит преимущественно нормативный характер: он описывает декларируемую цель, а не реальный механизм её исполнения.

Концепция «стратегического балансирования», разработанная в рамках неореалистической традиции, описывает поведение малых и средних государств как целенаправленную политику уравнивания великодержавных влияний с целью сохранения максимально возможной автономии [2, с. 126]. Данная концепция обладает значительной объяснительной силой применительно к анализу макроуровневых ориентиров внешней политики, однако остаётся на уровне стратегических результатов, не проникая в механизмы принятия решений.

Концепция «хеджирования», заимствованная из словаря международной экономики, фиксирует страховочную логику внешнеполитических решений. Она акцентирует прежде всего аспект управления рисками, оставляя в тени нормативное и идентификационное измерение. Наконец, концепция «нейтралитета» в её классическом - формализованном - виде применима в регионе только к Туркменистану, статус которого был признан соответствующей резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1995 году [3]. Распространение этой категории на остальные государства Центральной Азии оказывается некорректным: ни Таджикистан, ни Узбекистан, ни

Казахстан, ни Кыргызстан не закрепили нейтралитет ни конституционно, ни в качестве международно признанного статуса.

Таким образом, аналитический инструментарий нуждается в категории, которая, во-первых, удерживала бы стратегическое содержание идеи нейтралитета как уклонения от блоковых обязательств; во-вторых, фиксировала бы прикладной уровень конкретных решений; в-третьих, учитывала бы специфический контекст постсоветской Центральной Азии.

Концепция «сдержанного нейтралитета»: определение и признаки

Под «сдержанным нейтралитетом» в настоящей работе понимается такая внешнеполитическая стратегия, которая характеризуется одновременно пятью конститутивными признаками.

Во-первых, государство принципиально избегает участия в блоковых структурах, предполагающих автоматические военно-политические обязательства. Если оно всё же является членом такой структуры, оно систематически уклоняется от полноценной реализации этих обязательств, рассматривая блок как инструмент получения гарантий, а не как механизм принятия обязывающих решений.

Во-вторых, оно активно поддерживает дипломатические и экономические отношения с несколькими конкурирующими крупными игроками, причём с каждым из них — в тщательно дозированном объёме. Дозирование является базовым тактическим принципом: ни один из партнёров не должен приобрести монопольных позиций.

В-третьих, государство демонстрирует подчёркнутую осторожность при реагировании на требования занять позицию в острых международных конфликтах. Уклонение от прямых оценок, вынужденное молчание, отсылка к процедурным форматам — типичные дипломатические практики этой стратегии.

В-четвёртых, оно апеллирует к нормам международного права - государственному суверенитету, невмешательству, мирному урегулированию

- как к защитному дискурсивному инструменту, позволяющему обосновать отказ от действий, к которым подталкивают внешние партнеры.

В-пятых, государство стремится диверсифицировать источники внешней помощи, инвестиций и гарантий безопасности, выстраивая параллельные каналы отношений с различными донорами и партнёрами.

Термин «сдержанный» в названии концепции принципиален. Он указывает на то, что речь идёт не об официально провозглашённом и юридически закреплённом нейтралитете, а о неформальной стратегической установке, которая выражает себя в конкретных поведенческих паттернах без формальной доктринальной фиксации. Это отличие существенно с аналитической точки зрения: «сдержанный нейтралитет» оставляет значительно большее пространство для манёвра, позволяя государству в конкретных случаях демонстрировать бóльшую близость к тому или иному партнёру, не будучи при этом формально связанным союзническими обязательствами.

В отличие от «многовекторности» предлагаемая концепция фиксирует не дипломатическую риторику, а операциональную логику. В отличие от «балансирования» она удерживает не только результат, но и нормативно-идентификационное содержание стратегии. В отличие от «хеджирования» она не редуцируется к управлению рисками, признавая самостоятельную роль ценностного слоя.

«Сдержанный нейтралитет» в таджикском контексте

Применительно к Таджикистану концепция «сдержанного нейтралитета» наталкивается на очевидное противоречие: страна является членом ОДКБ - военно-политического блока под российским руководством, - что формально несовместимо с любой версией нейтралитета. Однако при внимательном анализе реального поведения Душанбе в рамках Организации обнаруживается, что Таджикистан систематически уклонялся от полноценного участия в коллективных механизмах, предпочитая рассматривать ОДКБ прежде всего как инструмент получения гарантий

безопасности и военно-технической помощи [4, с. 89]. Одновременно Таджикистан последовательно развивал отношения с США, ЕС, Китаем и региональными партнёрами, избегая ситуации, при которой Россия стала бы единственным доминирующим внешнеполитическим партнером.

Таким образом, членство в ОДКБ не отменяет логику «сдержанного нейтралитета» в таджикском контексте, но модифицирует её, превращая в асимметричный вариант, при котором официальные союзнические обязательства принимаются, но реализуются с систематическими оговорками и ограничениями. Этот паттерн особенно отчетливо проявился в период афганского кризиса 2021 года, когда Душанбе воздержался от солидарных действий в рамках ОДКБ, предпочтя сохранить самостоятельную позицию по афганскому вопросу, обусловленную спецификой таджикско-афганских этнических и политических связей.

«Сдержанный нейтралитет» в узбекском варианте

В случае Узбекистана концепция «сдержанного нейтралитета» реализуется в более последовательной форме. На протяжении каримовского периода Ташкент неоднократно выходил из региональных организаций - ОДКБ, ЕврАзЭС, - вновь вступал в них и снова приостанавливал участие, демонстрируя готовность использовать вступление и выход как инструменты политического давления. Эта «стратегия осциллирования», при которой Узбекистан в разные периоды сближался то с Россией, то с США, то с Китаем, не вступая с ними в долгосрочные союзнические отношения, является наглядным воплощением «сдержанного нейтралитета» [5, с. 58].

При президенте Ш. Мирзиёеве базовая логика сохраняется, однако ее реализация стала более мягкой: акцент сместился с жёсткого дистанцирования на активную многостороннюю дипломатию, включающую нормализацию отношений с соседними государствами и расширение регионального сотрудничества. Ташкент возобновил активное участие в региональных форматах и обозначил приверженность «открытой и конструктивной» внешней политике, не отказавшись при этом от базовой

установки на недопущение монопольного доминирования одного внешнего актора.

Импlications, ограничения и перспективы

Концепция «сдержанного нейтралитета» имеет важные импlications для понимания процесса принятия внешнеполитических решений. Если принять её в качестве описания базовой стратегической ориентации обоих государств, то можно ожидать, что: процедуры согласования будут характеризоваться особой осторожностью при принятии решений, способных зафиксировать государство в той или иной «блоковой» позиции; высшие руководители будут склонны лично контролировать решения, затрагивающие стратегические балансировочные позиции; дипломатический аппарат будет ориентирован на поддержание равноудалённых отношений с несколькими партнёрами.

Концепция обладает и очевидными ограничениями. Она фиксирует стратегическую логику, но не объясняет отклонения от неё - случаи, когда государство вынуждено занимать более определённую позицию под давлением внешних обстоятельств. Кроме того, применяя её к двум различным государствам, необходимо учитывать, что «сдержанный нейтралитет» воплощается через существенно различающиеся институциональные механизмы, отражающие специфику каждой из политических систем.

Заключение

Предложенная аналитическая рамка позволяет связать стратегический уровень внешнеполитических ориентаций центральноазиатских государств с прикладным уровнем конкретных дипломатических решений. По отношению к существующим концепциям она выполняет интегрирующую функцию: удерживает идею уклонения от блоковых обязательств, фиксирует тактическую логику дозированного взаимодействия и одновременно учитывает нормативно-идентификационный слой. Перспективы дальнейшего использования рамки связаны с её распространением на материал других

государств региона, а также с подключением её к моделям Foreign Policy Analysis при объяснении механизмов принятия внешнеполитических решений.

Список источников и литературы

1. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // International Affairs. - 2004. - Vol. 80. - No. 3. - P. 485-502.
2. Waltz K.N. Theory of International Politics. - New York: McGraw-Hill, 1979. - 251 p.
3. United Nations General Assembly. Resolution 50/80. Permanent Neutrality of Turkmenistan. - New York: UN, 1995.
4. Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. - М.: Аспект Пресс, 2009. - 208 с.
5. Malashenko A. The Fight for Influence: Russia in Central Asia. - Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. - 144 p.
6. Rothstein R.L. Alliances and Small Powers. - New York: Columbia University Press, 1968. - 331 p.
7. Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. - Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. - 368 p.
8. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии: международно-региональные измерения российско-китайского партнёрства. - М.: Форум, 2009. - 288 с.

Александр Евгеньевич Лисицкий,

аспирант,

Дипломатическая академия МГИМО МИД России,

E-mail: citizencomrade@yandex.ru

Aleksander E. Lisitskii,

PhD student,

Diplomatic Academy of MGIMO University
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,

E-mail: citizencomrade@yandex.ru

**ВЛИЯНИЕ «СМЕНЫ ЭПОХ» НА ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ С
РОССИЕЙ И КИТАЕМ
IMPACT OF “ZEITENWENDE” ON GERMANY'S RELATIONS WITH
RUSSIA AND CHINA**

Аннотация: представленная в 2022 году новая внешнеполитическая концепция под названием «смена эпох» оказала значительное влияние на выстраивание Берлином отношений с ключевыми международными акторами. При этом, степень изменения целей и задач двусторонних отношений со стороны ФРГ варьируется от страны к стране. В данной статье автор рассматривает влияние концепции «смены эпох» на отношения с Россией и Китаем.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, Германия, Россия, Китай.

Abstract: “Zeitenwende” - the new foreign policy concept introduced in 2022, has had a significant impact on Berlin’s relations with key international actors. Meanwhile, the degree of change in Germany’s goals and objectives for bilateral relations varies from country to country. In this article, the author examines the impact of the “Zeitenwende” concept on relations with Russia and China.

Keywords: foreign policy, international relations, Germany, Russia, China.

Введение

Новые международные вызовы, связанные с процессом трансформации мирового порядка стали причиной серьезных изменений во внешней

политике Германии, начиная с 2022 года. Тогда федеральным канцлером Олафом Шольцем был провозглашен переход к политике «смены эпох», ключевую часть которой занимают ценностные установки большинства немецкого политического истеблишмента, совпадающие с идеями коллективного Запада.

Новый курс внешней политики стал, прежде всего, ответом Германии на обострение украинского конфликта и начала Россией Специальной военной операции. «Смена эпох» сыграла важную роль в ухудшении российско-германских отношений. Неразрешимые противоречия между сторонами ставились Берлином в качестве приоритетной причины перехода от сотрудничества с Москвой до враждебного отношения. Этим же объяснялась необходимость безусловной поддержки киевского режима, находящегося в активной фазе вооруженного противостояния с Россией.

Приоритетность ценностных ориентиров коллективного Запада и связанных с ними вопросов безопасности отразились на санкционной политике Берлина и постепенного отказа от экономического сотрудничества с российскими компаниями даже в ущерб собственным торговым интересам. Несмотря на негативное влияние диверсификации поставок энергоресурсов на немецкую экономику, уход от энергетической зависимости от российского топлива был оправдан с точки зрения нового курса внешней политики.

На контрасте с влиянием «смены эпох» на российско-германские отношения, просматривается более осторожный подход Берлина к проблеме выстраивания отношений с Китаем в соответствии с новой внешнеполитической концепцией. Несмотря на наличие большого количества претензий к проводимой КНР внутренней и внешней политике с точки зрения коллективного Запада, Германия проявляет большую осторожность в ходе выстраивания диалога с Поднебесной, нежели чем с Россией.

Кризисное состояние российско-германских отношений в контексте «смены эпох»

Провозглашение Олафом Шольцем начала нового внешнеполитического курса «смены эпох» и его последующая адаптация стали ключевым событием в истории двусторонних отношений с Москвой [23]. Накопленные ценностные и идейные противоречия между сторонами стали главной причиной перехода от сотрудничества со своим бывшим партнером к открытой конфронтации. Непринятие позиций и аргументов, высказываемых Россией по вопросам проведения своей внешней политики и начало СВО привели к изменению восприятия страны в немецком обществе. Первая половина 2022 года была ознаменована рассветом антироссийских и русофобских настроений в Германии, активно подогреваемых местными средствами массовой информации, распространяющих исключительно негативные тезисы относительно тогдашних действий Москвы [7].

Выстроенный образ внешнего врага в лице России хорошо ложился в общую тенденцию отказа от экономического взаимодействия с РФ. После начала СВО многие немецкие компании поспешили заморозить или полностью прекратить свою деятельность в России, преимущественно аргументируя свои решения репутационными рисками [11]. В то же время, Берлин встал на курс диверсификации поставок энергоресурсов из России, пытаясь тем самым добиться энергетической независимости от, прежде, ключевого нефтегазового партнера. В совокупности с более агрессивной санкционной политикой, усилия Берлина по поиску новых источников газа и нефти по более завышенным ценам поставили национальную экономику в крайне тяжелое положение. Переориентирование цепочек поставок в кратчайшие сроки привело к резкому скачку цен на энергоносители на внутреннем рынке, банкротству ряда компаний, связанных с импортом энергоресурсов, а также росту годовой инфляции ФРГ, составляющей к концу 2022 года около 8% [5].

Негативные последствия отказа от сотрудничества с российскими поставщиками в нефтегазовой отрасли отразились на общем состоянии национального хозяйства Германии. Несмотря на значительное снижение цен

на энергоресурсы ближе к началу 2023 года, их стоимость оставалась завышенной по сравнению с февралем 2022 года. В сложившейся ситуации, общая инвестиционная привлекательность Германии снизилась на фоне высоких цен на энергетику. Вместе с тем, многие промышленные предприятия были вынуждены закрыться или перебазировать свои производства в другие страны. С этого начался продолжающийся уже несколько лет процесс деиндустриализации Германии [18].

Несмотря на очевидные негативные последствия отказа от экономического сотрудничества с Россией, власти Германии продолжали оправдывать свои действия необходимостью устранения энергетической зависимости от Москвы как от источника внешней угрозы. Формальное закрепление за РФ статуса враждебной силы было отражено в «Стратегии национальной безопасности ФРГ» 2023 года [21]. Документ стал важной частью выстраивания антироссийской риторики Берлина в рамках «смены эпох». В нем бывший восточный партнер был указан в качестве «крупнейшей угрозы мира и безопасности в евроатлантическом пространстве». Авторы Стратегии не сдерживали себя в процессе подбора эпитетов для характеристики внешней политики России. В тексте нередко можно встретить типичные примеры использования штампов антироссийской пропаганды [9]. Документ также содержал конкретные предписания для борьбы с возрастающей российской угрозой. По мнению авторов, торговое сотрудничество с РФ должно было быть сведено к минимуму, так как за дешевые энергоресурсы ФРГ, якобы, приходится расплачиваться безопасностью как своей собственной, так и всей Европы [13]. Таким образом, Стратегия была призвана легитимизировать усилия Германии по разрыву большинства двусторонних контактов с Москвой в рамках нового внешнеполитического курса.

Несмотря на всю вышеперечисленную антироссийскую позицию авторов, в Стратегии была отмечена важность сохранения дипломатических связей с Москвой как в рамках двусторонних отношений, так и контактов между

представителями РФ и НАТО ради поддержания стабильной военно-политической ситуации в регионе [21]. Следуя рекомендациям Стратегии, тогдашний канцлер не стал полностью отказываться от прямых контактов с Россией на дипломатическом уровне. В 2022 году лидеры двух стран 8 раз обменивались позициями по телефону. Практика телефонной дипломатии продолжалась вплоть до самого конца каденции Олафа Шольца. Последний его подобный разговор с Владимиром Путиным состоялся во ноябре 2024 года [12].

Стоит отметить, что сохранение прямых контактов с российским президентом по инициативе господина Шольца не было отражением их дружеских отношений, а скорее являлось иллюстрацией особого подхода немецкого лидера к организации внешнеполитической деятельности [4]. Открыто враждебное отношение официального Берлина к Москве не стало причиной разрыва всех имеющихся дипломатических контактов в рамках двусторонних отношений, что свидетельствовало о намерении тогдашнего правительства оставить некоторые окна для возможного разрешения конфликтной ситуации дипломатическим путем.

Приемник Олафа Шольца стал придерживаться еще более жесткой позиции в отношении Москвы. Несмотря на огромное количество накопленных противоречий между странами новое правительство Фридриха Мерца не стремится к их разрешению. Напротив, «большая» коалиция активно использует враждебный образ России для оправдания усиления милитаризации Германии [8].

Несмотря на торжество антироссийской политики на официальном уровне, в ФРГ остаются политические образования, выступающие за иную политику в отношении Москвы. В данном контексте стоит упомянуть, прежде всего, об «Альтернативе для Германии», члены которой не раз предлагали пересмотр российско-германских отношений, апеллируя к непродуктивности сегодняшнего курса. За подобную риторику «АдГ»

многократно обвиняли в намеренном распространении пророссийских нарративов среди немецкого общества [1].

Исходя из ценностных ориентиров большинства немецкого политического истеблишмента, а также учитывая нынешнее кризисное состояние двусторонних отношений, достигших своей низшей точки со времен Второй мировой войны, альтернативные предложения по выходу из сложившейся ситуации вряд ли сильно скажутся на реализуемой уже несколько лет политике Берлина в отношении России в рамках «смены эпох».

Влияние «смены эпох» на состояние германо-китайских отношений

На сегодняшний день, для Германии Китай является одним из важнейших неевропейских торговых партнеров. Тем не менее, за последние несколько лет объем торговли между странами значительно сократился. Если в 2022 году Китай являлся первым торговым партнером Германии с оборотом в 298,9 млрд. евро за год [3], то уже в 2024 году объем торговли с немецкими партнерами сократился до показателей в 246,8 млрд евро. Таким образом Китай был вытеснен с первенства торговли с ФРГ Соединенными Штатами с объемом взаимной торговли в 253,3 млрд евро за 2024 год [24]. В первой половине 2025 года Китай снова выбился в лидеры торговли с Германией с объемом торговли в 185,9 млрд евро за счет снижения экспорта немецких автомобилей в Штаты в результате новой тарифной политики Дональда Трампа [19]. Помимо того, Китай также занимает второе место после США по объемам иностранных инвестиций в немецкую экономику [22].

Стоит отметить, что торговый баланс между ФРГ и КНР носит ассиметричный характер. Рынок Китая является гораздо более привлекательным для немецких экспортеров в качестве рынка сбыта, чем для китайских рынок Германии. При этом, согласно последним политическим тенденциям, Пекин стремится к ограничению поставок из стран коллективного Запада в ключевых производственных отраслях, тогда как Берлин остается в серьезной экономической зависимости от китайских

производителей. Помимо того, торговля с Китаем уже на протяжении многих лет является серьезным источником занятости немцев. В 2022 году около 2,4% всех рабочих мест в Германии напрямую зависели от экономических отношений с КНР [20]. Доля таких мест в немецкой морской торговле составляла от 5 до 10%, тогда как во всем промышленном секторе ФРГ около 5% рабочих мест зависело от китайского импорта [14].

Вышеописанный дисбаланс в торгово-экономических отношениях стал причиной озабоченности многих представителей политического ландшафта Германии. Еще в 2022 году министр экономики от «светофорной» коалиции Роберт Хабек призывал немецкие компании по возможности искать альтернативу партнерству с китайскими коллегами [17]. По мнению министра, Германия, уже на тот момент, не могла себе позволить и дальше продолжать зависимость от восточного партнера, особенно, в таких ключевых отраслях экономики как цифровые технологии и производство полупроводников, являющихся критически важным звеном в цепочке перехода на возобновляемые источники энергии [2]. Господин Хабек был не единственным представителем команды О. Шольца, выступавшим за ограничение торговли с Китаем. Так, в качестве меры по регулированию объемов импорта тогдашняя министр иностранных дел Германии Анналена Бербок предлагала ввести ограничения на торговлю с КНР [3].

Позиция команды Олафа Шольца по Китаю нашла свое отражение в вышеописанной «Стратегии национальной безопасности ФРГ» [21]. В ней Китай был поставлен в один ряд с Россией в контексте уровня влияния на безопасность страны. По мнению авторов Документа, Китай для Германии – это одновременно важный торговый партнер и потенциальный источник внешних угроз [6].

Спустя месяц после публикации Стратегии, Берлином был презентован еще один внешнеполитический документ, на этот раз, полностью посвященный проблемам двусторонних отношений с Пекином. «Стратегия федерального правительства по Китаю» была призвана раскрыть понятия по

данной теме, заложенные в предыдущем документе [15]. «Смена эпох» должна была стать триггером изменения целей и задач внешней политики Германии в отношении Китая.

Несмотря на прослеживаемую в документе обеспокоенность Германии усилением военной и экономической мощи Китая, а также недовольство отдельными проявлениями внутренней политики Пекина, связанными с нарушением прав человека, текст Стратегии на Китаю не содержал каких-либо радикальных положений, сильно меняющих представление Берлина о принципах взаимодействия с Пекином в соответствии с новым внешнеполитическим курсом. Вместо этого, Документ стал отражением двойственности китайского вектора внешнеполитической деятельности Берлина [16]. Правительство О. Шольца старалось выдерживать хрупкий баланс между критикой китайской внешней политики, представляющей угрозу западной модели мирового «порядка, основанного на правилах» и необходимостью сохранения благоприятного климата для продолжения плодотворного экономического сотрудничества.

Следующее немецкое правительство не внесло кардинальных изменений в характер двусторонних отношений с Китаем. Статус-кво в вопросе экономического взаимодействия с восточным партнером оказался для Германии перспективно выгоднее любых действий по радикальному сокращению торговли или разрушению двусторонней дипломатической деятельности по аналогии с Россией. При этом, кабинет Ф. Мерца оставляет для себя возможности для дальнейшего переосмысления отношений с Пекином с учетом исходящих от КНР угроз немецкой и коллективной трансатлантической безопасности и связанной с этим хрупкости положения двусторонних связей в условиях трансформации мирового порядка [10].

Заключение

Переход Германии на внешнеполитический курс «смены эпох» привел к значительным изменениям в двусторонних отношениях с такими важными акторами международных отношений как Россия и Китай. Уже на

протяжении нескольких лет Берлин рассматривает Москву исключительно в качестве источника угроз национальной и трансатлантической безопасности, используя свою позицию в качестве оправдания значительного ограничения торгово-экономических отношений, попутно снабжая находящуюся в горячем конфликте с РФ сторону вооружением.

Учитывая идейную направленность нового внешнеполитического курса, было бы логично ожидать подобного отношения и к Китаю, представляющего реальную угрозу гегемонии коллективного Запада. Причиной более осторожного подхода Берлина к проблемам германо-китайских отношений является сильная зависимость немецкого рынка от импорта из КНР. Если Германия, хоть и с трудом, но смогла преодолеть большинство трудностей, вызванных разрывом торговых связей с Россией, то резкое снижение объемов торговли с Китаем может обернуться настоящей катастрофой для внутреннего хозяйства ФРГ. В данной ситуации Берлину приходится маневрировать между желанием отстаивать ценности «свободного мира» в отношениях с Пекином с реальной необходимостью сохранения статуса-кво в двусторонних отношениях с восточным партнером, что сильно отличается от той политики, что, уже на протяжении нескольких лет Германия выстраивает в отношении РФ.

Список источников и литературы

1. Арзаманова Т. В. Правый популизм в Германии: нишевая «пария» в ловушке западногерманской политической культуры? / Т. В. Арзаманова // Актуальные проблемы Европы. - 2023. - № 4. - С. 196-218.
2. Баранов Я.С. Новые подходы к безопасности энергетического сектора Германии в современных условиях / Я.С. Баранов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. - 2023. - №2. - С. 100-112.
3. Белов В.Б. Германо-китайские экономические отношения в условиях актуальных геополитических вызовов / В. Б. Белов // Современная Европа. - 2023. - № 7. - С. 111-126.
4. Белов В. Б. «Зелёный переход» Германии в условиях трансформации немецкого штандарта / В. Б. Белов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. - 2025. - № 3. - С. 46-60.

5. Белов В. Б. Итоги 2022 г.: экономический штандорт Германии на грани деиндустриализации? / В. Б. Белов // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. - 2022. - №6. - С. 70-84.
6. Белов В. Б. Первая в истории Германии комплексная Стратегия национальной безопасности / В. Б. Белов // Аналитические записки Института Европы РАН. - 2023. - № 2. - С. 44-53.
7. Белов В. Б. Реакция Германии на специальную военную операцию РФ на территории Украины / В. Б. Белов // Аналитические записки Института Европы РАН. - 2022. - № 8. - С. 56-62.
8. Белов В. Б. Российский вектор внешней политики правительства Фридриха Мерца / В. Б. Белов // Аналитические записки Института Европы РАН. - 2025. - № 2. - С. 37-44.
9. Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру / В. К. Белозёров // Россия в глобальной политике. - 2023. - № 5. - С. 166-177.
10. Германия решила переосмыслить свои тесные связи с Китаем // Ведомости : [сайт]. - 2025. - 10 ноя. - URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/11/10/1153395-germaniya-reshila-pereosmislit-svyazi-s-kitaem> (дата обращения: 25.01.2026).
11. Котов А. В. Актуальные стратегии ведущих немецких компаний на российском рынке после начала спецоперации на Украине / А. В. Котов // Аналитические записки Института Европы РАН. - 2022. - № 1. - С. 77-81.
12. Кремль подтвердил телефонный разговор Путина с Шольцем // Российская Газета : [сайт.]. - 2024. - 15 ноя. - URL: <https://rg.ru/2024/11/15/kreml-podtverdil-telefonnyj-razgovor-putina-s-sholcem.html> (дата обращения: 25.01.2026).
13. Рукавицын П. М. Геополитический и ценностный подходы в реализации внешней политики ФРГ / П. М. Рукавицын // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. - 2024. - № 4. - С. 125-140.
14. Busch B. Zur Abhängigkeit einzelner Industriezweige von China : монография / B Busch, J. Matthes, S. Sultan. - Köln : Institut der deutschen Wirtschaft Köln e. V., 2023. - 36 с.
15. Die China-Strategie der Bundesregierung 2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/asien/china-strategie/2607934> (дата обращения: 25.01.2026).
16. Godehardt N. The Logic of Germany's China Policy in the Zeitenwende : монография / N. Godehardt. - Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik., 2024. - 36 с.
17. Habecks neue Handelsstrategie // Frankfurter Allgemeine Zeitung : [сайт]. - 2022. - 13 ноя. - URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/habecks-neue-handelsstrategie-18457532.html> (дата обращения: 25.01.2026).
18. Industriepolitik in der Zeitenwende: монография / M. Hüther, H. Bardt, C. Bähr [и др.]. - Köln : Institut der deutschen Wirtschaft Köln e. V., 2023. - 45 с. - URL: <https://www.iwkoeln.de/studien/michael-huether-hubertus-bardt-cornelius->

baehr-juergen-matthes-klaus-heiner-roehl-christian-rusche-thilo-schaefer-industriepolitik-in-der-zeitenwende.html (дата обращения: 25.01.2026).

19. KORREKTUR: Januar bis September 2025: China wichtigster Handelspartner Deutschlands // Destatis : [сайт] - 2025. - 19 ноя. - URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2025/11/PD25_411_51.html?templateQueryString=KORREKTUR%3A+Januar+bis+September+2025%3A+China+wichtigster+Handelspartner+Deutschlands (дата обращения: 25.01.2026).

20. Matthes J. Gegenseitige Abhängigkeit im Handel zwischen China, der EU und Deutschland : монография / J. Matthes. - Köln : Institut der deutschen Wirtschaft Köln e. V., 2022. - 31 с.

21. Nationale Sicherheitsstrategie: Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/Sicherheitsstrategie-DE.pdf> (дата обращения: 25.01.2026).

22. Rusche C. Deindustrialisierung - Eine Analyse auf Basis von Direktinvestitionen / C. Rusche // IW-Kurzbericht. - № 43 - URL: <https://www.iwkoeln.de/studien/christian-rusche-eine-analyse-auf-basis-von-direktinvestitionen.html> (дата обращения: 25.01.2026).

23. Scholz. O. The Global Zeitenwende / Scholz O. // Foreign Affairs. - 2023. - № 1. - С. 22-38.

24. The United States is Germany's main trading partner // Destatis : [сайт] - 2025. - 2 дек. - URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/Foreign-Trade/trading-partners.html?templateQueryString=Trade+with+China> (дата обращения: 25.01.2026).

Дмитрий Юрьевич Герасимов,

аспирант,

Дипломатическая академия МГИМО МИД России,

г. Москва, ул. Большая Дорогомиловская 10, 121059,

+7 926 370 20 45,

E-mail: gerasimov-mitya@inbox.ru

Dmitry Y. Gerasimov,

PhD student,

Diplomatic Academy of MGIMO University

of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,

121059, Bolshaya Dorogomilovskaya St. 10, Moscow,

+7 926 370 20 45

E-mail: gerasimov-mitya@inbox.ru

**НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ
И СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР ПОНЯТИЯ
NATIONAL SECURITY: GENESIS, EVOLUTION
AND THE SYSTEMIC NATURE OF THE CONCEPT**

Аннотация: в статье рассматриваются исторические корни возникновения понятия «национальная безопасность» с учетом генезиса образующих его более широких и старых понятий «безопасность» и «нация», эволюция взглядов на нее от первоначально как в основном военной к современному комплексному пониманию национальной безопасности как системы взглядов на нее, институтов и методов ее обеспечения на примере России и с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: безопасность, нация, национальная безопасность, государственная безопасность, военная безопасность, экономическая безопасность, информационная безопасность, система, компоненты.

Abstract: the article considers the historical root of the emergence of the notion of “national security”, taking into account the genesis of the older and broader notions of “security” and “nation” shaping it, the evolution of its perceptions as initially a military one in general to the contemporary complex notion of national security as a system of views upon it and institutions and methods to maintain it, as exemplified by Russia with foreign experiences taken into consideration.

Keywords: security, nation, national security, military security, state security, economic security, information security, system, components.

Введение

Национальная безопасность - сравнительно недавний для России термин, обозначающий понятие, который в нашей стране пришло на смену понятию государственной безопасности лишь после возникновения Российской Федерации, причем тоже далеко не сразу. Оно, в свою очередь, является частным случаем гораздо более широкого понятия безопасности вообще, корни которого теряются в далеком прошлом.

Понятие безопасности весьма многогранно и включает в себя мировоззренческий, онтологический, методологический и антропологический аспекты, в своей взаимосвязи образуя целостное понятие безопасности¹. Стремление обеспечить свою безопасность присуще всем без исключения живым существам. Но, в отличие от всех остальных, лишь люди стали стремиться обеспечивать безопасность для себя осознанно, причем этот процесс происходил весьма медленно по мере освоения ими мыслительной деятельности как таковой. И это осознание тоже не опережало по темпам освоения людьми навыков абстрактного мышления. Если в самой седой древности травмы и смерть от несчастных случаев и болезней, природных бедствий, конфликтов между племенами и иных опасных событий объяснялись, как правило, происками враждебных или временно недовольных потусторонних сил, то позднее такое объяснение стало вытесняться рациональными оценками и, соответственно, прагматичными подходами к тому, как избежать соответствующих негативных последствий. Еще до нашей эры самые первые шаманы и жрецы понимали, что очищение ран и избегание общения с больными людьми как минимум не менее важно,

¹ Гаранина О. Д., Усик И. В. Онтологические смыслы категории «безопасность» в философской ретроспективе // Научный вестник МГТУ ГА. – 2008. – № 129. – С. 37–42.

чем всевозможные ритуалы и заклинания. А отсюда было недалеко, например, до попыток отравления вражеских источников воды трупами.

Но еще долгие века никто не задумывался над самой сутью понятия безопасности и отдельных индивидов, и их общностей. В Европе по данным «Исторического словаря французского языка» термин «безопасность» стали употреблять с XII в., подразумевая психологическое состояние человека, считающего себя «защищенным от любой опасности»². Дальнейшее развитие данное понятие получила позднее, в работах европейских мыслителей XVII–XVIII вв.³, таких как Б.Спиноза, определивший безопасность в качестве одной из функций государства, одной из его «добродетелей»⁴, Т.Гоббс, пришедший к выводу, что люди именно ради безопасности объединяются в государство, будучи без него обречены на вечную «войну всех против всех» (“bellum omnium contra omnes”)⁵, Р.Декарт, И.Кант и ряд других.

В России испокон веку синонимом безопасности служило слово «мир» (согласно дореволюционной орфографии писавшееся как «миръ» в отличие от «міръ», означавшее общество или позднее крестьянскую общину) – как состояние, противоположное состоянию войны, а также более широкое понятие «покой», означающее отсутствие не только войны, но и иных причин для беспокойства. Даже при Иване IV Грозном термин «безопасность» еще не вошел в русскую речь⁶, при том, что слово-антоним «опасность» было издавна известно. Много позднее в «Толковом словаре живого

2 Цит. по: Ромадина Л. П. Экономическая безопасность: развитие научных представлений // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2008. – Вып. 4. – С. 161.

3 Бушуев В. А. Понятие национальной безопасности в отечественном и зарубежном государственно-правовом дискурсе // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – № 6 (143). – С. 179. 5

4 Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Антология мировой политической мысли. 1997. – Т. 1. – С. 350.

5 Немченко И.В. Томас Гоббс: к вопросу о теории суверенитета // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. – М. – Институт всеобщей истории АН СССР – 1982. – С. 42-69.

6 См. Иванов А.А. Система государственной безопасности Московского царства в правление Ивана Грозного // Конкурс молодых историков "Наследие предков - молодым" [Электронный ресурс] URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1004-sistema-gosudarstvennoj-bezopasnosti->)Дата обращения: 23 июня 2025)

великорусского языка» В.И.Даля безопасность была определена как «отсутствие опасности; сохранность, надежность»⁷.

Что же касается частного случая понятия безопасности - безопасности страны в целом, то оно ассоциировалось, прежде всего, с отсутствием или минимумом внешних угроз, в силу чего защите от вооруженных нападений извне традиционно придавалась превалирующая важность. Функцию противодействия им исполняли вооруженные силы. Однако, по мере укрепления централизованной самодержавной власти растущую актуальность приобрела борьба и против внутренних угроз, которые тоже считались практически полностью носящими вооруженный силовой характер, как, например, попытка в 1497 году группы бояр отстранить от власти Ивана III⁸. В итоге дополнительно к вооруженными силами были сформированы такие институты как «опричнина» ради обеспечения именно внутренней безопасности, а два с лишним века спустя и полиция.

При этом важно подчеркнуть, что в те времена под безопасностью страны понималась прежде все безопасность царя как сакральной фигуры. Именно такой подход если не формально, то по существу сложился ко времени царствования Ивана IV Грозного, считавшего себя несущим ответственность исключительно перед Господом Богом. Впрочем, в европейских абсолютных монархиях также сложилось понимание безопасности страны как в наипервейшую очередь безопасности государя, возникла прочная ассоциация правителя страны с самой страной, что нашло свое крайнее выражение в знаменитой фразе короля Франции Людовика XIV: «Государство – это я». Следует признать, что при всех победах демократической формы правления в мире за последнее столетие мы в повседневной речи и даже в СМИ, имея в виду заявления президентов и премьер-министров, а порой даже министров иностранных дел и депутатов парламента, говорим, к примеру, «Швеция выступает за» что-то или «Италия отвергает» что-то, и т.п.

7 Даль В. Я. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. – Русский язык. – 1981-1982. Т. 1.С. 67.

8 Вернадский Г.В. Московское царство. 2-х т. Т. 1. – Тверь. – 2001.

Однако к концу XVII в. труды Г.Гроция, Т.Гоббса, Дж.Локка и других, рассуждавших о «естественном праве», «общественном договоре» и происхождении государства, привели к весьма существенным изменениям в толкования безопасности страны. Монарх переставал быть только помазанником Божьим, становясь также верховным правителем, отвечающим за достижение вполне земной цели — «общего блага» или «общественной пользы». В данном отношении примечателен русский царь Петр I. Философские рассуждения об общественном договоре между обществом и монархом были для него в силу его воспитания, скорее всего, неприемлемы, но идея служения Отечеству, включая и его народ, нашла вполне конкретное отражение во многих документах за его подписью, например, в его манифесте от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию», адресованном европейской аудитории. В нем он, не подчеркивая особо свою богоизбранность, заявил, что желает, чтобы его подданные «попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние»⁹. Для Ивана IV такое было бы немыслимо.

Наконец, в XIX в. в Российской империи появился термин «государственная безопасность», впервые официально примененный в манифесте императора Николая I от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками»¹⁰, т.е. предводителями неудавшегося восстания декабристов в 1825 г. Однако этот термин далеко не сразу вошел в юридическую практику - повторно после 1826 г. он содержится лишь в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.¹¹ В последние

9 Редин Д. Имперское «регулярство». Царь и его «ментальное государство». – 21 декабря 2022 // Российское историческое общество - Российское историческое общество [Электронный ресурс] URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=8285&ysclid=md424woks723601226 (Дата обращения: 3 августа 2025)

10 Полный свод законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 1. – №465 [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/> (Дата обращения: 30 августа 2025)

11 Там же. – Собр.3, Т. 1. №350.

же десятилетия существования Российской империи он уже перестал быть редкостью.

В результате Великой французской революции и Американской войны за независимость на протяжении всего XIX в. в этих двух странах, а также ряде других, прежде всего, возникших на руинах испанской колониальной империи в Латинской Америке наблюдалось повсеместное вытеснение из названий органов государственного управления прежнего определения «королевский» новым - «национальный». Тем самым подчеркивалось, что источником государственной власти является народ.

Отсюда был один шаг для появления термина «национальная безопасность», который, как считается, впервые публично употребил применительно к своей стране президент США Т.Рузвельт, убеждавший в 1904 г. в послании к Конгрессу в крайней необходимости присоединения зоны Панамского канала к США¹². Однако лишь в 1947 г. Конгресс США принял закон под названием «О национальной безопасности», и данный термин приобрел широкое применение сначала в США, а затем и в других странах, особенно в связанным с ними близкими, в т.ч. союзническими узами^{13[13]}, даже при том, что во многих из них нация как таковая согласно известным критериям еще не успела вполне сложиться. Тем не менее, этот термин приобрел большую популярность в этих странах наряду с таким неприятным для западного восприятия словом как «национализация» (иностранной собственности в бывших колониях).

В этой связи хотелось бы отметить сомнительную пользу от имеющих место попыток вновь «растачить» национальную безопасность на части.

12 Автор вынужден отметить, что, несмотря на тщательный анализ этого послания к Конгрессу США в декабре 1904 г. и обилие употребления в нем слов «нация», «национальные интересы» и «безопасность», именно словосочетания «национальная безопасность» (“national security”) обнаружить в нем не удалось

13 Стратегии национальной безопасности США. Досье. ТАС= С. 19 декабря 2017 [Электронный ресурс] URL https://news.rambler.ru/usa/38717140/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/usa/38717140/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 02 июня 2024)

Примером такой попытки представляется точка зрения американских авторов Д.Реверона и К.Махони-Норрис, что «единственный надежный путь справиться с угрозами безопасности США - и, в действительности, с угрозами глобальной безопасности - это выйти за пределы государство-центричной фокусировки на *национальной безопасности* в сторону организующего понятия *человеческой безопасности*, которая народо-центрична»¹⁴. Авторы, возможно, бессознательно совершили подмену слов, по сути утверждая, что национальная безопасность «государство-центрична», тогда как согласно правилам логики «государство-центричной» можно назвать только традиционную государственную безопасность. Впрочем, сами авторы вынуждены признать, что такие сферы безопасности как экономическая, окружающей среды, здоровья и некоторые другие находятся «где-то посередине», относясь и к традиционному, и современному понятию национальной безопасности¹⁵.

Что касается СССР, то в нем термин «государственная безопасность» стал общепринятым в обязательном порядке, поскольку ленинское «государство нового типа» считалось не стоящим над советским обществом и тем более, противостоящим ему как в буржуазном обществе, а по сути его неразрывной - руководящей - частью аналогично тому как в Конституции СССР 1977 г. Коммунистическая партия Советского Союза была провозглашена его «руководящей и направляющей силой». Этот термин даже вошел в название двух государственных структур соответствующего профиля - Народного комиссариата государственной безопасности и Министерства государственной безопасности.

При этом, однако, в силу существования у слова «государство» двух значений – как системы органов управления страной и как синонима слова

14 Reveron Derek S., Mahoney-Norris Kathleen A, Human and National Security: Understanding Transnational Challenges. – N.Y., Routledge. Taylor & Francis Group – 2019. - P.10 [Электронный ресурс] URL blication at: <https://www.researchgate.net/publication/328111434> (Дата обращения: 27 августа 2025).

15 Ibid.

«страна», подспудно все больше ощущалась некая его двусмысленность. До революции 1917 г. данное слово воспринималось практически только в первом значении, и отсюда в старой России имелись «государственные», т.е. «государевы» крепостные крестьяне, «государственные», т.е. «государевы» земли, «государственные», т.е. «государевы» служащие и т.п. К сожалению, как представляется, по мере накопления трудностей и, как принято было писать в официальных советских документах, «отдельных недостатков» в развитии СССР, государственная безопасность все больше стала восприниматься в общественном сознании как, прежде всего, система охраны государственного аппарата и особенно его руководителей, его защиты и от внешних угроз, и от исходящих снизу порой весьма справедливых требований и предложений.

На момент развала СССР стало очевидным, что данный термин не соответствует характеру взаимоотношений между органами государственного управления и населением нового, провозглашенного «демократическим» государства - Российской Федерации. Более того, чувствовалось, что он вызывает в широких слоях общества негативные ассоциации с реальными, преувеличенными и просто выдуманными злоупотреблениями органов госбезопасности, имевшими место в предыдущие десятилетия. А в глазах другой части общества органы госбезопасности в 1991 г. не выполнили свой главный долг - «защиту социализма», Требовалось новое определение для обозначения безопасности страны в целом.

Первоначально на смену прилагательному «государственная» пришло другое - «федеральная», появившееся в названиях множества органов государственного управления. в т.ч. и обеспечивающих безопасность. После неудачной попытки в декабре 1991 г. объединить существовавшие как и было положено согласно Конституцией СССР 1977 г. для всех союзных республик отдельно друг от друга Комитет государственной безопасности и Министерство внутренних дел Российской Советской Федеративной

Социалистической Республики в единое Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР, такой специализированной структурой стало учрежденное в январе 1992 г. Министерство безопасности РФ. Но 21 декабря 1993 г. оно было упразднено указом Президента РФ Б.Н.Ельцина - согласно некоторым предположениям, ввиду его недовольства поведением некоторых руководителей МБ в период его противостояния с Верховным советом РФ, вылившееся в вооруженные столкновения в Москве в октябре того же года^{16[16]}. Вместо МБ была создана Федеральная служба контрразведки. РФ. Все это выражалось в радикальном изменении структуры и штатного состава.

Однако переименование ФСК в существующую по сей день Федеральную службу безопасности РФ в июне 1995 г. произошло практически без изменений в аппарате и переназначений сотрудников. Можно предполагать, что причиной стали даже не столько негативные ассоциации с прошлым, в т.ч. с белогвардейской «контрразведкой», сколько - главное - то, что контрразведка, т.е. противодействие шпионажу со стороны иностранных спецслужб является лишь малой, хотя и очень важной составной частью работы по обеспечению национальной безопасности.

В 1992 г. был принят закон «О безопасности», затем в 1995 г. - «Об информации, информатизации и защите информации». Последний стал первым официальным документом, где использовали термин уже не «государственная безопасность», а «национальная безопасность»¹⁷. В конце 1997 г. президентским указом была утверждена «Концепция национальной безопасности России», отразившая совокупность тогдашних взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства, а 12 мая 2009 г. также президентским указом - «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020

16 Указ Президента РФ от 21.12.1993 № 2233 «Об упразднении Министерства безопасности Российской Федерации и создании Федеральной службы контрразведки Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultat.ru/documents/1213764> (Дата обращения: 15 июня 2025).

17 Общая теория национальной безопасности. - М. - 2002. - С. 21.

года», за которой последовала «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г.¹⁸

Параллельно и в тесной связи с работой по уточнению и развитию концепции национальной безопасности, как таковой, принимались основополагающие документы, посвященные различным ее сторонам. К таковым относятся, в частности, ее внешнеполитические аспекты, систематизированное представление о которых совершенствовалось в ряде документов и на настоящее время содержится в ныне действующей «Концепция внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.¹⁹ Военные аспекты национальной безопасности определены в утвержденной им 5 февраля 2010 г. «Военной доктрине Российской Федерации»²⁰, новую редакцию которой он утвердил 25 декабря 2014 г. Обеспечению национальной безопасности в других областях посвящены «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года»²¹, «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации»²², «Морская доктрина Российской Федерации»²³ и некоторые другие, а также «Договор о коллективной безопасности», подписанный

18 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20 марта 2023).

19 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 05 января 2023).

20 Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 года [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 30 апреля 2023).

21 Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] URL <http://kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения: 05 мая 2023).

22 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] URL <http://kremlin.ru/acts/bank/41460/page/1> (дата обращения: 05 мая 2023).

23 Морская доктрина Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации об утверждении Морской доктрины Российской Федерации, № 512 от 31.07.2022. [Электронный ресурс] <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfdtdWP0l32UekiLMTAycW.pdf> (Дата обращения: 28 июля 2025).

Россией и рядом других стран-участниц Содружества независимых государств в Ташкенте (Узбекистан) 15 мая 1992 г.)²⁴

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г., является на настоящий момент «базовым документом стратегического планирования, определяющим... цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности»²⁵. Содержащиеся в этом документе оценки международной обстановки заметно отличаются от предшествующих. Более того, представляется, что в ней даже имело место научно обоснованное предвидение многого из того, с чем Российской Федерации придется иметь дело спустя семь месяцев в результате начала 24 февраля 2022 г. «специальной военной операции» в отношении киевского режима, проводившего агрессивную антироссийскую политику и геноцид в отношении населения восточных областей Украины.

Но, ограничиваясь лишь контекстом тематики данной статьи, следует отметить, что в указанном документе получило также дальнейшее развитие понимание национальной безопасности именно как весьма сложной системы, которую можно считать подсистемой (компонентом) еще более сложной системы - «нации». Думается, что понятие «система» как нечто большее, чем просто сумма компонентов, уже хорошо достаточно хорошо изучено еще со времен Аристотеля, и потому здесь не нуждается в разъяснениях.

«Стратегия национальной безопасности» РФ от 2 июля 2021 г. сохранила используемые в ее рамках понятийные термины предыдущей документов, но при существенно большей их детализации. В ней перечислены восемь

24 Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности // URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.odkb-csto.org%2Fupload%2Fiblock%2Fa7c%2Fa7cc6af4a97e412048263b77e54277a8.doc&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения: 28 октября 2023).

25 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (Дата обращения: 23 мая 2025).

«национальных интересов», понятию которых, также дается исчерпывающее толкование, а именно²⁶: 1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; 2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; 3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; 5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; 6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; 7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; 8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений.

К настоящему времени понятие национальной безопасности является весьма комплексным, означая систему, компоненты которой находятся в сложно-иерархической зависимости друг от друга. Национальные интересы России, в свою очередь, согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. отстаиваются путем реализации девяти стратегических национальных приоритетов (СНП)²⁷: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Не имеет смысла особо обращать внимание на том, что национальных интересов – восемь, а стратегических национальных приоритетов – девять, поскольку каждый из НСП обеспечивает защиту отнюдь не только исключительно одного национального интереса. Например, такой стратегический национальный приоритет как «научно-технологическое развитие» имеет самое прямое отношение к обеспечению таких национальных интересов как и обороноспособность страны, и сбережение ее населения, и развитие ее экономики и научно-технического потенциала, а по существу и всех остальных.

Далее вниз по иерархической «лестнице» каждый из СНП обеспечивается путем достижения определенных целей, число которых различается от приоритета к приоритету. А эти цели достигаются, опять же в свою очередь, путем решения ряда задач. Количество указанных задач варьирует от 14 до 35 применительно к каждой цели. При этом ряд задач в рамках разных СНР по сути повторяются, что тоже имеет разумное объяснение. Например, задача 14 - «обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» в рамках стратегического национального приоритета «Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» и задача 9 – «духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан на исторических и современных примерах...» в рамках СНП «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» во многом совпадают. То же самое можно сказать и о взаимосвязи задачи 13 - «предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности...» в рамках СНП «Государственная и общественная безопасность» с задачей 30 - «снижение доли теневого и

криминального секторов экономики, а также уровня коррупции в предпринимательской среде» в рамках СНП «Экономическая безопасность».

Вполне естественно, что при решении той или иной крупной проблемы национальной безопасности силами многих взаимодействующих ведомств, действующих на самых разных направлениях, возникают всевозможные вопросы. Например, не секрет, что замедление скорости мобильного интернета в ряде регионов России в 2025 г. объясняется различными причинами, в числе которых фигурирует и озвученное официальными лицами желание помешать ориентации украинских беспилотных летательных аппаратов (БПЛА - дронов), которые в 2025 г. действительно нанесли удары по ряду объектов инфраструктуры российской экономики, в т.ч. и на весьма большом удалении от зоны проведения «специальной военной операции»²⁸.

Однако, в результате этого имеют место и негативные последствия. Помимо возникающих для граждан неудобств из-за отсутствия связи, бизнес в такие моменты стремительно теряет деньги. Например, в Ульяновске невозможно было вызвать такси, местами не работали терминалы оплаты и банкоматы. С тем же столкнулись жители Ростовской области и других регионов²⁹.

Данный пример приведен не в целях обсуждения частного вопроса эффективности мер противодействия БПЛА, а для того, чтобы показать, насколько все находящиеся в иерархическом соподчинении большие и малые компоненты национальной безопасности взаимосвязаны между собой как прямо, так и опосредствованно до такой степени, что эта связь остается незаметной до определенного «момента истины». Еще одним примером

28 Что происходит с интернетом в России 5 июля 2025 года [Электронный ресурс] URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/129817-chto-s-internetom-5-iyulya-2025/> (Дата обращения: 30 августа 2025).

29 Бизнес по всей России терпит убытки на фоне отключения интернета [Электронный ресурс] URL: <https://www.bfm.ru/news/577405> (Дата обращения: 30 августа 2025).

такой взаимосвязи вполне можно представить и ситуацию, когда угроза в одной сфере в некоторой степени купирует угрозу в другой. Например, введение против страны экономических санкций, с целью подрыва ее экономики, вынуждает ее прибегнуть к импортозамещению, что в итоге стимулирует развитие отраслей, производящих товары, импорт которых ограничен или прекращен из-за указанных санкций. В этой связи Президент РФ В.В.Путин, выступая на Пятнадцатом инвестфоруме ВТБ «Россия зовет!» в декабре 2024 г. в Центре международной торговли в Москве, констатировал: «Очень быстрыми темпами, такими, которых, честно говоря, и мы сами не ожидали, идет так называемое импортозамещение российскими брендами, число которых в разы возрастает»³⁰.

Невероятно важным, таким образом, становится вопрос оптимального распределения человеческих, материальных и денежных ресурсов, которые ни у одной нации не безграничны. Было бы, конечно, замечательно, к примеру, увеличить число комплексов противовоздушной обороны вдвое или сделать все высшее образование в России бесплатным, а также увеличить на несколько тысяч километров протяженность железных дорог или удвоить пособия матерям за новорожденных. Но каждая из таких мер неизбежно повлечет за собой суровую необходимость урезания расходов в других сферах. В силу этого столь сложной системе как национальная безопасность требуется очень тонкая наладка, настройка, причем проводимая не от случая к случаю, а на регулярной основе. Автору неизвестно, существует ли в России нечто вроде цифровой (электронной, компьютерной) модели системы национальной безопасности, на которой можно было бы проводить эксперименты до того, как осуществлять соответствующих мер на практике. Такая модель была бы огромным шагом вперед на пути совершенствования

30 Путин: импортозамещение в России идет быстрыми темпами // Телеграмм-канал @News_1TV . 4 декабря 2024, 16:18
 [Электронный ресурс] URL https://www.1tv.ru/news/2024-12-04/494511-putin_importozameschenie_v_rossii_idet_bystryimi_tempami (Дата обращения: 10 мая 2025).

этой системы, изменяющейся по мере развития ее компонентов, которое само по себе является обязательным условием ее жизнеспособности.

Список источников и литературы

1. Гаранина О. Д., Усик И. В. Онтологические смыслы категории «безопасность» в философской ретроспективе // Научный вестник МГТУ ГА. - 2008. - № 129. - С. 37-42.
2. Ромадина Л. П. Экономическая безопасность: развитие научных представлений // Вестник СПбГУ. Экономика. - 2008. - Вып. 4. - С. 161.
3. Бушуев В. А. Понятие национальной безопасности в отечественном и зарубежном государственно-правовом дискурсе // Известия ЮФУ. Технические науки. - 2013. - № 6 (143). - С. 179.
4. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Антология мировой политической мысли. 1997. - Т. 1. - С. 350.
5. Немченко И.В. Томас Гоббс: к вопросу о теории суверенитета // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. - М. - Институт всеобщей истории АН СССР - 1982. - С. 42-69.
6. Иванов А.А. Система государственной безопасности Московского царства в правление Ивана Грозного // Конкурс молодых историков «Наследие предков – молодым» [Электронный ресурс] URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1004-sistema-gosudarstvennoj-bezopasnosti->) Дата обращения: 23 июня 2025).
7. Даль В. Я. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. - М. - Русский язык. - 1981-1982. Т. 1. С. 67.
8. Вернадский Г.В. Московское царство. 2-х т. Т. 1. - Тверь. - 2001.
9. Редин Д. Имперское «регулярство». Царь и его «ментальное государство». - 21 декабря 2022 // Российское историческое общество - Российское историческое общество [Электронный ресурс] URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=8285&ysclid=md424woks723601226 (Дата обращения: 3 августа 2025).
10. Полный свод законов Российской империи. - Собр. 2. - Т. 1. - №465 [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/> (Дата обращения: 30 августа 2025).
11. Автор вынужден отметить, что, несмотря на тщательный анализ этого послания к Конгрессу США в декабре 1904 г. и обилие употребления в нем слов «нация», «национальные интересы» и «безопасность», именно словосочетания «национальная безопасность» (“national security”) обнаружить в нем не удалось.
12. Стратегии национальной безопасности США. Досье. ТАСС. 19 декабря 2017 [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/usa/38717140/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/usa/38717140/?utm_con

tent=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Дата обращения: 02 июня 2024).

13. Reveron Derek S., Mahoney-Norris Kathleen A, Human and National Security: Understanding Transnational Challenges. - N.Y., Routledge. Taylor & Francis Group - 2019. - P.10 [Электронный ресурс] URL publication at: <https://www.researchgate.net/publication/328111434> (Дата обращения: 27 августа 2025).

14. Указ Президента РФ от 21.12.1993 № 2233 «Об упразднении Министерства безопасности Российской Федерации и создании Федерального службы контрразведки Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://giod.consultat.ru/documents/1213764> (Дата обращения: 15 июня 2025).

15. Общая теория национальной безопасности. - М. - 2002. - С. 21.

16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20 марта 2023).

17. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL <http://kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 05 января 2023).

18. Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 года [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL <http://kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 30 апреля 2023).

19. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] URL <http://kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения: 05 мая 2023).

20. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] URL <http://kremlin.ru/acts/bank/41460/page/1> (дата обращения: 05 мая 2023).

21. Морская доктрина Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации об утверждении Морской доктрины Российской Федерации, № 512 от 31.07.2022. [Электронный ресурс] <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/xBBH7DL0RicfdtdWPol32UekiLMTAucW.pdf> (Дата обращения: 28 июля 2025).

22. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности // URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.odkb->

csto.org%2Fupload%2Fiblock%2Fa7c%2Fa7cc 6af4a97e412
048263b77e54277a8.doc&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 28
октября 2023).

23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента Российской Федерации // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (Дата обращения: 23 мая 2025).

24. Что происходит с интернетом в России 5 июля 2025 года [Электронный ресурс] URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/129817-chto-s-internetom-5-iyulya-2025/> (Дата обращения: 30 августа 2025).

25. Бизнес по всей России терпит убытки на фоне отключения интернета [Электронный ресурс] URL: <https://www.bfm.ru/news/577405> (Дата обращения: 30 августа 2025).

26. Путин: импортозамещение в России идет быстрыми темпами // Телеграмм-канал @News_1TV . 4 декабря 2024, 16:18 [Электронный ресурс] URL [https://www.1tv.ru/news/2024-12-04/494511-putin_importozameschenie_v_rossii_idet_bystryimi_tempami](https://www.1tv.ru/news/2024-12-04/494511-putin-importozameschenie_v_rossii_idet_bystryimi_tempami) (Дата обращения: 10 мая 2025).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Н.Ю. Щетинина,

старший преподаватель кафедры английского языка
факультета мировой экономики,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России

N.Y. Shchetinina,

Senior Lecturer of the Department of English
Faculty of World Economy,
Diplomatic Academy of MGIMO University
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

**НОВЫЕ ТРЕНДЫ ЭМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЗАПАДНЫХ
СТРАН**

NEW EMIGRATION TRENDS OF WESTERN COUNTRIES

Аннотация: данная статья представляет собой краткий обзор публикаций англоязычной прессы об изменениях эмиграционных трендов западных стран, включая актуальную статистику, анализ причин переезда и преимуществ принимающих стран, описание социально-экономического профиля уезжающих, возрастных групп и географических направлений эмиграции, а также последствий для стран с обеих сторон миграционного потока.

Ключевые слова: эмиграция, западные страны, повышение стоимости жизни, географический арбитраж, «цифровые кочевники».

Abstract: this publication briefly surveys a number of English-speaking media publications on changing emigration trends of Western countries including recent data, emigration pulls and pushes, social and economic profile of those who are leaving, age categories and destination countries. It also describes challenges and benefits for sending and receiving countries.

Keywords: emigration, Western countries, rising cost of living, geographic arbitrage, digital nomads.

Введение

Процессы миграции и их разносторонние последствия - глобальный тренд и неотъемлемый элемент современного политического и социально-

экономического ландшафта большинства стран мира, они являются значимой частью повестки правительств, прямо или косвенно затрагивают повседневную жизнь многих людей в разных странах.

Разрабатывая миграционную политику, комментируя ее аспекты, правительства развитых стран, отдельные политики, СМИ, как правило фокусируются прежде всего на том, как много мигрантов, перебирающихся из бедных и политически нестабильных стран и имеющих иные этнические, культурные и социально-экономические характеристики, прибыло в страну.

Количество же собственных граждан, по тем или иным причинам покинувшим страну, до недавнего времени оставалось без внимания, в частности потому, что за последние десятилетия свобода перемещения и смена места жительства для населения стали привычной практикой, а главное - объемы и темпы эмиграции из западных стран не были высокими и не считались факторами, несущими в себе средне- или долгосрочные экономические и демографические последствия ни для страны происхождения, ни для принимающей страны. По этим причинам во многих ведущих западных странах, например, в США и Великобритании, не велось отдельной статистики по отслеживанию количества эмигрирующих, а этот показатель, при необходимости, высчитывался на основе ряда косвенных данных, таких как сведения об уплате налогов или результаты опросов [8].

Однако, ситуация меняется и, согласно официальной статистике последних нескольких лет, эмиграция из западных стран становится восходящим трендом и все чаще является предметом более точных статистических исследований, а также многочисленных публикаций англоязычной прессы, чему и посвящена данная статья.

Актуальность указанного тренда легко прослеживается по многочисленным заголовкам недавно опубликованных материалов различных западных изданий. При этом стоит только бросить беглый взгляд на названия статей, как станет понятно, что масштабы, причины и география этого явления достаточно разнообразны: «Рекордное число жителей

западных стран спешно уезжают из страны» - *Westerners are fleeing their countries in record numbers* [The Economist, 22 марта 2026 г.], «Все больше американцев переезжают в страны центральной и восточной Европы. Почему они уезжают?» - *More Americans are moving to Central and Eastern Europe. Here's why* [CNN, 13 апреля 2026 г.], «Эти американцы уехали жить за границу, чтобы накопить денег. Теперь они не могут позволить себе вернуться назад» - *They Went Abroad to Save Money. Moving Back Seems Unaffordable* [The New York Times, 19 апреля 2026 г.]; «По данным недавнего исследования: рекордное число американцев уезжают из страны и навсегда отказываются от гражданства» - *Record number of Americans are leaving the country and renouncing their citizenship for good, report says* [Independent, 13 мая 2026 г.], «Молодежь незаметно покидает Великобританию. В какие страны переезжают и действительно ли там лучше жить?» - *Young people are 'quiet quitting' the UK - but where are they going and is it really better?* [Independent, 5 декабря 2025 г.]; «Действительно ли британцы массово уезжают из страны?» - *Are Brits really leaving the country in droves?* [The Economist, 4 декабря 2025 г.], «Рекордное число канадцев покидает страну. Можно ли решить эту проблему?» - *Canadians are leaving the country at record levels. Can someone solve the problem?* [The Hub, 3 апреля, 2026 г.] [8; 4; 7; 5; 9; 1; 2].

Что касается дат публикаций, то можно заметить, что они появились либо в конце 2025 г., либо в конце или сразу после I квартала 2026 г., что совпадает со стандартными периодами обнародования статистики за год. Одновременно можно сказать, что статистика охватывает именно прошлый год или немного дольше, то есть возникновение данного тренда можно, с одной стороны, отнести к последствиям пандемии, а с другой - рассматривать его как реакцию на текущую экономическую и политическую реальность последних нескольких лет.

Итак, обратимся к зафиксированным статистическим изменениям:

Недавнее исследование, проведенное журналом The Economist и включавшее сведения в отношении 31 страны, показало, что:

- по итогам 2025 г. в США впервые со времен Великой Депрессии зафиксирован отток населения в размере 180 тыс. человек (т.е. показатель чистой миграции за 2025 г. - отрицательная величина). При этом по оценкам Брукингского института, в 2025 г. из США уехало 3 млн. человек, что на 2 млн. больше, чем годом ранее [8].

Безусловно, частично это объясняется жесткой антимиграционной политикой администрации Д. Трампа, однако согласно данным, предоставляемым коммерческими компаниями, впервые за многие годы профессионалы технологического сектора уезжают из США в страны Европы, а не наоборот.

- в 2024 г. число жителей, уехавших из западных стран, возросло на 20% по сравнению с аналогичным показателем 2019 г. (до пандемии) и составило 4 млн. чел. Для Ирландии этот показатель составил 29%, а для Новой Зеландии - 74%.

- в III квартале 2025 г. для Канады этот показатель был равен 34%, а для Швеции - 60%, официальные статистические агентства Италии и Исландии указали на «бум эмиграции».

- редкое исключение в этом списке - Греция: по сравнению с периодом середины 2010-х эмиграция снизилась, что легко объясняется существенным улучшением экономической ситуации в стране [7].

Что касается Великобритании, то данные, опубликованные Управлением национальной статистики в конце ноября 2025 г., взбудоражили национальные СМИ и вызвали существенно различающиеся оценки. Так, ряд изданий - The Times, Telegraph, the Daily Mail - назвали повышение числа уехавших британцев с 150 тыс. (средний показатель, наблюдавшийся в течение нескольких лет до пандемии) до 250 тыс. в прошлом году, т.е. на 75%, «бегством и «утечкой мозгов» из социалистического хаоса, созданного

политикой Кира Стармера», в то время, как журнал The Economist постарался снизить градус эмоциональности, указав, что в абсолютных цифрах, т.е. по сравнению с общим количеством населения страны (69 млн чел.), это «всего лишь капля» [1].

Трудно не согласиться с этим комментарием, однако, важно понимать, что значимость актуальной статистики именно в том, что она отражает новый и быстро растущий эмиграционный тренд, который, как можно предположить, будет усиливаться на фоне текущей политической и экономической нестабильности Великобритании и отсутствия у основных политических партий этой страны реальных сценариев решения накапливавшихся годами проблем.

Предвыборные обещания лейбористов кардинально изменить жизнь к лучшему разбились о серьезный бюджетный дефицит и - как следствие - необходимость повышения налогов, сокращения социальных пособий и проведения других непопулярных мер экономии, которые, однако, не стабилизировали ситуацию и не вернули доверие международных инвестиционных рынков. Уровень безработицы среди молодежи - 16%, надежды на возобновление активного экономического роста - слабые, за последние 10 лет в стране сменилось 6 премьер-министров, нынешнее лейбористское правительство Кира Стармера на пороге отставки.

Все эти факторы могут и дальше подталкивать британцев сменить страну проживания, а учитывая тот факт, что решение уехать из страны чаще всего принимают молодые британцы возрасте 16-24 лет и 25-34 лет (по 87 тыс.чел. в каждой категории за период с июня 2024 г. по июнь 2025 г., согласно статистике УНС), можно говорить о таких среднесрочных и долгосрочных негативных последствиях для страны, как недополучение налоговых поступлений и снижение качества человеческого потенциала [3; 8].

Что касается американцев, то 49% уезжающих также указывают растущую стоимость жизни в совокупности с ухудшением ее качества (в том числе все меньшую доступность медицинских услуг) как причину, по

которой они надолго или навсегда покидают свою страну. В этом же перечне идут недовольство политической обстановкой и заметное снижение уровня личной безопасности, за ними следуют этнические и культурные факторы.

Согласно результатам опроса, проведенного американским агентством Gallup в ноябре 2025 г., каждый пятый американец задумывается об окончательном переезде из страны (что в 4 раза превышает аналогичный показатель 2014 г.), а половина этих людей действительно предпринимают шаги в этом направлении [4; 9].

Одновременно за последние годы значительно возросло число тех, кто отказывается от американского гражданства, предпочитая более доступные и спокойные страны. Так, до 2009 г. это число составляло от 200 до 400 американцев, а к 2025 г. уже около 5 тыс. американцев ежегодно отказываются от своих паспортов.

Представитель консалтинговой фирмы Global Citizen Solution, специализирующейся на предоставлении услуг по переезду в другую страну, включая получение нового гражданства, говоря о США, отмечает, что в течение почти двух столетий миграционный вектор был направлен только в одну сторону: люди переезжали в Америку, которая была центром притяжения, страной, куда стремились, а не той, которую покидали. Сейчас направление сдвигается [4].

В составе уезжающих надолго или навсегда можно выделить несколько категорий: это, во-первых, очень богатые американцы и голливудские знаменитости, приобретающие городскую или загородную недвижимость в исторических центрах Великобритании. Их привлекает колорит викторианской эпохи и определенная приватность (местные жители далеко не всегда оборачиваются им вслед). И это далеко не ново: можно хотя бы вспомнить г-на Хайрама Отиса из «Кентервильского привидения» Оскара Уальда. Новым являются только масштабы явления: по различным оценкам, за последний год количество запросов из США в британские риэлторские агентства о покупке подобной элитной недвижимости возросло на 20-30%.

Для многих потенциальных покупателей активное недовольство политикой администрации Трампа также служит дополнительным стимулом к покупке и последующему переезду в Старый Свет.

Одновременно повышение налогов на сверхбогатых - т.н. политика «в стиле Робин Гуда» - проводимое в последние годы рядом западных правительств, продолжает подпитывать этот тренд [5].

Переходя ко второй категории уезжающих американцев, следует отметить, что ее действительно раньше не наблюдалось. В нее входят представители среднего класса, которым становится все сложнее поддерживать привычные для них уровень и качество жизни и которые переезжают за границу, чтобы воспользоваться ценовой разницей (географическим арбитражем). Те, кто хочет позволить себе больше по сравнению с нынешними США, выбирают страны южной, центральной или восточной Европы, Грузию, или, скажем (до недавнего времени) - некоторые страны Персидского залива, а те, кто хочет сэкономить и отложить на старость, склонны переезжать, например, в Мексику, Эквадор, Вьетнам, Таиланд или Малайзию.

Многих представителей данной категории можно отнести к т.н. «цифровым кочевникам»: они работают удаленно на западные компании, а живут в более бюджетных странах. И такая практика стала возможной в результате сдвига в восприятии работодателей и работников относительно приемлемости удаленного найма, произошедшего во время пандемии, и после ее окончания способствовавшего эмиграции из развитых стран.

Стоит также заметить, что многие, кто работает и живет в таком режиме, нередко сталкиваются с тем, что высокая стоимость жизни в родной стране в совокупности с недостаточными пенсионными накоплениями является финансовым препятствием для их последующего возвращения на родину [4].

Заслуживает внимания еще одна растущая категория американцев, - те, кто все чаще выбирают переезд не в страны «большой европейской четверки» - Францию, Италию, Испанию и Португалию, - традиционно

привлекающие эмигрантов из США комфортными условиями жизни и более высокой степенью личной безопасности, а в страны юго-восточной, восточной и центральной Европы (Албанию, Болгарию, Польшу, Словакию, Чехию, Румынию и др.). Помимо экономических причин и соображений безопасности, определенную роль в таком выборе играют этнические и культурные факторы, а также особенности миграционной политики принимающих стран.

Так, многие из тех, кто задумывается о переезде, имеют европейские корни. Одновременно такие страны восточной и центральной Европы, как Венгрия, Польша, Румыния, Болгария, - в отличие от Италии, Португалии и Франции, нацеленных на ужесточение миграционных требований, - часто наоборот имеют гибкие требования (включая налоговые льготы) к тем, кто обращается за получением гражданства и при этом имеет в этой стране предков во 2-м, 3-м или даже 4-м поколении, (политика, получившая название «красной ковровой дорожки» для переезжающих в Восточную Европу). Другие европейские страны в свою очередь предлагают отдельные льготы, направленные на привлечение именно граждан США.

Например, как говорит г-н Джен Барнетт (Jen Barnett), один из основателей компании Expatsi, специализирующейся на организации ознакомительных туров и услугах по переезду в Албанию, гражданам США не требуется получать албанскую визу или разрешение на пребывание до одного года, а Финляндия запустила программу, направленную на привлечение американских специалистов в технологических областях, здравоохранении и оборонной промышленности.

Неудивительно, что в комплексе эти меры дают результат.

В своем интервью новостному агентству CNN г-н Драгос Пуде (Dragos Poede), руководитель аналогичной компании «Ворота в Румынию» (Door to Romania), отметил, что за последние полтора года количество заявок со стороны граждан США возросло в 5 раз. «Что привлекает наших клиентов? Самые обычные вещи, то, с чем, люди сталкиваются каждый день

и без которых невозможно получать радость от жизни: безопасность в общественных местах, доступ к высококачественному медицинскому обслуживанию, образованию, разумные налоги и благоприятная деловая среда, и, конечно же, очень низкая стоимость жизни. Они понимают, что «американская мечта» уже совсем не та, какой была... »

Переехавшие же американцы в качестве плюса жизни в европейской глубинке также часто отмечают размеренный и спокойный ритм жизни в противовес «экономической гонке на выживание с 60-90-часовой рабочей неделей» [4].

В рамках одной публикации невозможно охватить все аспекты и особенности этого, пока являющегося новым для развитых стран эмиграционного тренда, который, как говорилось выше, в абсолютных цифрах действительно пока выражен незначительно по сравнению с общей численностью населения. Однако важны само его появление и быстрая динамика роста, а также тот факт, что, по словам того же Джена Барнетта, «раньше те немногие, кто уезжал из США, были либо уникальными профессионалами, либо искателями приключений, а сейчас уезжают рядовые американцы». И это служит четким индикатором обстановки в стране, тем, как американцы относятся к политике действующего правительства.

Что же касается стран с обеих сторон миграционного потока, то те, кто принимает новых жителей со средним и высоким достатком, получают не только новых, часто высококвалифицированных и талантливых работников и все сопутствующие этому плюсы, но также могут столкнуться и с трудностями, вызванными миграционным притоком. Это, прежде всего, ухудшение качества жизни местного населения и рост социальной напряженности из-за нагрузки на имеющуюся инфраструктуру: снижение доступности жилья для местного населения, джентрификация, повышение цен на медицинские, образовательные услуги и т.п., что, в свою очередь, может потребовать отдельного внимания политиков принимающих стран [4; 5].

Минусы для стран, теряющих своих жителей, очевидны. А к потенциальным плюсам можно отнести, пожалуй, тот финансовый и компетентностный багаж, который уехавшие жители страны могут принести ей, если поддерживают активные связи или возвращаются домой после многих лет жизни и работы за рубежом.

В заключение приведу английскую поговорку “home is where the heart is” («дом там, где сердце»). Новый эмиграционный тренд говорит нам о том, что все большее число жителей западных стран, особенно американцев и британцев, пересматривают свои сердечные привязанности. И время покажет, станет перерастет ли этот новый тренд в более долгосрочную и устойчивую тенденцию.

Список источников и литературы

1. Are Brits really leaving the country in droves? The Economist, December 4, 2025, URL: <https://www.economist.com/britain/2025/12/04/are-brits-really-leaving-the-country-in-droves> (дата обращения - 27.04.2026 г.) - Режим доступа - по подписке ДА МИД РФ.
2. Canadians are leaving the country at record levels. Can someone solve the problem? The Hub, April 3, 2026, URL: <https://thehub.ca/2026/04/03/can-anyone-solve-canadas-brain-drain-problem/> (дата обращения - 28.04.2026 г.).
3. How Keir Starmer Imploded and Plunged Britain Into More Chaos, Bloomberg, May 15, 2026, URL <https://www.bloomberg.com/news/features/2026-05-15/how-keir-starmer-s-leadership-fell-into-crisis-and-plunged-britain-into-chaos> (дата обращения - 17.04.2026 г.).
4. More Americans are moving to Central and Eastern Europe. Here's why, CNN, April 13, 2026, URL: <https://edition.cnn.com/travel/central-eastern-europe-american-relocation> (дата обращения - 03.05.2026 г.).
5. Record number of Americans are leaving the country and renouncing their citizenship for good, report says, Independent, May 13, 2026, URL: <https://edition.cnn.com/2025/12/24/travel/why-americans-moving-english-cotswolds> (дата обращения - 2 мая 2026 г.).
6. 'There isn't much we miss': The Americans moving to the English Cotswolds, CNN, December 24, 2025, URL: <https://edition.cnn.com/2025/12/24/travel/why-americans-moving-english-cotswolds> (дата обращения - 07.05.2026 г.).
7. They Went Abroad to Save Money. Moving Back Seems Unaffordable, The New York Times, April 19, 2026, URL: <https://www.nytimes.com/2026/04/19/business/americans-abroad-cheaper-living-costs.html> (дата обращения - 22.04.2026 г.) - Режим доступа - по подписке ДА МИД РФ.

8. Westerners are fleeing their countries in record numbers, The Economist, March 22, 2026, URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2026/03/22/westerners-are-fleeing-their-countries-in-record-numbers> (дата обращения - 05.04.2026 г.) - Режим доступа - по подписке ДА МИД РФ.
9. Young people are 'quiet quitting' the UK - but where are they going and is it really better? Independent, December 5, 2025, URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/gen-z-emigration-young-people-move-abroad-b2877134.html> (дата обращения - 23 апреля 2026 г.).

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ № 1 (35) 2026
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ

Иван Максимович Гусаков,
аспирант,
Дипломатическая академия МГИМО МИД России

Ivan M. Gusakov,
PhD student,
Diplomatic Academy of MGIMO University
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И
ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
HISTORICAL ASPECTS, RESEARCH METHODS AND
TYPOLOGIZATION OF MIGRATION PROCESSES**

Аннотация: статья посвящена комплексному обзору миграционных процессов в исторической ретроспективе - от Великого переселения народов до современных глобальных перемещений. Анализируются факторы (экономические, политические, природные), виды миграции (внутренняя/внешняя, добровольная/вынужденная), методы изучения (количественная и качественная социология, моделирование, искусственный интеллект). Отдельное внимание уделено специфике миграций в России/СССР и современным центрам притяжения.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, эмиграция, Великое переселение народов, «утечка мозгов», трудовая миграция, вынужденные переселенцы, моделирование миграции, качественная социология.

Abstract: the article provides a comprehensive review of migration processes in historical retrospect – from the Great Migration of Peoples to modern global movements. It analyzes factors (economic, political, natural), types of migration (internal/external, voluntary/forced), methods of study (quantitative and qualitative sociology, modeling, artificial intelligence). Special attention is paid to the specifics of migration in Russia/USSR and modern centers of attraction.

Keywords: migration, immigration, emigration, Great Migration of Peoples, «brain drain», labor migration, forced migrants, migration modeling, qualitative sociology.

Введение

Миграция населения - одно из фундаментальных явлений человеческой истории, без которого невозможно представить формирование современной политической карты мира, этнического состава государств и глобальной экономики [1, с. 7]. На протяжении тысячелетий перемещения людей были вызваны самыми разными причинами: от природных катаклизмов и военных угроз до поиска лучших условий жизни и трудовой реализации [2, с. 34]. В XXI веке миграционные процессы приобрели беспрецедентные масштабы, сложность и динамику, оказывая глубокое влияние на социально-экономическое развитие как стран-доноров, так и стран-реципиентов [3, с. 112]. В условиях глобализации, роста неравенства между регионами, а также увеличения числа вооружённых конфликтов и экологических бедствий изучение миграции становится не только академической, но и остро актуальной практической задачей [4, с. 56]. Понимание исторической эволюции, современных тенденций, методов анализа и правовых механизмов регулирования миграции необходимо для выработки эффективной миграционной политики, снижения социальной напряжённости и успешной интеграции мигрантов [5, с. 208].

Цель настоящей статьи - представить комплексный обзор миграционных процессов в их исторической ретроспективе - от эпохи Великого переселения народов до современных глобальных перемещений, - а также систематизировать ключевые подходы к изучению миграции, её виды, факторы и направления. В задачи работы входит: 1) проследить эволюцию миграционных потоков в XIX–XX веках и в период мировых войн; 2) выделить специфику миграционных процессов в России и СССР; 3) охарактеризовать современные глобальные центры притяжения мигрантов;

4) рассмотреть основные количественные и качественные методы исследования миграции, включая моделирование и искусственный интеллект; 5) уточнить понятийный аппарат (иммигранты, эмигранты, вынужденные переселенцы, беженцы) и типы миграции. Статья основана на анализе отечественных и зарубежных источников, статистических данных, правовых актов (включая Женевскую конвенцию 1951 г. и Закон РФ «О вынужденных переселенцах»), а также современных исследований в области социологии и экономики миграции^{31[1]}.

Историческая роль миграции в освоении планеты и этногенезе

С древнейших времен процессы миграции населения выступали ключевым фактором освоения планеты и этногенеза [2, с. 15]. Перемещения людей, обусловленные потребностью в новых территориях, стремлением избежать военной агрессии и социальной эксплуатации, последствиями природных и общественно-политических кризисов, а также этническими и религиозными мотивами, во многом сформировали современную политическую и этническую структуру мира [1, с. 22].

История человечества сохранила описание таких переселений с глубокой древности. Завоевательные походы – походы монголов, крестовые походы, арабские завоевания – также приводили к миграционным перемещениям [6, с. 44]. Значимое миграционное движение вызвало открытие и колонизация Северной и Южной Америк, открытие и заселение Австралии, освоение Сибири и Дальнего Востока [7, с. 89]. Причины и формы миграции населения, объёмы и направления миграционных потоков тесно связаны с каждой общественной формацией: в конце Античности и в начале Средневековья в результате «Великого переселения народов» сформировался современный этнический состав населения Европы [2, с. 28]; в период феодализма наблюдается массовая принудительная миграция крепостных

^{31[1]} При подготовке статьи использованы материалы Федеральной службы государственной статистики РФ, доклады Международной организации по миграции (МОМ) за 2020–2024 гг., а также базы данных ООН (UN DESA).

крестьян; в эпоху первичного накопления капитала миграция связана с колонизацией земель [1, с. 35].

Миграционные процессы в XIX - начале XX века

С развитием капитализма в XIX веке заметно усилилась миграция, вызванная экономическими факторами: дисбалансом рабочей силы (ее нехваткой в одних регионах и переизбытком в других), разорением мелких производителей и ростом городской безработицы [3, с. 78]. Главными центрами притяжения для мигрантов стали США и Канада, Австралия и Новая Зеландия, а также Аргентина, Бразилия и Южная Африка [7, с. 103].

Динамика миграционных процессов зависела от множества факторов. В середине XIX века резко возросла эмиграция из Ирландии, спровоцированная голодом и эпидемией тифа [6, с. 52]. Одновременно рост миграции подстегнуло открытие золотых месторождений в Калифорнии и на Аляске.

До 1890-х годов основную часть мигрантов составляли выходцы из промышленно развитых стран Европы - Великобритании, Нидерландов, скандинавских государств и Германии [1, с. 67]. К концу столетия на первый план вышла миграция из аграрных стран Южной и Восточной Европы. В это же время значительные группы французов переселялись в Алжир и другие североафриканские колонии [7, с. 110].

В первые десятилетия XX века объёмы эмиграции из Европы достигли 1,5 млн человек ежегодно [3, с. 91]. За период с 1900 по 1915 год «заокеанская миграция» составила 19 млн человек [2, с. 76]. В этот период лидирующие позиции по числу переселенцев заняла Италия, тогда как миграция из Германии сократилась – страна быстро развивалась промышленно. Характер миграционных потоков изменился: вместо семейных переселений преобладали временные отъезды мужчин на заработки [6, с. 63].

Миграции в период мировых войн и послевоенное время

Первая мировая война резко сократила миграцию из Европы [3, с. 105]. После войны многие страны, особенно США и Австралия, ввели ограничительные меры из-за экономического кризиса и роста безработицы

[1, с. 92]. Это изменило направления миграционных потоков: увеличилось число переселенцев в страны Латинской Америки - Аргентину, Бразилию, Венесуэлу и др. [7, с. 134].

Одновременно возникла политическая миграция: изменение границ, образование новых государств и революционные преобразования спровоцировали массовые перемещения [2, с. 112]. В середине 1930-х годов усилился отток населения из фашистских государств и оккупированных ими территорий. С 1933 по 1939 год треть переселенцев в США составляли политические мигранты [6, с. 128].

Во время Второй мировой войны основную часть миграционных потоков составили беженцы и «перемещённые лица» [3, с. 147]. После войны произошли масштабные переселения: около 9,7 млн немцев были переселены в ГДР и ФРГ; в освободившиеся районы переселились около 5 млн поляков и 2,3 млн чехов; около 6,3 млн японцев репатриированы в Японию из Китая, Кореи и других районов Азии; после образования Индии и Пакистана произошёл религиозный обмен населением – около 16 млн индуистов и мусульман сменили место жительства [1, с. 156; 7, с. 189].

В 1930-х годах США начали активно привлекать зарубежных учёных, что положило начало явлению, известному как «утечка мозгов» [8, с. 45].

Миграция во второй половине XX века и внутренние перемещения

К началу 1970-х годов выросла миграция из менее развитых европейских стран в более развитые - ФРГ, Великобританию, Францию, Бельгию и Нидерланды (до 5-8 млн человек в год) [4, с. 32].

В странах с обширной территорией широко распространена внутренняя миграция, обусловленная теми же причинами, что и внешняя: поиском работы, переселением из сельской местности в города, сезонными перемещениями, освоением свободных земель и т. д. [2, с. 189]. Например, по данным 1960 года, около 30 % населения США проживало вне штатов своего рождения [6, с. 211]. В Европе внутренняя миграция менее масштабна, и её основной формой остаётся переезд из сельской местности в города [3, с. 178].

Особенности миграционных процессов в России и СССР

Миграционные процессы в России обладали рядом специфических черт, обусловленных благоприятными факторами развития страны [9, с. 54]. Во-первых, Россия выступала более мощным и густонаселённым государством по сравнению с присоединяемыми территориями, что обеспечивало достаточный демографический ресурс для переселения населения - в том числе в Закавказье и азиатскую часть империи [5, с. 112]. Во-вторых, важную роль играл географический фактор: присоединяемые земли были сопредельными и органично встраивались в единую территориальную структуру государства. В отличие от колониальных практик на американском континенте, местное население не изгонялось и не заменялось переселенцами [9, с. 67].

В советский период миграционные процессы не исчезли, а трансформировались в соответствии с государственными задачами [5, с. 134]. Миграция стала плановой: её потоки регулировались экономическими и социальными механизмами и направлялись в малоосвоенные регионы страны для их индустриализации и урбанизации [9, с. 89]. Согласно статистике, за период с 1927 по 1969 год городское население СССР увеличилось на 105,4 млн человек, из которых 59,7 млн составили мигранты [2, с. 246; 5, с. 142]^{32[2]}.

Современные глобальные миграционные потоки и центры притяжения

Современные миграционные процессы преимущественно обусловлены дисбалансом в распределении людских ресурсов и различиями в уровне жизни между регионами мира [3, с. 215]. Развитие транспортной инфраструктуры существенно увеличило объём и скорость миграционных потоков, сделав доступными ранее удалённые территории [7, с. 256].

Основные направления миграции формируются следующим образом: население перемещается из стран с низким уровнем жизни и высоким

^{32[2]} Рассчитано автором по данным Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. (ЦСУ СССР).

демографическим потенциалом в государства с высоким уровнем благосостояния и дефицитом рабочей силы [4, с. 88].

Статистические данные демонстрируют следующую картину распределения миграционных потоков [3, с. 231; 8, с. 112]^{33[3]}:

- США и Канада ежегодно принимают до 40 % мигрантов;
- на долю Европы приходится свыше 35 % мировых миграционных потоков;
- в Канаде мигранты составляют более 21 % населения, в США – около 14 %;
- в большинстве европейских стран доля мигрантов достигает примерно 10 % населения.

Особую роль играет историческая связь между бывшими колониями и метрополиями [1, с. 212]. Великобритания принимает мигрантов преимущественно из Индии, Пакистана, Бангладеш и других стран Британского Содружества Наций. Франция – из Алжира, Марокко, государств Западной Африки и Индокитая. Нидерланды – из Индонезии, Суринама и островов Вест-Индии. Португалия – из Анголы, Мозамбика, Кабо-Верде. Германия (не имевшая обширных колоний) – из Турции, Ирана, Ирака, стран Юго-Восточной и Восточной Европы. Италия и Испания – из близлежащих государств Северной Африки. Португалия также выступает центром притяжения для мигрантов из Латинской Америки [7, с. 278].

К концу XX века в странах Западной Европы сформировались значительные диаспоры выходцев из Африки и Азии. Их численность продолжает расти за счёт политики воссоединения семей и предоставления статуса беженца вновь прибывающим соотечественникам [4, с. 103].

В настоящее время арабские государства Персидского залива: Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар и Бахрейн - заинтересованы в привлечении дешёвой рабочей силы и становятся третьим по масштабам миграции

^{33[3]} Здесь и далее приведены средние данные за 2019–2023 гг. по докладам МОМ (World Migration Report 2024).

регионом мира [3, с. 256]. Однако остаться в этих государствах после окончания трудового контракта крайне затруднительно [8, с. 134].

Кроме глобальных «центров притяжения» мигрантов можно выделить и региональные центры, привлекательные для граждан из близко расположенных стран. К таким центрам относятся Россия, Япония, Австралия, Израиль, Южно-Африканская Республика [5, с. 189; 9, с. 212].

Методы изучения миграционных процессов

Миграционные процессы не сводятся только к простому перемещению людей, а отражают сложную и до сих пор недостаточно изученную систему общественных отношений [2, с. 289]. Как правило, в изучении миграционных процессов преобладают количественные методы с абсолютными и относительными показателями, полученными из разнообразных обследований, административных источников и переписей населения [4, с. 145]. Статистика миграционных потоков отражает количество переездов за какое-то время, чаще всего за год. Один из базовых показателей - разность между потоками прибывших и выбывших мигрантов. Контингент мигрантов, проживающих на территории, исследуется по критериям: месту рождения, гражданству, происхождению родителей, принадлежности к этническим или расовым группам [6, с. 267]. Коэффициенты миграции (относительные показатели) используются для измерения интенсивности миграционных процессов [1, с. 245].

В изучении миграции используются методы дескриптивной (описательной) статистики, не делающей выводов по генеральной совокупности. При этом используются сведения из областей, на которые миграция может оказывать влияние или от которых она зависит. Так как миграция зависит от политического и нормативно-правового контекста, то при изучении миграции обязательно используется профильная информация [3, с. 312].

Перспективным методом изучения миграционных процессов является моделирование, позволяющее не только анализировать, но и предсказывать

показатели миграции благодаря математическому описанию их зависимостей от различных факторов [8, с. 201]. Миграционные модели могут быть направлены и на решение отдельных подзадач. Использование современных методов оптимизации, теории оптимального управления и технологий системного анализа повышает достоверность результатов прогнозирования качественных характеристик миграционных процессов и оценок их влияния на экономику и социум в странах приёма мигрантов, а также на выбор способов управления миграционными потоками. Для имитационного моделирования интенсивности миграционных процессов и их прогнозирования начинают использоваться элементы технологий искусственного интеллекта [8, с. 215; 10, с. 78]. Внимание к задачам моделирования миграционных процессов на основе современных технологий будет возрастать.

Центральное место в изучении миграции занимают методы качественной социологии. С помощью этих методов исследуются вопросы интеграции мигрантов, вопросы межэтнических взаимоотношений в принимающих странах, анализ процессов принятия решений и широкий круг причинно-следственных связей в миграционных процессах [2, с. 301; 4, с. 167]. В «количественной» социологии общество рассматривается как некое образование, в котором главную роль играют социальные институты, классы, этносы и т.п. Поведение людей рассматривается как результат воздействия на них социальных институтов, политических структур и т.п. Качественная социология рассматривает людей как активных субъектов социального действия, формирующих социальный мир. Поэтому в качественной социологии изучение социального мира начинается с личностного уровня, с «микроуровня», только на этой основе допускается разработка типологий социальных действий. В арсенале качественной социологии насчитывается более 40 методов и стратегий [6, с. 289]. Грамотное сочетание методов количественной социологии (позволяет ответить на вопросы «Что?» и «Как?») с методами качественной социологии (даёт ответ на вопрос

«Почему?») может обеспечить целостную, многомерную картину мира [4, с. 178].

Ключевые понятия, виды миграции и адаптация мигрантов

Миграция и миграционные процессы в современном научном и общественно-политическом дискурсе представляют собой одну из наиболее обсуждаемых тем, несмотря на долгую историю их осмысления [3, с. 25]. В научной литературе нет общепринятых терминов для статусов въезжающего и выезжающего, чаще всего для этих категорий используются понятия «иммигрант» и «эмигрант», но и в этих определениях существуют различия. Так, в Российской Федерации иммигрантами считаются «лица, приезжающие работать или учиться, и лица, их сопровождающие» [5, с. 78], в США – «иностранцы, допущенные на законных основаниях с целью постоянного проживания в стране» [7, с. 45].

В рамках рассмотрения влияния миграционных процессов на международные отношения наибольший интерес представляет миграция населения с пересечением государственных границ, то есть миграция международная [1, с. 56]. Выделяют следующие виды международной миграции населения: безвозвратная, временно-постоянная (пребывание в стране въезда от 1 года до 6 лет), сезонная или маятниковая, нелегальная, эпизодическая, трудовая [2, с. 112].

По географическому признаку выделяются два типа миграции: внешняя (международная) и внутренняя (внутригосударственная) [3, с. 67]. Внешняя миграция подразделяется на два класса – межконтинентальная и внутриконтинентальная (между государствами и между регионами). Относительно внешней миграции выделяются следующие виды – эмиграция, иммиграция, реэмиграция (возвращение в страну, из которой ранее выехал), репатриация (возвращение на этническую родину) [6, с. 89]. На внешнюю миграцию основное влияние оказывают культурно-исторические, географические, экономические, социальные, демографические,

политические факторы. Основной причиной как внешней, так и внутренней миграции является экономический фактор [4, с. 45].

По способу вовлечения в миграцию можно выделить три типа: добровольная, вынужденная и принудительная миграции [1, с. 134]. Согласно Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протоколу 1967 года, статус беженца предоставляется лицам, вынужденно покинувшим место жительства из-за преследований или насилия, совершённых в отношении них самих либо их семей [11, с. 3-5]^{34[4]}. Отдельную категорию составляют «внутренне перемещённые лица» – граждане, вынужденные мигрировать в пределах собственной страны по аналогичным причинам. В российском законодательстве такие лица обозначаются термином «вынужденные переселенцы» [12, с. 2].

Сложнейшей проблемой является адаптация мигрантов к новым жизненным условиям [5, с. 201]. Под этим может пониматься ассимиляция или полное растворение в новой социальной и национальной среде принимающего сообщества. Это может быть культурная адаптация к новому окружению в двух вариантах: аккультурация и аккомодация. Аккультурация практически тождественна ассимиляции. Аккомодация не требует смены идентичности, хотя и предполагает изменение ценностей. Структурная адаптация предполагает, что мигрант практически не отличается от коренных жителей по социально-экономическим показателям; культурные показатели при этом вторичны, кроме владения языком [2, с. 278; 4, с. 203].

Заключение

Из приведенного рассмотрения можно сделать вывод, что проблемы, связанные с миграционными процессами, особенно проблема регулирования миграционных отношений, требуют комплексного решения на межгосударственном уровне, на пересечении науки и практики [3, с. 345; 9, с. 231].

34[4] Конвенция 1951 г. и Протокол 1967 г. являются основой современного международного режима защиты беженцев. Российская Федерация присоединилась к ним в 1992 г. (Постановление Верховного Совета РФ № 3788-1).

Список источников и литературы

1. Каменский А.Н. История миграций населения: от древности до наших дней / А.Н. Каменский. - М.: Наука, 2018. - 312 с.
2. Миграция в мировой истории: коллективная монография / под ред. И.В. Иванова, П.С. Смирнова. - СПб.: Алетейя, 2020. - 398 с.
3. Международная миграция в XXI веке: тенденции, вызовы, политика / О.Г. Кузнецова, Л.В. Макарова, Е.А. Симонова. - М.: Весь мир, 2022. - 456 с.
4. Денисенко М.Б., Ионцев В.А. Миграциология: учебное пособие. - М.: Экономический факультет МГУ, 2019. - 272 с.
5. Рязанцев С.В. Миграция в России и в мире: история и современность. - М.: Экон-Информ, 2021. - 336 с.
6. Castles S., de Haas H., Miller M.J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. - 6th ed. - London: Red Globe Press, 2020. - 480 p.
7. Massey D.S., Arango J., Hugo G. et al. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. - Oxford: Clarendon Press, 2019. - 362 p.
8. Бекашев Д.К., Иванов Д.В. Моделирование миграционных процессов: новые подходы // Вопросы статистики. - 2023. - № 4. - С. 42-57.
9. Топилин А.В. Миграция и демографические процессы в России: история и современность // Социологические исследования. - 2020. - № 7. - С. 52-64.
10. Иванов С.А., Петрова Н.В. Применение искусственного интеллекта в анализе миграционных потоков // Информационные технологии и вычислительные системы. - 2024. - № 1. - С. 76-89.
11. Конвенция о статусе беженцев 1951 года / Организация Объединённых Наций. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 11.05.2026).
12. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-І «О вынужденных переселенцах» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 52. - Ст. 5110. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4480/ (дата обращения: 11.05.2026).

Ильназ Илдарович Галимов,
младший редактор журнала «Вестник ученых международных»,
E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

Ilnaz I. Galimov,
Junior Editor of the IR Scientists' Herald,
E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИРАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1979 ГОДА

EVOLUTION OF THE FORMATION AND TRANSFORMATION OF IRANIAN-ISRAELI RELATIONS BEFORE THE 1979 REVOLUTION

Аннотация: данное исследование посвящено анализу сложной и динамичной истории ирано-израильских отношений в период до Исламской революции 1979 года. Исследуются основные этапы формирования и трансформации взаимного восприятия и политического взаимодействия между двумя странами, начиная с середины XX века. Особое внимание уделяется факторам, влиявшим на становление этих отношений, включая геополитические интересы, общие угрозы, экономическое сотрудничество и идеологические аспекты. Проводится анализ предпосылок и причин, приведших к радикальному изменению характера ирано-израильских отношений после революционных событий 1979 года. Очевидными становятся те глубинные противоречия и скрытые тенденции, которые были заложены в период до революции, что в конечном итоге предопределили враждебные характер их дальнейшего взаимодействия.

Ключевые слова: Иран, Ближний Восток, Израиль, Тегеран, партнерство.

Abstract: this study focuses on analyzing the complex and dynamic history of Iranian-Israeli relations before the 1979 Islamic Revolution. It explores the main stages of the formation and transformation of mutual perceptions and political interactions between the two countries since the mid-20th century. The study pays

special attention to the factors that influenced the development of these relations, including geopolitical interests, shared threats, economic cooperation, and ideological aspects. The article analyzes the prerequisites and reasons that led to a radical change in the nature of Iranian-Israeli relations after the revolutionary events of 1979. It highlights the underlying contradictions and hidden tendencies that were present before the revolution, ultimately shaping the hostile nature of their subsequent interactions.

Keywords: Iran, Middle East, Israel, Tehran, partnership.

Введение

Нынешняя военная агрессия США и Израиля, направленная против Исламской Республики Иран, представляет собой сложную геополитическую реальность, которая была сформирована десятилетиями взаимного недоверия, подкрепленная идеологической враждой, информационно-пропагандистскими и диверсионными противостояниями посредством прокси-, кибервойн. В конечном счете все это стало предвестником вооруженного конфликта, спровоцированного Вашингтоном и Иерусалимом в конце февраля 2026 года.

Наблюдавшиеся в последние годы крайне напряженные двухсторонние отношения между официальными Тегераном и Иерусалимом, часто приводившие к острой эскалации, являются результатом их длительной эволюции, прошедших путь от прагматичного партнерства к началу открытой конфронтации. Особенно яркое проявление этого можно пронаблюдать после событий Исламской революции 1979 года в Иране. Установление новой формы и режима правления ознаменовали собой резкие изменения во внешней политике Тегерана, в основу которого лег исламский фундаментализм в своем шиитском «оформлении». Новый теократический режим, полностью отвергший предыдущий курс, зиждившийся на сотрудничестве с Западом и Израилем, начал проводить антиизральскую риторику, стержнем которого стали поддержка различных движений в

регионе, враждебно настроенных к Израилю, обвинения в сионистской оккупации арабских территорий, конечной целью чего является создание «Великого Израиля» от Нила до Евфрата [9]. В свою очередь Израиль начал воспринимать Тегеран как угрозу своему существованию, в особенности из-за развития иранской ядерной программы, производства различного рода баллистических ракет, систем БПЛА и в связи с выстраиванием Ираном «Оси сопротивления». В совокупности все эти факторы привели к формированию стойкой картины взаимного неприятия, которая выразилась в косвенных военных столкновениях в Ливане, Сирии, Палестине. Спецподразделения и армия Израиля начали проводить операции против иранских высших военных руководителей, а такие проиранские группировки как ХАМАС, Палестинский исламский джихад^{35[1]} осуществляли диверсионные акции на территории Израиля [14], что создавала угрозу более масштабного конфликта, который и без того постоянно нависал в воздухе.

На сегодняшний день крайне сложно вообразить, что подобное положение вещей наблюдалось отнюдь не всегда. Удобный и часто употребляемый нарратив про «вечную вражду народов» далеко не применим к ирано-израильским отношениям [4]. Практически три десятилетия, начиная с 1947 года по 1979 год, ирано-израильские взаимоотношения характеризовались как основанными на прагматизме и взаимовыгодном сотрудничестве, что обуславливалось общими стратегическими интересами в условиях биполярного миропорядка. Нередко сотрудничество между Тегераном и Иерусалимом на данном отрезке времени описывают «золотым веком». Раджаб Сафаров - генеральный директор Центра изучения современного Ирана - отмечает, что отношения Израиля и шахского Ирана в тот период были идеальными, а товарооборот являлся одним из существенных показателей этого [16], хотя во многом сотрудничество между двумя государствами оставалось неформальной. В контексте советско-американского противостояния (Холодная война), Тегеран и Иерусалим

35[1] Запрещенная организация на территории Российской Федерации

рассматривали друг друга в качестве ключевых партнеров, способных совместными усилиями противостоять «красной угрозе» со стороны Советской России и течению панарабизма, наивысшее проявление которого пришелся на вторую половину 1950-х и 1960-х. Вдобавок ко всему, шахский режим в Иране видел в Израиле источника технологических знаний и инноваций, что являлось важным составляющим для модернизации иранского общества и укрепления положения Тегерана в регионе. Израиль же, в свою очередь, находил в Иране важного партнера и союзника, который мог и обеспечивал его стратегическую глубину и снижал изоляцию Иерусалима на Ближнем Востоке, объявленный арабскими государствами. Партнерский и во многом даже союзнический подход Ирана в отношении к Израилю на внешнеполитическом контуре во многом определялся прозападным курсом, проводимым Тегераном. Для того, чтобы суметь разобраться и понять истоки сложившегося курса шахского Ирана на сближение с Западным миром, а также проследить эволюцию ирано-израильских взаимоотношений необходимо рассмотреть некоторые исторические события.

Пришедший в 1925 году к власти не без английской помощи Реза-Шах, к 1930-е годам приступил к активному поиску роли Ирана на международной арене, стремясь избавиться от режима протектората Великобритании и достигнуть тем самым полной независимости и суверенитета. Оглядываясь назад можно сказать, что на фоне кризиса колониальной политики Великобритании на Ближнем Востоке время для борьбы против британского присутствия в регионе было выбрано удачно [3].

В контексте проведения более независимой от Лондона политики Иран начал искать альтернативные пути укрепления своих позиций. Нацистская Германия, проигравшая Первую мировую войну странам Антанты, и тем самым наравне с Ираном таила серьезную обиду на Англию, представляла для Ирана привлекательного экономического и политического партнера. Активизация сближения Тегерана и Берлина пришелся на 1935 год, когда

стороны подписали торгово-экономический договор [15]. В дальнейшем нацистский истеблишмент Германии осознавая важность Тегерана в роли антибританского инструмента приступил к формированию в рядах иранской интеллигенции «объектов влияния», делая ставку на те или иные группы [12].

С началом Второй мировой войны в 1939 году Тегеран тут же заявил о своем приверженности к нейтралитету и декларировал стремление при необходимости защищать свой статус силой оружия. Несмотря на все официальные заявления Ирана всем глобальным игрокам были очевидны его политические предпочтения [2]. Ситуацию усугубило вероломное нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 года, что серьезно обострило геополитическую ситуацию вокруг Ирана и кардинально поменяло его значимость. Москва и Лондон, заключив союз, направленный против нацистской Германии, встревожились возможностью того, что Берлин сможет задействовать Тегеран в своих планах. В целях недопущения подобного сценария 25 августа 1941 года британские силы с юга, а советские войска с севера одновременно вторглись на территорию Ирана, обезопасив тем самым свои тыловые военные коммуникации. Союзные вооруженные силы пребывали в пределах Ирана вплоть до окончания Второй мировой войны.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало собой крах колониальной системы европейских государств, а также становлением США одним из супердержав на равне с Советским Союзом. На фоне разворачивающегося нового противостояния капиталистической и социалистических систем, Ближний Восток обрел свое новое стратегическое положение. Место, занимаемого в нем ранее Лондоном, сменилось Вашингтоном. США, в отличие от той же Великобритании, не имевшие каких-либо прямых колониальных амбиций в Иране, стремились расширить и закрепить свое экономическое и политическое влияние в регионе, рассмотрев в нем важный элемент глобальной стратегии в условиях

Холодной войны. Однако на пути замыслам Вашингтона встало правительство Мохаммада Мосаддыка, в какой-то степени придерживавшееся левого курса развития государства, а также вставшее на путь конфронтации с Лондоном. В 1953 году, при непосредственной поддержке ЦРУ и британских служб разведки, в стране был осуществлен государственный переворот, в результате которого правительство Мохаммада Мосаддыка было свергнуто, а в стране было установлено персоналистское правление Мохаммеда Реза Пехлеви. Этот переворот оказал долгосрочные последствия, так как «восстановленный» при активной поддержке США шах, стал верным союзником Вашингтона на ближневосточном регионе. Именно с этого момента Иран начал выстраивать отношения с израильским государством.

В 1948 году после того как Бен-Гурион - один из отцов-основателей израильского государства – зачитал в художественном музее Тель-Авива декларацию о независимости, на карте мира появился Израиль. Это вызвало крайне негативную реакцию со стороны арабского мира, немедленно заявившего о своем непризнании так называемого «сионистского образования». Поначалу Тегеран также последовал примеру своих арабских соседей и осудил провозглашение независимости Государства Израиль и выступил против его принятия в ООН [13]. Подобная позиция исходила из того, что Иран являлся одним из 11 государств [1], входивших в Специальный комитет ООН по палестинскому вопросу, основная цель которого заключалась в принятии решения о разделе спорной территории между Израилем и Палестиной. Комитетом ООН был разработан план, подразумевавший создание двух отдельных государств, – арабского и еврейского, а такие города как Вифлеем и Иерусалим должны были попасть под международный мандат управления. Однако правительство Ирана проголосовало против решений, наиболее выгодных для Израиля [7], понимая, что это приведет к военному противостоянию [1]. Вместо этого Тегеран поддержал план федерализации территории Палестины [13].

В последующем антиизраильская позиция Ирана также было продемонстрировано в период арабо-израильской войны 1947 (1948)-1949 г.г. Тегеран оказывал арабским странам материальную поддержку, вдобавок, не препятствовал отправке добровольцев, которые были мобилизованны мусульманским лидером аятоллой Аболь-Касемом Кашани. Победа Израиля в конфликте привел к росту антиеврейских настроений в Иране, в котором на момент создания Израиля проживало 150 тыс. персидских евреев, многие из которых были вынуждены покинуть страну [13].

После того как Израиль одержал победу в ходе военной компании создание еврейского государства стало свершившимся фактом. В результате этого власти Тегерана приступили к попыткам установления с ними контактов на площадке ООН, при этом не обходясь без помощи США. В частности, вопрос признания государства шах Мохаммед Реза Пехлеви обсуждал в ходе своего визита в Вашингтон, состоявшийся в 1949 году. Толчком к активизации ирано-израильских отношений послужило официальное признание Израиля Анкарой. Подобный шаг со стороны Турции стал прецедентом для мусульманской страны, тем самым руководство Ирана более могло не беспокоиться за свою репутацию в исламском мире [там же] и не опасаться обвинений в том, что Тегеран первым нарушил мусульманскую блокаду «сионистского образования» [7].

Официальное признание государственности Израиля Тегеран объявил 6 марта 1950 года, став таким образом вторым среди мусульманских стран, признавшей еврейское государство [1]. Однако как утверждают некоторые источники было это лишь де-факто и вдобавок произошло в период новогодних каникул иранского меджлиса, чтобы не спровоцировать дискуссии по этому вопросу в стенах парламента. Существует также версия, что признание Израиля со стороны Тегерана было обеспечено посредством взятки в крупном размере (400 тыс. долларов США) иранским министрам [13]. Тем не менее установление с еврейским государством неформальных, но в тоже время крайне тесных отношений во многом объяснялось

геополитическим расчетом двух сторон, а не порывом симпатий друг к другу [5].

Упоминавшийся уже ранее первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион стал отцом-основателем доктрины так называемого «периферийного союза», что стало в основе своей стратегией поиска союзников среди неарабских народов региона. Республика Турция, Иран и Эфиопия стали краеугольными камнями в израильской доктрине **[там же]**. Для Израиля успех «периферийной стратегии» ознаменовался формированием образа еврейского государства как сильного регионального игрока, который был способен контролировать события в регионе и оказывать влияние негативным тенденциям их развития. Это вынуждало арабских соседей Израиля относиться к нему не как к чужеродному элементу в регионе, а как к ближневосточному политическому образованию. Тем самым установление и поддержание Израилем взаимоотношений с крупнейшими мусульманскими государствами в лице Турции и Ирана были важными сигналами того, что Израиль далеко не изолирован и обладает своими региональными союзниками. Государства, непосредственно входившие в «периферийную стратегию» Израиля также извлекали из этого формата партнерства преимущества, в первую очередь выражавшиеся в экономическом сотрудничестве, помощи, торговле в значительных объемах, а также обмену разведывательной информацией [8].

Однако несмотря на наличие всестороннего развития двухсторонних отношений между Ираном и Израилем, широкое сотрудничество между ними все это время оставалось неформальным и во многом даже скрытым. К примеру, встречи иранских и израильских представителей производились через территорию Турции, как отмечается, без проставления штампов в паспортах. Вдобавок, сотрудники иранского представительства в Израиле за весь этот период числились как находившиеся на территории Швейцарии. Еще одним ярким свидетельством попытки скрыть наличие тесных отношений между Тегераном и Иерусалимом стало празднование в

1971 году 2500-летия Персидской империи, куда власти Израиля не были приглашены, поскольку Тегеран боялся бойкота мероприятия со стороны арабских стран. Иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви не желал неотвратно испортить отношения со странами арабского мира. Шах в какой-то степени даже претендовал на лидерство в регионе, чего можно было добиться лишь при сохранении дипломатических каналов с арабскими партнерами [13].

Вместе с тем шаху Мохаммеду Пехлеви, несмотря на всю полноту власти в его руках, приходилось все время учитывать настроения в иранском обществе. В своей массе иранцы критически относились к евреям и государству Израиль. В этом же контексте стоит отметить, что в те времена в Иране народ все больше начинал отдавать свое предпочтение исламскому духовенству, тем самым укрепляя его роль в обществе. Клерикальные мусульманские круги придерживались крайне жестких позиций в отношении Израиля. Религиозные представители требовали разрыва отношений с еврейским государством. В частности нередко приводились слова лидера аятолла Хомейни, бывшего в оппозиции к шахскому режиму, что руководство Израиля стремилось всеми силами взять под свой контроль иранскую экономику и завладеть его богатствами, и что во всех нынешних проблемах Ирана виноват Израиль [там же]. В 1971 году, за восемь лет до революционных событий в стране, будущий лидер Исламской республики подмечал, что во всех сферах жизни Ирана можно увидеть следы Израиля, и то, что «сионистское образование», которое им было охарактеризовано как враг ислама и мусульман, превратило Иран в свою военную базу [10].

Другим немаловажным историческим моментом, ставшим причиной появления серьезных трещин в отношениях между Тегераном и Иерусалимом, стало заметное изменение геополитической ситуации в регионе. В конце 70-годов прошлого века ближневосточная обстановка начала резко меняться. После смерти египетского президента Абделя Насера, бывшим непримиримым врагом Израиля и Ирана [1], а также ярким

сторонником панарабистской идеологии, Тегеран и Иерусалим начали терять стратегическое значения друг для друга. Вдобавок, после того как региональная политическая конъюнктура резко изменилась, шах Ирана начал делать попытки улучшения и без того крайне непростых отношений с государствами арабского мира, что противоречило сотрудничеству с Израилем [7]. Потепление отношений Тегерана с арабами начало проявляться еще во время войны Судного дня. Так, Иран в ходе военного конфликта оказывал помощь Саудовской Аравии, путем переброски их войск иранскими самолетами, а также запретив пролетать через свое воздушное пространство борту с австралийскими добровольцами, которые летели воевать на стороне Израиля. А в 1975 году Тегеран прекратил оказывать поддержку курдским сепаратистам после подписания ирано-иракского соглашения [1]. Ранее, в течение с 1965 по 1975 год Израиль и Иран совместными усилиями выступали в качестве союзников курдских сепаратистов в Ираке, оказывая тем самым им поддержку в борьбе с баасистским иракским режимом [7].

Все это стало свидетельством обретения Ираном своей собственной политической субъективности и не могло негативно не сказаться на отношениях с Израилем. Отмечается, что процесс постепенной на тот период деградации отношений между Тегераном и Иерусалимом был запущен еще в ходе Шестидневной войны. Именно тогда иранское общество начало постепенно настраиваться против еврейского государства. Таким образом, это привело к тому, что к 1977 году большинство двухсторонних долгосрочных договоров, нацеленных на укрепление и развитие связей между странами, были расторгнуты [7]. Однако несмотря на, казалось бы, ощутимое ухудшение отношений между странами Иран не хотел резкого прекращения всех связей с Израилем [10]. Ярким свидетельством этого является тот факт, что накануне свержения шахского режима объем израильского экспорта в Иран превышал 100 миллионов долларов, что было больше, чем поставки в Турцию и Японию. Важным показателем выступает и

то, что к этому времени долг Израиля перед Тегераном составил 1 миллиард долл. США [13].

В 1979 году после победы Исламской революции в Иране аятолла Хомейни вернулся в страну из изгнания и объявил о разрыве отношений с Израилем. В здании, в котором находилось израильское посольство, был размещен офис Организации освобождения Палестины [1]. Тут важно подчеркнуть, что вопрос поддержки Палестины, ставшим важным компонентом солидарности в мусульманском мире, стал активно подниматься еще в период 1960-1970-х годов. Изначальный иранский подход в проблематике Палестины был уже описан выше. Однако впоследствии этот подход не получил своего продолжения и, в целом, у Тегерана не было особой позиции по палестинскому вопросу. Шах Пехлеви заявлял, что Израиль, «как и любой всякий другой член ООН» имеет право на существование, и что он против применения военной силы в арабо-израильском конфликте [6]. В иранском же обществе идея существования Палестины стала зарождаться именно в конце 60-х и начале 70-х гг. прошлого века, на что руководство Ирана должно было как-то отреагировать, что являлось с собой проблемой. Любое будь-то высказывание, не говоря уже о практических шагах со стороны Тегерана в поддержку палестинской государственности, означало бы неизбежный диалог с арабским миром, лидером которого в то время выступал Абдель Насер. Однако учитывая антагонистические взгляды между лидером Египта и иранским шахом говорить о каком-то союзе с арабами было невозможно. Лишь в период президентства Анвара Садата между руководителями двух стран сложились более теплые отношения.

Подытоживая корни ирано-израильских отношений можно сказать, что основной причиной их разрыва послужил внутрисполитический переворот в Иране. После установления в стране режима исламской революции и прихода к власти аятоллы Хомейни Тегеран разорвал все отношения с Израилем и начал проводить политику противостояния сионизму и экспорта

исламской революции. Уже к 1980 году все экономические и торговые связи между двумя странами были разорваны [7], все совместные проекты прекращены [13].

Тем не менее несмотря на открытую и жесткую антиизраильскую политику нового иранского руководства и на официальный разрыв отношений, связи между двумя государствами поддерживались еще на протяжении 1980-х годов [1]. Руководство Израиля уже в 1979 году признало легитимность нового иранского режима. В тоже время на первом этапе Исламская Республика Иран воздержалась от активной борьбы с Израилем, в том числе посредством отказа своего участия в палестинском конфликте. В период Ливанской войны 1982 года аятолла Хомейни лично воспрепятствовал отправке десятков тысяч добровольцев, тем самым Тегеран воздержался от ухудшения отношений с Израилем, а вскоре обе страны вновь в неформальном порядке сблизились в связи с появлением общего врага в лице Ирака [13].

Связано это было в основном из-за вспыхнувшего конфликта между Ираном и Ираком. В Израиле данный конфликт рассматривался как хорошая возможность противостоять Ираку посредством поддержки Ирана. Начиная с 1980 года и вплоть до 1988 года (хронологические рамки ирано-иракской войны) Израиль снабжал иранскую армию оружием (в основном в обмен на нефть), поставки осуществлялись с помощью посредников во избежание введенного эмбарго США [там же]. Израиль также обеспечивал военными инструкторами, которые занимались обучением иранских военнослужащих. Стоит отметить, что в ходе первой войны в Персидском заливе (1980-1988) поставки израильского вооружения иранскому правительству оценивались в три миллиарда долларов [1].

Примечательным является то, что иранская сторона что в ходе конфликта, что после него, отрицало факт помощи, оказываемой Израилем. Впоследствии израильские ВВС провели собственную операцию под кодовым названием «Опера», известная также как «Вавилон», целью которой

было ликвидация иракского ядерного реактора «Осирак» [1]. Однако с исчезновением угрозы со стороны Саддама Хусейна отношения между Ираном и Израилем довольно быстро начали ухудшаться и обрели враждебный характер.

С завершением ирано-иракского конфликта Тегеран начал все более активнее позиционировать себя в качестве центра сил, выступающих против примирения мусульманского мира с Израилем. Вдобавок, исламское руководство Ирана выстроило прокси-систему группировок в регионе, основными среди которых считаются: йеменские хуситы (шиитская боевая организация «Ансар Аллах»); ливанская шиитская организация и политическая партия «Хезболла»; палестинские группировки, в том числе ХАМАС; иракская коалиция шиитских, езидских и христианский ополчений (Сила народной мобилизации (СНМ), более известная как «Хаш аш-Шааби») и другие [7]. Таким образом, начиная с 1990-х годов действия Израиля в отношении Тегерана, а также иранские акции против Израиля стали более враждебными. Как было отмечено выше, не последнюю роль в этом процессе сыграла активизация поддержки шиитской прокси организации «Хезболла» в Ливане. Разразившаяся в 2006 году вторая ливанская война по своей сути стала прокси-конфликтом еврейского государства и Исламской республики, Корпус стражей исламской революции Ирана оказывал непосредственную помощь группировке «Хезболла», что лишь обострило ирано-изральские отношения и подкрепило ненависть друг другу в ходе последующих конфликтов [13].

Проанализировав ирано-израильские отношения, начиная с периода зарождения еврейского государства и вплоть до революционных событий в Иране 1979 году, можно заключить, что связи эти представляли собой сложный и многогранный аспект ближневосточной политики, отмечавшиеся как периодами прагматичного сотрудничества, так и зарождавшимися противоречиями. Иран, де-факто признавший вслед за Турцией государственность Израиля в 1950 году, почти сразу же начал выстраивать с

ней тесное и диверсифицированное партнерство. Тегеран осуществлял Израилю поставки нефти, газа, различного минерального сырья, продовольствия, взамен получая технологии, опыт в сфере сельского хозяйства, медицины и науке [11]. Стержнем этого тесного и, казалось бы, стратегического партнерства выступали сразу же несколько факторов: 1) на протяжении тысячелетий на территории Ирана проживало без серьезных противоречий и национальных конфликтов огромное количество евреев. Вдобавок, уже в эпоху современности Иран стал своего рода перевалочной базой для еврейских беженцев, в особенности на фоне еврейских погромов в Ираке после раздела Палестины; 2) в 1955 году Иран вступил в военно-политический союз, известный как Багдадский пакт, объединивший США, Великобританию, Турцию, Ирак и Пакистан, таким образом Иран и Израиль оказались в одном геополитическом лагере; 3) отдельно стоит упомянуть фактор арабского национализма, олицетворявшийся в лице египетского лидера Абделя Насера. В этих условиях Иран видел в Израиле (как и в случае с Турцией) ключевой элемент балансирующей силы на Ближнем Востоке, Израиль же рассматривал в Тегеране «государство периферии», неарабской страны, дружественной Израилю; 4) в период с 1965 по 1975 год Израиль и Иран сотрудничали с курдскими сепаратистами Ирака, оказывая им поддержку в борьбе с баасистским иракским режимом; 5) в 1967 году после шестидневной войны Иран стал единственным государством в регионе, кто воздержался от введения нефтяного эмбарго против Израиля, в то время как Алжир, Египет, Сирия, Иордания и Ирак прекратили сотрудничество с Израилем [1].

Вместе с тем, даже в период «золотого века» сотрудничества, отношения между Израилем и Ираном во многом оставались неформальными и скрытыми. Основной причиной тому послужило нежелание иранского шаха Мохаммеда Реза Пехлеви неотвратно испортить отношения с арабским миром, в котором шах в определенной степени видел свое лидерство, что тем не менее не мешало Тегерану проводить дружественную к Израилю

политику. Однако к концу 1970-х годов обстановка на ближневосточном регионе серьезно изменилась. Со смертью одиозного президента Египта Абделя Насера, позиционировавшего себя как врага Израиля и Ирана а также ярким лидером панарабистской идеологии, связи между Тегераном и Тель-Авивом начали терять свое стратегическое значение. Это событие совпало и с нарастающими в Иране антиизраильскими настроениями, что, в свою очередь, также негативно вылилось на сотрудничество: к 1977 году большинство двухсторонних долгосрочных договоров между Ираном и Израилем были расторгнуты.

Поворотным же моментом в двухсторонних отношениях стали революционные события в Иране 1979 году, в результате которых вместо шахского правления был установлен исламский режим. С приходом к власти в Тегеране аятоллы Хомейни страна разорвала все отношения с Израилем и приступила к реализации политики антисионизма и экспорта исламской революции, что, тем не менее, не помешало двум странам поддерживать «союзнические» контакты в период борьбы с режимом Саддама Хусейна в Ираке. Открытое же противостояние между странами началось с 90-х годов прошлого века, когда и Тель-Авив, и Тегеран начали проводить все более агрессивную политику друг против друга, что в конечном счете вылилось в 2026 году в февральскую военную акцию коалиции США и Израиля против Исламской Республики Иран.

Список источников и литературы

1. Винник Е. В чем суть конфликта Израиля и Ирана? // Вестник Кавказа - 17.04.2023 - URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/v-cem-sut-konflikta-izraila-i-irana.html> (дата обращения: 13.05.2026).
2. Голуб Ю., Г.. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь июль 1941 г.) // Известия Саратовского университета. - Т. 14. - №. 4. - 2014. - С. 30-40.
3. Дудайти А. К. Внешняя политика Ирана в 1933-1939 годах : проблемы диверсификации отношений с ведущими мировыми державами / А. К. Дудайти // Научный диалог. - 2021. - № 12. - С. 309-326.
4. Израиль и Иран: история конфликта от «Персии как спасителя» до прямых ударов // Security.Lab - 28.02.2026 - URL:

- <https://www.securitylab.ru/blog/personal/SimplpeHacker/359805.php?ysclid=mmdpuzj555131962671> (дата обращения: 05.04.2026).
5. Израиль против Ирана: когда лучшие друзья в регионе стали врагами // Рамблер - 01.03.2026 - URL: <https://weekend.rambler.ru/read/56112972-izrail-protiv-irana-kogda-luchshie-druzya-v-regione-stali-vragami/?ysclid=mmdr5zkvyn372658199> (дата обращения: 05.05.2026).
 6. Ирано-израильские отношения. ДОСЬЕ // ТАСС - 25.09.2013 - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/681667> (дата обращения: 05.03.2026).
 7. Конфликт Израиля и Ирана: в чем причины многолетней вражды // Информационное агентство Mass Media - 17.04.2024 - URL: <https://massmedia.press/konflikt-izrailya-i-irana-v-chem-prichiny-mnogoletnej-vrazhdy/?ysclid=mmdpz2yj2z503552713> (дата обращения: 12.04.2026).
 8. Костенко Юрий Ильич. «Новая периферия» как фактор укрепления израильских позиций на Ближнем востоке // Вестник МГИМО Университета, №. 2 (47) - 2016. - С. 134-144.
 9. Лана Раванди-Фадаи Ирано-американские отношения: от эскалации к диалогу // РСМД - 30.04.2025 - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/irano-amerikanskije-otnosheniya-ot-eskalatsii-k-dialogu/> (дата обращения: 04.04.2026).
 10. Ли Минхо Почему Иран и Израиль враждуют: история ненависти // Сах. онлайн - 13.06.2025 - URL: <https://sakh.online/news/18/2025-06-13/pochemu-iran-i-izrail-vrazhduyut-istoriya-nenavisti-477562?ysclid=mmdpytt7vd215218742> (дата обращения: 07.03.2026).
 11. Месамед В.И. Ирано-израильские отношения: от партнерства к конфронтации // Институт Ближнего Востока - URL: <https://www.iimes.ru/rus/stat/2007/03-11-07a.htm> (дата обращения: 15.02.2026).
 12. Оришев А. Б.. Иранская интеллигенция, национализм и нацистская Германия // Интеллигенция и мир. - № 4. - 2020 - С. 9-25.
 13. Попов Д. «Враг моего врага - мой друг» Почему Иран и Израиль забыли о многолетней дружбе и стали злейшими врагами, готовыми к большой войне? // Lenta.ru - 01.03.2026 - URL: <https://lenta.ru/articles/2026/03/01/isr-ir/?ysclid=mmdpywewc0325651396> (дата обращения: 12.05.2026).
 14. Сажин В. Иран - Израиль: эскалация конфликт // РСМД - 02.07.2025 - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-izrail-eskalatsiya-konflikta/?ysclid=mmdvfjer9i983558434> (дата обращения: 03.04.2026).
 15. Складов С. А. СССР и проблема германского влияния в Иране во второй половине 1930-х годов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) / С. А. Складов // Научный диалог. - 2021. - № 11. - С. 451-467.
 16. Чесноков В., Таразевич А. Иран мог дружить с Израилем, если бы вместо исламистов в Тегеране был светский шах из династии Пехлеви? // Daily Storm - 26.04.2024 - URL: <https://dailystorm.ru/vlast/iran-mog-druzhit-s-izrailem-esli->

[by-vmesto-islamistov-v-tegerane-byi-svetskiy-shah-iz-dinastii-pehlevi?ysclid=mmmpz0iqwy75647565](#) (дата обращения: 12.05.2026).

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Нина Казбековна Гостиева,
доцент кафедры политической экономики
и истории экономической науки
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
кандидат экономических наук

Nina K. Gostieva,
Associate Professor of the Department of Political
Economy and History of Economic Science,
Plekhanov Russian University of Economics,
PhD in Economics

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ВЫЗОВЫ**
**ENERGY ASPECTS OF DIGITAL INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT:
GLOBAL TRENDS AND REGIONAL CHALLENGES**

Аннотация: стремительное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) стали определяющим глобальным трендом последних лет. Однако этот технологический прорыв сопряжен с фундаментальным вызовом: экстремально высоким и постоянно растущим энергопотреблением. Обучение больших языковых моделей (LLM), работа дата-центров и обработка пользовательских запросов требуют колоссальных объемов электроэнергии, что создает новые реалии геоэкономической и технологической конкуренции, где доступ к стабильным и относительно дешевым источникам энергии становится стратегическим преимуществом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, энергопотребление, энергоресурсы, центр обработки данных, генерация электроэнергии.

Abstract: the rapid development and implementation of artificial intelligence (AI) technologies has become a defining global trend in recent years. However, this technological breakthrough comes with a fundamental challenge: extremely high and ever-growing energy consumption. Training large language models (LLMs), running data centers, and processing user requests require colossal amounts of electricity, creating new realities of geoeconomic and technological

competition, where access to stable and relatively affordable energy sources is becoming a strategic advantage.

Keywords: artificial intelligence, energy consumption, energy resources, data center, power generation.

Введение

В современном мире внедрение технологий искусственного интеллекта становится центральным элементом государственной экономической политики и корпоративных стратегий. За последние несколько лет ИИ вырос в индустрию с триллионной рыночной капитализацией и венчурным капиталом. Рыночная капитализация компаний, связанных с ИИ, входящих в индекс S&P 500, выросла примерно на 12 триллионов долларов США с 2022 года [1]. В свою очередь, решающим фактором развития ИИ становится доступное, надежное и устойчивое электроснабжение. Обучение и развертывание моделей ИИ происходит в крупных и энергоемких центрах обработки данных. Технологии искусственного интеллекта предъявляют беспрецедентные требования к энергосистемам - только в части обработки миллиардов пользовательских запросов энергоемкость в десятки раз выше, чем у традиционного поиска в интернете.

Таким образом, энергетический сектор находится в центре одной из важнейших технологических революций современности. По прогнозам Международного энергетического агентства (МЭА), потребление электроэнергии центрами обработки данных (ЦОД) к 2030 г. увеличится более чем вдвое и составит около 945 ТВт·ч - почти половина (45 %) этого объема потребления придется на Соединенные Штаты, а четверть (25%) на Китай. К концу десятилетия страны будут потреблять для ЦОД больше электроэнергии, чем для производства алюминия, стали, цемента, химикатов и всех других энергоемких товаров вместе взятых [1].

ЦОД - поиск оптимальной энергетической инфраструктуры

Сектор информационно-коммуникационных технологий, в особенности ЦОДы, искусственный интеллект и блокчейн, становится одним из наиболее значимых факторов роста мирового энергопотребления. Россия не исключение. В стране наблюдается устойчивая динамика увеличения доли ЦОДов в общем электропотреблении - по прогнозам ВТБ, к 2030 году доля потребления электроэнергии ЦОДами и майнерами криптовалют в России достигнет 2% от всего потребления электроэнергии, увеличившись в 2,5 раза. [2].

Однако основная проблема заключается не в абсолютных объемах, а в их высокой географической концентрации в узлах цифровой экономики (Московский регион, Санкт-Петербург, города-миллионники), где исчерпаны свободные сетевые мощности, что создает структурные ограничения для развития отрасли. Помимо общего роста объема данных, критическим фактором выступает развитие энергоемких технологий, прежде всего ИИ. Инфраструктура для обработки задач ИИ требует на порядок больше электроэнергии по сравнению с традиционными серверными мощностями, что многократно усиливает давление на энергосистему.

Таким образом, развитие цифровой экономики формирует новый, высококонцентрированный и динамичный тип нагрузки на энергосистемы. Стратегическое планирование в этой сфере требует комплексного учета не только темпов ввода ИТ-мощностей, но и синхронизации с развитием генерирующих и сетевых активов. В условиях дефицита сетевых ресурсов в центрах нагрузки актуализируется поиск альтернативных схем энергоснабжения ЦОДов. В мировом научном и экспертном дискурсе обсуждаются несколько сценариев, включающими как перспективные идеи, так и серьезные риски при их реализации [3]:

- Локальная угольная генерация: предложение базируется на использовании низкотранспортабельных («запертых») угольных ресурсов в местах их добычи для строительства пристраиваемых электростанций, питающих ЦОДы. Данная модель теоретически

позволяет снизить логистические издержки, разгрузить газовый баланс и обеспечить внутренний спрос для угледобывающих регионов. Однако ее реализация осложняется географической удаленностью угольных бассейнов от основных центров спроса на данные, что ведет к задержки передачи данных, а также к потенциальным долгосрочным экологическим и углеродным рискам.

- Газогенерация требует от операторов ЦОДов компетенций в области обеспечения надежного топливоснабжения.
- Атомная энергетика, обладающая преимуществами в виде низкоуглеродности, высокой мощности и стабильности выработки. Крупные АЭС расположены в европейской части России, однако уровень потребления даже крупных ЦОДов может быть недостаточен для эффективного использования энергоблоков малой мощности.

Сторонники того или иного сценария размещения энергоемких ЦОДов в регионах с избытком генерирующих ресурсов (уголь, газогенерация, АЭС) признают потенциальные риски долгосрочных экстерналий и сходятся в необходимости детальной проработки вопросов экономической эффективности с учетом полного цикла затрат, требований к качеству и надежности энергоснабжения.

Мировые тренды развития энергосистем в анализе МЭА

Международное энергетическое агентство (МЭА) в своих ключевых публикациях, включая WorldEnergyOutlook (WEO) и специализированный отчет "Electricity 2024" дает несколько сценариев, в которых выделяются 2 основные траектории развития энергосистем под влиянием стремительного роста технологий искусственного интеллекта [4]:

1. Сценарий текущей политики (Current Policies Scenario (CPS)).

Развитие на основе уже принятых и реализуемых политик и мер - в результате, рост спроса на нефть и газ до 2050 года и потепление почти на

3°C к 2100 году. Это сценарий, который МЭА не предлагает, а, скорее, предупреждает о его рисках. Он возникает при отсутствии скоординированных действий. Энергопотребление ЦОДов, майнинга и инфраструктуры ИИ растет бесконтрольно, опережая темпы декарбонизации и модернизации сетей. Как результат, растет нагрузка на существующую генерацию, что может продлить жизнь угольным и газовым электростанциям, особенно в регионах с углеродоемкой энергетикой. Огромная и концентрированная нагрузка от крупных ЦОДов создает локальные пики и дисбалансы, требуя дорогостоящих и быстрых инвестиций в сетевую инфраструктуру. ЦОДы конкурируют за чистую электроэнергию с другими секторами экономики (промышленность, транспорт), оттягивая на себя ресурсы.

2. Сценарий нулевых выбросов (*NetZeroEmissions(NZE)*).

Это ключевой сценарий, который активно продвигается МЭА как наиболее предпочтительный. Он основан на активном управлении спросом и ускоренном развертывании «зеленой» генерации. Рост энергопотребления ИИ становится катализатором для более быстрого перехода к безуглеродной, гибкой и интеллектуальной энергосистеме. Акцент в этом сценарии делается на безуглеродной генерации: ускоренное строительство солнечных и ветровых электростанций, сопряженных с ЦОДами через прямые договоры купли-продажи электроэнергии. Признается роль атомной энергии как источника стабильной низкоуглеродной генерации для энергоемких ЦОДов. Предлагается: массовое внедрение сетевых и распределенных накопителей для сглаживания пиков и интеграции возобновляемых источников энергии (ВИЭ); разработка и внедрение более эффективных чипов, серверов и систем охлаждения; стимулирование исследований в области энергоэффективных алгоритмов и моделей ИИ ("green AI").

В сценарии особое место уделяется пространственной и временной балансировки: распределение задач ИИ между ЦОДами в разных часовых поясах и регионах с избытком возобновляемой энергии в реальном времени,

а также смещение неприоритетных вычислений (обучение моделей, анализ больших данных) на периоды избытка генерации (например, днем для солнечной энергии). И наконец, использование возможностей собственно искусственного интеллекта для оптимизации энергопотребления: массовое внедрение цифровых технологий, интернет вещей (IoT-датчиков) и самих алгоритмов ИИ для прогнозирования спроса, оптимизации потоков, предотвращения аварий и интеграции распределенной генерации.

МЭА подчеркивает, что реализация 2-го сценария будет сильно различаться по странам и регионам в зависимости от структуры энергобаланса, климата и политики. Страны с развитой ВИЭ-генерацией (например, скандинавские страны, Канада) могут стать «магнитами» для энергоемких ЦОДов, предлагая низкоуглеродную и относительно дешевую электроэнергию. Страны с углеродоемкой энергетикой (например, часть Азии, Восточная Европа) столкнутся с наибольшим риском роста выбросов. Для них критически важны инвестиции в чистую генерацию параллельно с развитием цифровой инфраструктуры. Страны с дефицитом воды и жарким климатом столкнутся с двойным вызовом роста энергопотребления и потребления воды для охлаждения ЦОДов, что потребует инвестиций в инновационные системы охлаждения (жидкостное, использование морской воды).

МЭА приходит к целому ряду фундаментальных выводов и рекомендаций:

- Создание систем обязательной отчетности по энергопотреблению и углеродному следу крупных ЦОДов и ИИ-операций.
- Введение и ужесточение стандартов энергоэффективности для ИИ-оборудования и ЦОДов
- Инвестиции в НИОКР: государственная поддержка исследований в области энергоэффективных вычислений, интеграции ВИЭ и новых систем охлаждения.

- Применение механизмов углеродного ценообразования, которое сделает использование ископаемого топлива для ЦОДов экономически менее выгодным.

Таким, образом, агентство строго придерживается зеленой повестки в данном вопросе и предлагает использовать ее как драйвер для ускоренного построения энергосистем будущего - децентрализованных, цифровых, гибких и основанных на безуглеродной генерации.

Стратегия развития энергетической инфраструктуры РФ

Цифровая революция, движимая искусственным интеллектом (ИИ), машинным обучением и обработкой больших данных, переопределяет глобальную парадигму энергопотребления и энергетической безопасности. Для России, как энергетической сверхдержавы с амбициозными цифровыми и геополитическими проектами, этот вызов носит двойственный характер. С одной стороны, он обнажает системные противоречия в развитии внутренней энергетической инфраструктуры, с другой - кардинально меняет контекст и потенциал для традиционной роли страны как экспортера электроэнергии.

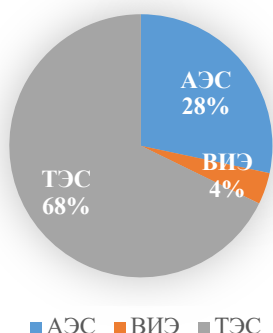
Дисбаланс спроса и генерации.

Основной вызов для российской энергосистемы - экстремальная географическая концентрация цифрового спроса при физической удаленности генерирующих мощностей. Более 80% коммерческих мощностей ЦОДов страны сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге вместе с областями. Именно эти регионы испытывают наибольший дефицит свободных сетевых мощностей. В Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2042 года, принятой правительством в конце 2024 г., ставится задача ввести дополнительные генерирующие мощности в объеме более 88 ГВт [5].

Генеральная схема - своего рода дорожная карта, которая должна привести энергетику России к надёжному и технологически сбалансированному будущему. План учитывает общемировую тенденцию развития безуглеродной генерации, но далеко не отказывается от

традиционных энергоресурсов. Постепенное изменение баланса различных типов электростанций должно сформировать к 2042 г. следующую структуру отрасли (Рисунок 1):

Рис.1. Структура энергосистемы РФ (2042г) [5]

- Атомные станции (АЭС): Их доля должна значительно вырасти — с 18.9% (2023) до 24% (2042).
- Солнечные и ветровые станции (ВИЭ): Их доля также увеличится, хоть и с небольшой базы — с 0.8% до 3.3%.
- Тепловые станции (ТЭС): Доля станций, работающих на газе и угле, снизится с 62.7% до 57.4%. При этом они останутся основой энергосистемы

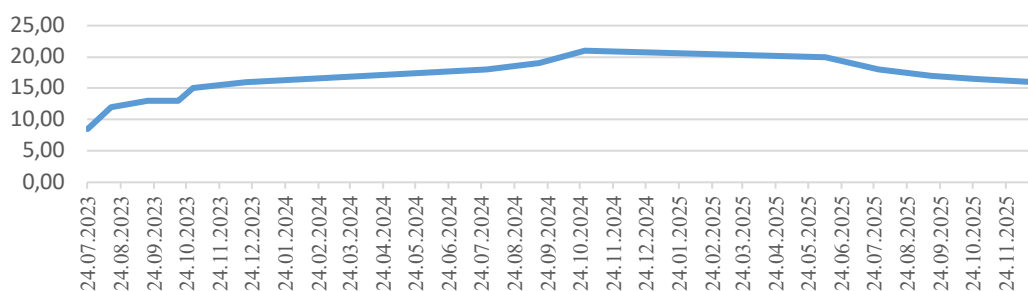
Генеральная схема до 2042 г. нацелена на упреждающее инвестирование для поддержания энергетической безопасности страны и предотвращения энергодефицита. Она напрямую увязана с промышленной политикой (развитие сырьевой базы, газотранспорта) и использует государственное регулирование цен для снижения рисков долгосрочных частных инвестиций в отрасль. Прогноз спроса привязан к росту экономики. Планируется, что к 2042 году потребление электроэнергии вырастет до 1449,7 млрд кВт·ч, а пиковая нагрузка - до 208,2 млн кВт. Это соответствует среднегодовому росту около 1.3%. Прогноз учитывает два фактора: увеличение производства (рост ВВП и реализация новых инвестиционных проектов) и повышение энергоэффективности [5].

Однако, проблема удаленности генерирующих мощностей от мегаполисов остается актуальной. Для покрытия прогнозного энергодефицита, правительство в конце 2025 г. анонсировало строительство в Московском регионе два новых паросиловых энергоблока по 275 МВт каждый на ТЭЦ-25 и ТЭЦ-26 «Мосэнерго», а также расширение Каширской ГРЭС за счет нового парогазового энергоблока мощностью 480 МВт. Ввод новых объектов должен состояться: на ТЭЦ-25 - до конца 2027 г., на ТЭЦ-26 - до конца 2028

г., на Каширской ГРЭС - до конца 2030 г. [6]. Достаточные ли это меры для на фоне взрывного роста энергопотребления и амбициозных планов Москвы, о превращении столицы в образцовый «умный город» с автономными сервисами и массовым распознаванием лиц - вопрос открытый. Планы по строительству новых энергоблоков в Московском регионе к 2028-2030 гг., могут не успевать за взрывным ростом нагрузки от внедрения ИИ и создания «умных городов». Основной парадокс заключается в том, что страна, обладающая одним из крупнейших в мире энергетическим потенциалом, сталкивается с риском структурного энергодефицита в своих ключевых технологических и экономических центрах.

Реализация Генеральной схемы до 2042 г. сталкивается также с серьезными макроэкономическими ограничениями. В сценарных условиях реализации Генеральной схемы, в качестве ключевых финансовых параметров указываются ставка дисконтирования - 8%, и средняя ставка по заемным средствам - 10%. Макроэкономические реалии далеки от подобного сценария. (Рисунок 2.).

Рисунок 2. Ключевая ставка ЦБ (июль 2022- декабрь 2025) [7]

Ключевая ставка ЦБ РФ, неизменно растущая в течение последних двух лет и сниженная на начало 2026 г. лишь до 16%, делает масштабные, капиталоемкие проекты в низкомаржинальной энергетике малопривлекательными для частных инвестиций. Малопривлекательность инвестиций отражается также и на таких проблемах модернизации российской энергосистемы как необходимость массового обновления стареющих мощностей. Это самый дорогой и критический элемент. Почти

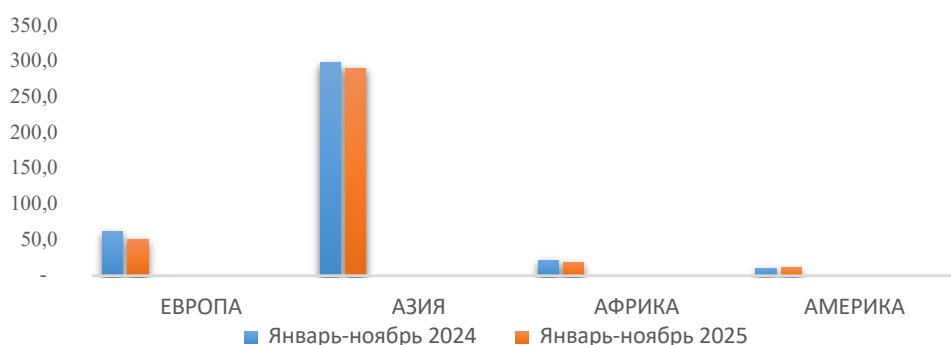
100 ГВт оборудования ТЭС и 10 ГВт АЭС (старые блоки РБМК и ВВЭР) к 2042 году физически устареют. Генеральная схема предлагает модернизировать до 64 ГВт, если это экономически выгодно и вывести из эксплуатации до 35 ГВт устаревших и неэффективных мощностей [5]. Модернизация и замена старых мощностей потребует триллионов рублей. При высокой ключевой ставке и ограниченном доступе к западным технологиям и финансам эти затраты лягут тяжелым бременем на тарифы, бюджет и сами энергокомпании.

Переосмысление экспорта в эпоху "энергетики данных".

В эпоху цифровой трансформации и энергетики данных, когда электроэнергия становится критическим сырьем для экономики будущего, Россия сталкивается с необходимостью переосмысления своей традиционной роли экспортера первичных энергоресурсов. Текущая ситуация показывает, что модель сталкивается как с серьезными геополитическими вызовами, так и с трудностями решения национальных задач технологического развития.

На фоне общего снижения российского экспорта в 2025 г. (Рис. 3) [8], отмечается и снижение экспортных доходов первичных энергоресурсов, и очевидный структурный перекос в сторону узкого круга стран.

Рисунок 3. Экспорт товаров РФ по группам стран (млрд. долл. США) [8]

Данные на начало 2026 г. по экспорту ключевых энергоресурсов свидетельствуют о стабильной тенденции к снижению:

- Нефть. Экспорт нефти в 2025 году остался почти на уровне 2024 года - около 240 млн тонн. Однако в октябре 2025 года экспорт сократился на 2% по сравнению с сентябрем, а общая выручка от

экспорта уменьшилась на 2,81%. Основные причины снижения - падение мировых цен на нефть, укрепление рубля и сокращение дисконтов на российскую нефть. Средняя цена нефти Urals в декабре 2025 г. упала до \$35,6 за баррель, а Дисконт на Urals к Brent достиг максимума: в конце 2025 года он составлял \$20-25 за барр [9].

- Газ. Поставки трубопроводного газа в Европу за первые 11 месяцев 2025 г. сократились на 16 %, и ЕС законодательно зафиксировал план полного отказа от российского газа к 2027 г. [9]. Хотя поставки в Китай растут, они не компенсируют потерю доходов из-за вынужденных скидок и долгосрочной привязки к контрактам.
- Уголь. Экспортные поставки угля выросли на 4% после стабильного трехлетнего снижения, главные причины которого — низкие мировые цены и «запредельно высокие» железнодорожные тарифы, уничтожающие рентабельность дальневосточного экспорта [10].
- Электроэнергия. Экспорт электроэнергии имеет тенденцию к снижению. В 2024 году экспорт электроэнергии из России снизился на 17,6%, за январь-сентябрь 2025 г. показатель уменьшился на 0,2%. Поставки в Китай, уже ставшие рекордно низкими в 2024 году, продолжают падать из-за энергодефицита и роста потребления на Дальнем Востоке. А на экспорте в Казахстан, который стал основным покупателем российской электроэнергии, сказался слабый внутренний спрос [11].

Таким образом, традиционная модель экспортно-сырьевой экономики демонстрирует признаки структурного кризиса. Сокращение нефтегазовых доходов, законодательный отказ ЕС от российского газа к 2027 году, растущая зависимость от единого рынка сбыта и вынужденные ценовые дисконты ведут к ослаблению финансовой базы, которая исторически

поддерживала развитие. В этих условиях продолжение экспорта первичных энергоресурсов в прежних объемах вступает в прямую конкуренцию с растущими внутренними потребностями цифрового сектора.

Стремительное развитие искусственного интеллекта кардинально меняет глобальный энергетический ландшафт. Электроэнергия трансформируется из товара широкого потребления в критическое стратегическое сырье для цифровой экономики. Для России это создает комплекс взаимосвязанных вызовов и возможностей, требующих срочного и глубокого переосмысления национальной энергетической стратегии. «Энергетика данных» требует от России не постепенной адаптации, а стратегического выбора. Сохранение статус-кво, при котором страна остается поставщиком сырья для чужих технологических цепочек, ведет к усилению зависимостей и потере долгосрочной конкурентоспособности.

Альтернативный путь предполагает переориентацию энергетической политики на обеспечение внутреннего технологического рывка: переход от экспорта сырья к экспорту энергоемких продуктов и услуг, ускоренную модернизацию сетевой и генерационной инфраструктуры на основе цифровых технологий и гибкого управления спросом. Успех России будет зависеть от способности синхронизировать развитие двух фундаментов современной экономики: энергетической инфраструктуры и цифровых технологий. Стратегический поворот от экономики ресурсной ренты к экономике технологического суверенитета, основанного на энергии, становится не вопросом выбора, а императивом национального развития.

Список источников и литературы

1. «Энергетика и искусственный интеллект». Отчет. Международное энергетическое агентство. 2025. URL: <https://www.iea.org/reports/energy-and-ai> (дата обращения 27.01.2026).
2. «Данным ищут киловатты». Коммерсантъ. 03.12.2025. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8249913?ysclid=mkxz47m7uw857968526> (дата обращения 27.01.2026).
3. Liu, Z., Lin, M., Wierman, A., Low, S. H., & Andrew, L. L. H. (2013). "Geographical load balancing with renewables." В ACM SIGMETRICS

- Performance Evaluation Review, 40(3), 62–66. -
URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=SnU_Ih0AAAAAJ&citation_for_view=SnU_Ih0AAAAAJ:u-x6o8ySG0sC (дата обращения 27.01.2026).
4. World Energy Outlook 2025 (WEO-2025) Отчет. Международное энергетическое агентство. 2025. - URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2025> (дата обращения 27.01.2026).
5. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2042 года. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 4153-р. Москва. - URL: <http://government.ru/docs/53923/> (дата обращения 27.01.2026).
6. Перечень генерирующих объектов, подлежащих строительству в ценовых зонах оптового рынка. Распоряжение Правительства от 27.12.2025 № 4131-р. Москва. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290115?index=2> (дата обращения 27.01.2026).
7. Процентные ставки денежно-кредитной политики. Базы данных. Банк России. - URL: https://cbr.ru/hd_base/ProcStav/IR_CHG_MPO/full/ (дата обращения 27.01.2026).
8. Итоги внешней торговли со всеми странами Январь - ноябрь 2025. Таможенная статистика. Федеральная таможенная служба. - URL: <http://limited.academy.customs.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 27.01.2026).
9. Итоги года в нефтегазовой отрасли - 2025. Агентство нефтегазовой информации. Январь 2026. - URL: <https://www.angi.ru/news/2930162-Итоги%20года%20в%20нефтегазовой%20отрасли%20-%202025/?ysclid=mkt9p9a97710422476> (дата обращения 27.01.2026).
10. Экспортный Netback на энергетический уголь. Центр Ценовых Индексов. - URL: <https://pbc-index.ru/markets/markets-coal.html> (дата обращения 27.01.2026).
11. Результаты производственной деятельности по итогам 9 месяцев 2025 года. ИНТЕР РАО ЕЭС. Ноябрь 2025. - URL: https://www.interrao.ru/press-center/news/detail.php?ID=18870&sphrase_id=383380 (дата обращения 27.01.2026).

Е.Ю. Доценко,

доцент, кандидат экономических наук

E.Y. Dotsenko,

Associate Professor, PhD in Economics

Н.П. Ездина,

кандидат экономических наук,

кафедра политической экономии и истории

экономической науки

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

N.P. Ezdina,

PhD in Economics,

the Department of Political

Economy and History of Economic Science,

Plekhanov Russian University of Economics

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ
СОСТАВЛЯЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
РФ**

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ENVIRONMENTAL AND
TECHNOLOGICAL COMPONENTS OF THE ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: в статье поднимаются вопросы влияния уровня технологического развития экономики регионов РФ и ее технологической укладности на сокращение негативного воздействия антропогенной деятельности на окружающую среду (вплоть до достижения экологической нейтральности) и обеспечения экологической безопасности. Эффективность экологических инициатив как, в целом, и экономическая эффективность во многом зависят от инвестиционных возможностей экономики и потенциала технологизации промышленного сектора на базе самых передовых производственных технологий, а также организационных и управленческих инноваций. На основе проведенного анализа экологической обстановки и технологического развития регионов РФ сделан вывод о высокой степени инерции в отношении повышения уровня технологичности региональных экономик и в этой связи о поступательном ухудшении экологических

индикаторов. В свете нарастания неопределенности и перманентного воздействия внешних шоков (санкций, технологических, конъюнктурных, финансовых и пр.) как на экономику России, так и образующих ее регионов требуется безотлагательное развитие передовых научно-технологических отраслей, сквозных цифровых технологий (технологий блокчейн, искусственного интеллекта, робототехники и др.), формирование идеи распределенной возобновляемой энергетики с целью постепенной экологизации промышленного производства. Инструментами достижения описанных целей должен стать комплекс правительственных мер и направленных действий по активизации воспроизводственных и технологических процессов в конкретных регионах РФ, в основе которых лежат ESG-принципы, декарбонизация экономики и переход к модели экономики замкнутого цикла.

Ключевые слова: экономическое развитие, регион, технологии, отходы, парниковые газы, экологическая нейтральность.

Abstract: the article raises questions about the influence of the level of technological development of the economy of the regions of the Russian Federation and its technological structure on reducing the negative impact of anthropogenic activities on the environment (up to achieving environmental neutrality) and ensuring environmental safety. The effectiveness of environmental initiatives, as well as economic efficiency in general, largely depends on the investment opportunities of the economy and the potential for technologization of the industrial sector based on the most advanced production technologies, as well as organizational and managerial innovations. Based on the analysis of the environmental situation and technological development of the regions of the Russian Federation, a conclusion was made about a high degree of inertia in relation to increasing the level of technology in regional economies and, in this regard, about the progressive deterioration of environmental indicators. In light of the growing uncertainty and the permanent impact of external shocks (sanctions, technological, market conditions, financial, etc.) on both the economy of Russia

and its constituent regions, the urgent development of advanced scientific and technological industries, end-to-end digital technologies is required. ologies (blockchain technologies, artificial intelligence, robotics, etc.), the formation of the idea of distributed renewable energy with the aim of gradually greening industrial production. The tools for achieving the described goals should be a set of government measures and targeted actions to intensify reproductive and technological processes in specific regions of the Russian Federation, which are based on ESG principles, decarbonization of the economy and the transition to a closed-cycle economy model.

Keywords: economic development, region, technology, waste, greenhouse gases, environmental neutrality.

Введение

Сегодня беспрецедентное развитие высоких технологий, определяющих формирование Индустрии 4.0 и действующих в направлении экологизации антропогенной деятельности, масштабная цифровизация производственных процессов, переход к экологической нейтральности определяют уровень и темпы развития социально-экономических систем во всем мире. В отношении нашей страны и образующих ее регионов, сильно дифференцированных по различным факторам (финансовому, ресурсному, человеческому и многим другим) проблема повышения технологического уровня экономики в условиях воздействия внешних шоков (санкций, технологических, конъюнктурных и др.) и нарастания экологических проблем (парниковые газы, отходы и др.) актуализируется еще больше. В этой связи для достижения технологической идентичности, экологической безопасности и экономической эффективности ситуация требует безотлагательного развития передовых научно-технологических отраслей, сквозных цифровых технологий (технологий блокчейн, искусственного интеллекта, робототехники и др.), формирование идеи распределенной возобновляемой энергетики.

Методологическую основу исследования составляют труды ученых, посвященные вопросам необходимости планомерной экологизации промышленного производства, а также повышения экологической безопасности региональных систем (Ткаченко Л.Я., Ивашкин И.В., Кочуров Б.И. [1], Хорешок А.А. [2], Шкиперов Г.Т., Дружинин П.В. [3], Цховребов Э.С., Ниязгулов Ф.Х. [4] и многие другие). В теории превалируют подходы, определяющие значимость технологической модернизации как фактора повышения экологической безопасности и достижения устойчивого развития регионов РФ (SakhanovaG., BoluspaevaSh.A., BodaubayevaG. [5], Шевелева О.Б. [6] и другие ученые). Однако вместе с этим в современных исследованиях мало изученными представляются вопросы принципиальной основы технологической модернизации, действующей в направлении достижения экологической нейтральности.

Исследование выполнено с использованием общенаучных и эмпирических методов: анализ, синтез, сравнение. Информационно-эмпирическую базу исследования составляют данные Федеральной службы государственной статистики, информационных аналитических агентств.

Отметим, что не менее чем в 1/3 регионов РФ осуществляется добыча полезных ископаемых (например, Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-мансийский автономный округ, Республика Татарстан, Оренбургская область, Сахалин, Башкирия, Самарская область, Астраханская область - крупнейшие регионы по добыче нефти и газа; Кемеровская область, Красноярский край, Забайкальский край, Якутия, Сахалинская область, Республика Коми, Приморский край, Ростовская область, Иркутская область, Республика Хакасия - осуществляют добычу угля). Добывающая отрасль, как известно, является отраслью-лидером по объему (в том числе накопленному) образования отходов производства. Наряду с энергетической отраслью, промышленными процессами и сельским хозяйством добыча полезных ископаемых (с точки зрения образования отходов) вносит наибольший вклад в парниковые

выбросы. Так, 78%, 12% и 5,8% парниковых газов приходится на энергетический сектор, промышленное производство и сельское хозяйство соответственно и около 5% занимают отходы производства и потребления (таблица 1). При этом по данным Росгидромет за период 2020-2022 гг. в России значительно увеличилась концентрация углекислого газа и метана, скорость их накопления в атмосфере существенно выше скорости за предыдущие годы (нач. с 1980-х), а также показателей глобального роста [7].

Традиционно регионами-лидерами по выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух являются промышленные регионы - Свердловская, Тюменская области, Красноярский край, Кемеровская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-мансийский автономный округ и многие другие [8]. По представленным регионам с доминированием тяжелых индустрий в структуре экономики доля уловленных и обезвреженных веществ, загрязняющих атмосферу ниже общероссийской тенденции.

Таблица 1

Некоторые индикаторы экологического состояния регионов РФ за ряд лет

<i>Индикатор</i>	<i>Годы</i>				
	<i>2019</i>	<i>2020</i>	<i>2021</i>	<i>2022</i>	<i>2023</i>
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, тыс. тонн.	22735	22228	22300	22205	21976
Совокупные выбросы парниковых газов, млн. тонн.	2136,5	2061,1	2156,6	2393,8	н.д.
- в том числе энергетическая отрасль, %	78,7	77,3	77,8	77,9	н.д.
- промышленные процессы и использование промышленной продукции, %	11,5	12,3	12,0	12,0	н.д.
- сельское хозяйство, %	4,9	5,1	5,7	5,8	н.д.
- отходы, выбросы, %	4,2	4,1	4,6	4,7	н.д.
Доля уловленных и обезвреженных веществ, загрязняющих атмосферу, %	71,8	72,2	71,6	76,3	н.д.
Образование отходов, млн. тонн	7750,9				
Доля утилизированных и обезвреженных отходов	51,0	49,3	46,6	45,7	42,7

производства и потребления, %					
Индекс физического объема утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления, %	101,7	88,3	114,8	104,8	96,0
Индекс физического объема природоохранных расходов, %	104,6	104,8	107,7	95,7	н.д.
Объем расходов на охрану окружающей среды, в % к ВВП	0,6	0,6	0,6	0,6	н.д.

Далее исходя из данных табл. 1 видно, что за рассматриваемый период происходит планомерное увеличение отходов производства и потребления на 53 %, а за последние 15 лет - в 3 раза. При этом доля утилизированных и обезвреженных отходов производства и потребления демонстрирует обратную тенденцию, сокращаясь с 51% в структуре всех отходов до 42,7%. Наибольший вклад в образование отходов производства помимо добывающей отрасли вносят такие производства, как металлургия, химическая и текстильная промышленности, на их долю в 2022 г. приходилось соответственно 52%, 14,5% и 14,1% от общего объема расходов по обрабатывающей промышленности.

Национальные расходы на охрану окружающей среды хотя и демонстрируют неизменный уровень относительно ВВП (0,6%), однако, в абсолютном выражении к концу рассматриваемого периода (после значительного роста на 7%) имеют тенденцию к сокращению почти на 5%. При этом отметим, что в структуре государственных обязательств по финансированию охраны окружающей среды расходы на обращение и утилизацию отходов занимают третье место после расходов на очистку сточных вод и охрану атмосферного воздуха и изменения климата.

Все вышеперечисленное актуализирует решение региональных экологических проблем (особенно для регионов с наибольшим удельным весом тяжелых индустрий в структуре экономики), связанных с:

- образованием, хранением и утилизацией отходов производства и потребления;

- регулированием и сокращением выбросов парниковых газов в атмосферу;
- сокращением доли уловленных и обезвреженных веществ, загрязняющих атмосферу, воду, почву;
- необходимостью рекультиваций территорий после вскрышных и подземных работ - реализация инициатив постмайнинга.

Однако в современных условиях наличия высокой зависимости от импорта технологий и средств производства, а также сжатия инвестиционного импорта в направлении развития и технического переоснащения тяжелых индустрий в регионах присутствия в соответствии с международными эко-стандартами и инициативами требуется незамедлительная реализация комплекса государственных мер и направленных правительственных действий по активизации технологических инициатив с целью интенсификации технологического развития страны и отдельных ее регионов. В конечном счете, экологическая безопасность и сокращение негативного воздействия на окружающую среду в свете современных реалий определяется уровнем технологического развития экономики и ее технологической укладностью. Эффективность экологических инициатив как, в целом, и экономическая эффективность во многом зависят от инвестиционных возможностей экономики и потенциала технологизации промышленного сектора на базе самых передовых производственных технологий, а также организационных и управленческих инноваций.

Между тем, данные, представленные в табл. 2 свидетельствуют об инерционных процессах относительно технологического развития регионов России и внедрения экотехнологий с целью экологизации промышленной деятельности.

Так, инвестиции в основной капитал - базовый показатель, характеризующий валовое накопление инвестиций, направленных на обновление основных средств организаций имеет слабopоложительную

динамику, увеличившись за рассматриваемый период с 18,4% до 20,2%. При этом мировой опыт модернизационных процессов национальных экономик демонстрирует их относительный успех только при уровне накопления свыше 25% [9; 10].

Таблица 2
Индикаторы технологического развития регионов РФ за ряд лет

Индикатор	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
Инвестиции в основной капитал в % к ВВП	18,4	19,3	19,1	20,2	н.д.
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП, %	22,2	25,0	23,4	22,2	23,5
Индекс производительности труда по всем отраслям экономики, %	102,4	99,6	103,9	97,2	н.д.
- в том числе по высоко- и среднетехнологичным отраслям	103,6	104,2	102,5	97,6	н.д.
Степень износа основных фондов по полному кругу организаций, %	49,7	50,1	51,0	46,7	н.д.
- в том числе по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых», %	58,4	57,1	58,5	52,8	н.д.
- по виду деятельности «Обрабатывающие производства», %	51,3	51,9	51,6	47,4	н.д.
Инвестиции, направленные на реконструкцию и модернизацию в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	14,7	15,7	14,6	13,7	н.д.
Доля организаций, осуществляющих технологические инновации в общем объеме организаций, %	21,6	23,0	23,0	22,8	н.д.

Среди регионов аутсайдеров по уровню валового накопления инвестиций можно выделить такие структурно-инерционные регионы, как Алтайский край, Республика Хакасия, Кемеровская область, Архангельская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Свердловская область, Сахалинская

область. Их значения инвестиций в основной капитал существенно «недоотягивают» даже до среднероссийских. Структурно-инерционные регионы, как правило, промышленные регионы с преобладающей долей тяжелых индустрий в структуре экономики, характеризуются крайне инерционными процессами трансформации структуры экономики, в частности, воспроизводственной, отраслевой и технологической ее составляющей. Учитывая степень износа основных фондов (около 50% по всем отраслям с некоторой положительной тенденцией к 2022 г.), особенно по тяжелой промышленности (свыше 50%) на фоне критически низкой доли инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию основных средств, ситуация с темпами технологического развития таких регионов выглядит крайне неутешительной. Так, в числе регионов-аутсайдеров по показателю доли инвестиций, направляемых на реконструкцию и модернизацию, вновь числятся такие субъекты РФ, как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский авт. округа, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область и некоторые другие.

Инновационно-технологическая активность предприятий в российских регионах также крайне низка. Не более трети всех предприятий заняты производством и внедрением технологических инноваций в свою деятельность. При этом среди наиболее активных в этом отношении следует выделить предприятия химической, металлургической отраслей, а также высокотехнологичных по определению производств (электронных, оптических, вычислительных изделий, машин и оборудования). По всем остальным отраслям значения существенно ниже среднероссийских.

В этих условиях темпы роста доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в структуре ВВП, а также индексы производительности труда по высоко- и среднетехнологичным отраслям обрабатывающей промышленности демонстрируют крайне нестабильную динамику, увеличиваясь в относительно благоприятные периоды (2020-2021 гг.) и сокращаясь в условиях усиления шоковых явлений (2022-2023 гг.).

Одни из самых низких показателей по указанным индикаторам в Мурманской области, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Мордовии, Кировской области, Республики Хакасия, Кемеровской области, Хабаровском крае, Республики Саха (Якутия), Сахалинской области и некоторых других.

Таким образом, можно отметить, что темпы технологического развития регионов РФ, переход на технологии, определяющие формирование Индустрии 4.0, масштабное использование экотехнологий, налаживание процесса импортозамещения, прежде всего, по высоким технологиям и средствам производства определяют экологизацию антропогенной деятельности, диверсификацию экономики промышленных регионов в сторону снижения тяжелых индустрий в ее структуре, сокращения негативного воздействия на экосистему и выход в поле устойчивого и стабильного экономического роста.

Как видно из проведенного анализа в регионах РФ, особенно старопромышленных, отмечаются крайне инерционные воспроизводственные и технологические процессы, что существенно тормозит продвижение российской экономики в направлении экологизации антропогенной деятельности и повышения экологической безопасности, сокращая при этом и потенциал роста макроэкономических показателей (ВВП, национального дохода, занятости населения и др.).

В этих условиях актуальным становится решение следующего комплекса задач как на федеральном, так и региональных уровнях:

- 1) достижение углеродной нейтральности и переход к «постуглеродной экономике» путем компенсации выбросов углерода и устранения таких выбросов в процессе жизнедеятельности человека; использование альтернативных (возобновляемых) источников энергии; углеродная компенсация через финансирование углеродо-отрицательных проектов и инициатив [11; 12];

- 2) переход к модели циркулярной экономики, в основе которой лежат принципы вторичного использования и переработки уже произведенных материалов и продуктов; поиск более эффективных методов утилизации производственных отходов; сокращение выбросов и отходов в экосистему, а также восстановление нарушенного баланса окружающей среды [13-16]. Также формирование идеи в обществе осознанного потребления и экологоориентированного поведения [17].
- 3) реализация устойчивого развития экономик регионов на основе ESG-принципов [18-20], что подразумевает:
- повышение корпоративной ответственности собственников промышленных предприятий, в основе которой акцент не только на финансовых результатах деятельности и их максимизации, а, в большей степени, на реализацию принципов бережливого, ответственного производства, учитывающего негативное воздействие в процессе производственной деятельности на окружающую среду и принятие мер по его сокращению;
 - сглаживание социального неравенства за счет повышения качества трудовой жизни, социальных инвестиций, разработки индивидуальных профессиональных траекторий, повышения финансовой и экологической грамотности населения;
 - устойчивые процессы экологизации тяжелых индустрий, в основе которых планомерный переход промышленных предприятий на экотехнологии, использование экологически чистых средств производства, вовлечение в финансирование НИОКР, активизация инновационно-технологической деятельности.

Решение обозначенных задач будет способствовать продвижению российской экономики в направлении улучшения экологической обстановки, сокращения вредного воздействия промышленной деятельности на экосистему и человека, повышения уровня и качества,

продолжительности жизни и стабилизации макроэкономических показателей.

Список источников и литературы

1. Ткаченко Л.Я., Ивашкина И.В., Кочуров Б.И. Экологизация территориального планирования урбанизированных регионов Европы: лучшие зарубежные практики // Экология урбанизированных территорий. - 2023. - № 4. - С. 99-109.
2. Хорешок А.А., Кудреватых Н.В., Шевелева О.Б., Слесаренко Е.В. Системный анализ параметров устойчивого развития угледобывающего региона в свете нарастания экологических проблем (на примере Кемеровской области - Кузбасса) // Устойчивое развитие горных территорий. - 2021. - Т. 3. - № 4(50). - С. 505-517.
3. Шкиперова Г.Т., Дружинин П.В. Оценка результативности политики в сфере обеспечения экологической безопасности регионов России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2018. - Т. 14. - № 12(369). - С. 2356-2372.
4. Цховребов Э.С., Ниязгулов Ф.Х. Оценка уровня экологической безопасности регионов на основе нечетких показателей // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. - 2022. - Т.4. - № 5(109). - С. 60-68.
5. Sakhanova G., BoluspaevaSh.A., Bodaubayeva G. Technological modernization of the regions of Kazakhstan // [Statistics, Accounting and Audit](#). - 2019. - № 4 (75). - С. 19-23.
6. Шевелева О.Б., Зонова О.В., Слесаренко Е.В. Экологическая безопасность регионов сырьевой ориентации: инвестиционно-инновационный аспект // Уголь. - 2022. - №6 (1155). - С. 67-73.
7. В России ускорилось накопление парниковых газов [Электронный ресурс]. - URL: https://www.rbc.ru/economics/27/03/2023/641d57ef9a794746fcee72?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.06.2024).
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 03.06.2024).
9. Вдовин И.А., Подзоров А.Д. Инвестиции в новые и прорывные технологии (мировые тренды и российские реалии) // Бизнес. Общество. Власть. - 2022. - № 44-45. - С. 32-42.
10. Каширин В.В., Сысоев А.П. Проблемы российской экономики начала XXI века: технологии, инновации, инвестиции // AmericanScientificJournal. - 2017. - № 16. - С. 68-76.
11. Громов В.В. Углеродная нейтральность и налоговые льготы // Экономическое развитие России. - 2023. - Т. 30. - № 5. - С. 71-77.

12. Сухарева М.А., Ленков И.Н., Пуной Ч. Углеродная нейтральность: перспективы развития и влияние на мировую экономику // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). - 2022. - № 3. - С. 101-121.
13. Ерзнкян Б.А., Фонтана К.А. Циркулярная экономика и устойчивое развитие городов // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2021. - № 7(129). - С. 7-22.
14. Мочалова Л.А. Циркулярная экономика в контексте реализации концепции устойчивого развития // Journal of New Economy. - 2020. - Т. 21. - № 4. - С. 5-27.
15. Демченко А.А., Есенкова Г.А., Алдохина Г.П. Циркулярная экономика и устойчивое развитие: на пути к экологизации и повышению эффективности использования вторичных ресурсов // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. - 2020. - Т. 8. - № 3(50). - С. 105-109.
16. Лоскутова М.А., Алексеева А.Н. Циркулярная («зеленая») экономика – угроза экономики или обеспечение безопасности? // Вопросы экономики и права. - 2022. - № 173. - С. 51-56.
17. Колодейчик Н.И., Лиман И.А. Осознанное потребление как фактор устойчивости экономической системы России // Евразийское пространство: экономика, право, общество. - 2023. - № 6. - С. 8-13.
18. Игишев А.В., Бердникова Н.А. ESG-принципы - ответственный подход ради устойчивого развития общества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. - 2022. - № 2(69). - С. 30-37.
19. Мишура Л.Г., Александрова В.С. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация общества - вызовы современности // Moderneconomy success. - 2022. - № 4. - С. 93-96.
20. Стрижеусов Д.С. ESG-трансформация и ключевые вопросы повестки устойчивого развития // Вестник МАНЭБ. - 2023. - Т. 28. - № 3. - С. 10-13.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Магди Ильгизарович Хасанов,
начальник Отдела по реализации
региональных и международных программ
Фонда содействия стратегическому диалогу и партнерству (Москва),
кандидат экономических наук
E-mail: Khasanovmi@mail.ru

Magdi I. Khasanov,
Head of the Department for the Implementation
of Regional and International Programs,
Fund for the Assistance of Strategic Dialogue and Partnership (Moscow),
PhD in Economics
E-mail: Khasanovmi@mail.ru

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИКИ РОССИИ
DETERMINING THE EFFECTIVENESS OF STATE MANAGEMENT OF
SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT IN RUSSIA**

Аннотация: современная мировая экономика переживает качественную трансформацию, в рамках которой устойчивое развитие из декларативного принципа международного права превращается в действенный регулятор государственной политики и корпоративного поведения. В этих условиях переосмысление роли государства как субъекта управления устойчивым развитием вступает не академической задачей, а насущной потребностью государственного строительства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, трансформация мировой экономики, модель сбалансированного роста, ESG- метрики, индекс развития человеческого потенциала.

Abstract: the modern world economy is undergoing a qualitative transformation, within which sustainable development is turning from a declarative principle of international law into an effective regulator of public policy and corporate behavior. In these conditions, rethinking the role of the state as a subject of sustainable development management becomes not an academic task, but an urgent need for state building.

Keywords: sustainable development, transformation of the global economy, balanced growth model, ESG metrics, human development index.

Введение

Оценка эффективности инструментов государственного управления устойчивым развитием российской экономики требует применения комплексного методологического подхода, учитывающего степень достижения целевых показателей, институциональное качество самих инструментов, а также социально-экономические условия, в которых они реализуются. Данная задача осложняется как отсутствием значительного опыта применения большинства инструментов, а также сложностью использования получаемых результатов при разработке конкретных мер государственного управления в условиях многофакторности реальных экономических процессов.

Система государственного управления устойчивым развитием в России формировалась постепенно на протяжении последних трех десятилетий. В 1990-е годы, в условиях трансформационного спада и острых макроэкономических диспропорций, вопросы экологического регулирования и устойчивого развития объективно отходили на второй план. Ключевым институциональным шагом данного периода стало принятие Экологической доктрины Российской Федерации в 2002 году³⁶, закрепившей базовые принципы государственной политики в сфере экологии. В то же время анализ ее положений показывает, что они не стали основой для формирования действенных механизмов государственного управления, направленных на достижение социо-эколого-экономического равновесия, и требуют дальнейшего развития.

В 2000-2010-е годы процесс формирования системы государственного управления устойчивым развитием ускорился. Был принят ряд ключевых

³⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 N 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

законодательных актов, регулирующих отдельные аспекты устойчивого развития: Федеральный закон «Об охране окружающей среды»³⁷, Водный кодекс Российской Федерации³⁸, Лесной кодекс Российской Федерации³⁹, Федеральный закон «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности»⁴⁰. Формирование системы национальных проектов, начавшееся в 2004-2006 годах и получившее новый импульс в 2018-2019 годах, также создало ряд механизмов реализации целей, смежных с задачами устойчивого развития: национальный проект «Экология»⁴¹, национальный проект «Демография»⁴², национальный проект «Здравоохранение»⁴³ и ряд других.

Оценка национального проекта «Экология», реализуемого с 2019 года, является свидетельством достижений и некоторых ограничений российской системы государственного управления устойчивым развитием. Проект включает несколько федеральных проектов, охватывающих ликвидацию накопленного экологического ущерба, оздоровление водных объектов,

³⁷ Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

³⁸ "Водный кодекс Российской Федерации" от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

³⁹ Лесной кодекс Российской Федерации" от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

⁴⁰ Федеральный закон "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 23.11.2009 N 261-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

⁴¹ Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. - URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

⁴² Национальный проект «Демография». - URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/projects/demografiya/> (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

⁴³ Национальный проект «Здравоохранение». URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/projects/zdravookhranenie/> (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

сохранение биологического разнообразия, обращение с твердыми коммунальными отходами и снижение выбросов загрязняющих веществ. Общий бюджет проекта на период 2019-2024 годов первоначально составлял около 4 трлн руб. По данным Министерства природных ресурсов РФ, к 2024 году ряд показателей проекта выполняется в срок - в частности, в рамках реформы обращения с отходами создана необходимая нормативная база и начато формирование инфраструктуры переработки ТКО⁴⁴. Вместе с тем по ряду показателей, включающих, прежде всего показатели ликвидации объектов накопленного экологического вреда, реализация отстает от плановых значений.

Система экологических налогов и платежей является одним из наиболее важных экономических инструментов государственного управления устойчивым развитием в России. Она включает плату за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), ресурсные налоги (налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, земельный налог), а также экологические сборы в рамках расширенной ответственности производителей. Согласно данным Федеральной службе по надзору в сфере природопользования, «по итогам 2025 года российские предприятия перечислили в бюджеты разных уровней 24 млрд руб. в качестве платы за негативное воздействие на окружающую среду. Сумма платежей за 2025 год на 1,38 млрд рублей превысила показатель 2024 года, который составил 22,4 млрд рублей»⁴⁵. Вместе с тем данная система подвергается обоснованной критике по нескольким основаниям. Ставки платы за НВОС в России существенно ниже, чем в развитых странах, что делает их стимулирующий эффект в отношении природоохранных инвестиций недостаточным.

⁴⁴ Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 04.04.2026). — Текст: электронный.

⁴⁵ Официальный сайт Федеральной службе по надзору в сфере природопользования – URL: <https://rpn.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2026). — Текст: электронный.

Распределение экологических платежей между бюджетами разных уровней нередко создает неправильные стимулы для региональных властей.

Ключевым инструментом климатической политики России стал Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁴⁶, заложивший правовую основу для системы углеродного регулирования. Данный закон ввел понятие углеродной отчетности, обязательной для крупных хозяйствующих субъектов-эмитентов, и создал правовые рамки для запуска системы торговли углеродными единицами. Реализация закона сопряжена, однако, с рядом практических сложностей: формирование реестра углеродных единиц и запуск полноценного рынка углерода идут медленнее, чем предполагалось изначально. На сахалинском карбоновом полигоне реализуется пилотный проект по созданию региональной системы торговли выбросами, который должен дать ценный практический опыт для ее последующего масштабирования.

Система стратегического планирования, созданная на основе Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴⁷, формально создает институциональные рамки для долгосрочного управления устойчивым развитием. Закон устанавливает иерархию документов стратегического планирования, включающих прогнозы и стратегии развития национальной экономики и экономики региональных образований, государственные программы и схемы территориального планирования. Вместе с тем функционирование данной системы сопряжено с рядом системных проблем. Документы стратегического планирования нередко создаются в условиях ведомственной фрагментации, без должной

⁴⁶Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 N 296-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.

⁴⁷ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.

горизонтальной координации, что приводит к противоречиям между стратегическими ориентирами различных ведомств. Механизмы мониторинга реализации стратегических документов требуют дальнейшего развития.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) является важным механизмом реализации проектов в области устойчивого развития, позволяющим привлекать частные инвестиции к финансированию экологической инфраструктуры и «зеленых» технологий. В России правовая основа ГЧП создана Федеральным законом № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве»⁴⁸. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, «внебюджетные инвестиции в проекты государственно-частного партнерства (ГЧП) в 2025 году составили 86% от общего объема инвестиций, или 489 млрд рублей в денежном выражении. В 2025 году заключено 249 концессионных соглашений и соглашений ГЧП общим объемом инвестиций 567 млрд рублей. Больше всего контрактов пришлось на сферу ЖКХ (61% от всех инвестиций) и транспорта (34%)»⁴⁹. Однако применение механизмов ГЧП непосредственно в проектах «зеленой» трансформации экономики остается ограниченным, что отчасти связано с недостаточной разработанностью стандартизированных контрактных моделей для данного класса проектов.

Для систематизированной оценки эффективности применяемых инструментов целесообразно применить авторскую методику, основанную на четырех критериях: результативности (степени достижения целевых показателей), эффективности (соотношения затрат и результатов),

⁴⁸ Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.

⁴⁹ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. - URL: https://economy.gov.ru/material/news/reshetnikov_v_2025_godu_obem_chastnyh_investitsiy_v_proekty_gchp_dostig_489_mlrdrubley.html (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.

адекватности масштаба воздействия (охвата ключевых источников экологических проблем) и институциональной устойчивости (степени институционализации инструмента в нормативных правовых актах). В таблице 1 представлена интегральная оценка основных инструментов по данным критериям.

Таблица 1

Интегральная оценка эффективности инструментов государственного управления устойчивым развитием российской экономики

Инструмент	Результативность	Эффективность	Адекватность масштаба	Институциональная устойчивость	Интегральная оценка
Система платы за НВОС	Средняя	Низкая	Средняя	Высокая	Средняя
Нацпроект «Экология»	Средняя	Средняя	Средняя	Средняя	Средняя
Закон об ограничении выбросов ПГ	Низкая	Н/д	Высокая	Средняя	Низкая/средняя
Закон об энергосбережении	Средняя	Средняя	Высокая	Высокая	Средняя
Система стратегического планирования	Средняя	Низкая	Высокая	Средняя	Средняя
«Зеленые» гособлигации (пилот)	Низкая	Средняя	Низкая	Низкая	Низкая
Таксономия «зеленых» проектов	Н/д	Н/д	Высокая	Средняя	Н/д

Источник: составлено автором.

Интегральный анализ, представленный в таблице 1, свидетельствует о том, что большинство применяемых инструментов демонстрируют среднюю результативность и относительную эффективность. Ключевой проблемой является несоответствие масштаба применяемых инструментов масштабу стоящих задач: ставки экологических платежей недостаточны для формирования ценового стимула к «зеленой» трансформации, бюджеты «зеленых» программ ниже потребностей в инвестициях. По оценкам экспертного сообщества, объем инвестиций, необходимых для достижения целей углеродной нейтральности к 2060 году, составляет порядка 90 трлн руб. в ценах 2021 года, что многократно превышает текущие государственные расходы на экологические программы.

Важным позитивным сдвигом последних лет следует признать разработку отечественной таксономии «зеленых» проектов, утвержденной постановлением Правительства РФ № 1587 от 21 сентября 2021 года⁵⁰. Данный документ устанавливает критерии отнесения проектов к категории «зеленых» и «адаптационных», создавая тем самым основу для развития рынка «зеленого» финансирования. Вместе с тем практическое применение таксономии сталкивается с рядом препятствий: рынок «зеленых» облигаций в России остается небольшим, а основные потенциальные инвесторы ушли из российской экономики вследствие санкционных ограничений.

Проведенное исследование показало, что оценка эффективности инструментов государственного управления устойчивым развитием российской экономики выявляет ряд системных проблем, в числе которых выделены: недостаточный уровень ставок экономических инструментов, ведомственная фрагментация стратегического планирования, ограниченный масштаб «зеленого» финансирования, замедленное формирование системы

⁵⁰ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 N 1587 (ред. от 14.10.2025) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации». - URL:<https://base.garant.ru/402839344/>(дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.

углеродного регулирования. Вместе с тем в последние годы сформирован ряд принципиально важных институциональных оснований, которые включают: нормативные правовые документы, определяющие инструментарий государственного регулирования устойчивого развития; методические подходы к составу адаптированных к российской практике показателей достижения целей устойчивого развития индикаторов; регламенты составления климатической отчетности и др., которые могут стать фундаментом для более эффективной системы управления устойчивым развитием при условии их последовательного наполнения практическим содержанием.

Список источников и литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 N 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
2. Федеральный закон "Об охране окружающей среды" от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
5. Федеральный закон "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 23.11.2009 N 261-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93978/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
6. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. - URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
7. Национальный проект «Демография». - URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/> (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.

8. Национальный проект «Здравоохранение». URL: <https://xn--80aarpampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zdravookhranenie/> (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
9. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. - URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
10. Официальный сайт Федеральной службе по надзору в сфере природопользования - URL: <https://rpn.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2026). - Текст: электронный.
11. Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» от 02.07.2021 N 296-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.
12. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.
13. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ (последняя редакция). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.
14. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. - URL: https://economy.gov.ru/material/news/reshetnikov_v_2025_godu_obem_chastnyh_investiciy_v_proekty_gchp_dostig_489_mlr_d_rublej.html (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.
15. Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 N 1587 (ред. от 14.10.2025) «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации». - URL: <https://base.garant.ru/402839344/> (дата обращения: 15.03.2026). - Текст: электронный.

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Зоя Глебовна Киселева,
магистрантка факультета политологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: zoya.g.kiseleva@gmail.com

Zoia G. Kiseleva,
Master's student of the Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: zoya.g.kiseleva@gmail.com

**ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ КИТАЯ И РОССИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ⁵¹
THE EXPERIENCE OF STATE PROJECTS IN CHINA AND RUSSIA IN
THE FIELD OF CULTURAL MODERNIZATION: A POLITICAL
ANALYSIS**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности государственного социального проектирования в России и Китае в контексте культурной модернизации. Исследование основано на сравнительном политологическом анализе государственных стратегий и механизмов реализации культурной политики двух стран. Особое внимание уделяется роли культуры как инструмента укрепления национального суверенитета, идентичности и общественной консолидации в условиях глобальной информационной конкуренции.

Ключевые слова: государственное социальное проектирование, культура, модернизация, Россия, Китай, социальная архитектура.

Abstract: the article examines the features of state social design in Russia and China in the context of cultural modernization. The study is based on a comparative political analysis of state strategies, cultural programs and mechanisms for implementing cultural policy in the two countries. Particular attention is paid to the role of culture as an instrument for strengthening national

⁵¹ Работа выполнена в рамках гранта Ученого совета факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова по тематическому направлению «Социальная архитектура» при поддержке Российского общества политологов.

sovereignty, identity and social consolidation in the context of global information competition.

Keywords: state projects, culture, modernization, Russia, China, social architecture.

Теоретические основания социального проектирования в сфере культурной модернизации

Социальная архитектура - принципиально новый подход в политологии и государственном управлении. Как определяет начальник Управления Президента РФ по мониторингу и анализу социальных процессов А. Д. Харичев, «социальная архитектура означает целенаправленное совершенствование структуры гражданского общества путем проектирования общественно значимых изменений во взаимодействии государства, общества и бизнеса. Это новая управленческая логика...[7, с.10]». Социальная архитектура, как пишет С.В. Володенков, «может быть представлена как интегрированная система институциональных, ценностных и технологических элементов, выстроенная таким образом, чтобы обеспечить гармоничное взаимодействие между техносферой, социумом и аксиосферой» [7, с.10].

Российская модель культурного проектирования

Культурная модернизация в России - процесс обновления культурной среды, включающий изменения в несколько структурных компонентах. Флиер А.Я. фиксирует, что обновление в культурной сфере касается следующих факторов: появление нового типа социальных отношений, ценностных предпочтений, уровня потребностей в информационном обеспечении жизни людей, появление у людей необходимости отдыха, приносящего пользу интеллектуальному развитию [11, с. 68]. В китайской научной мысли под культурной модернизацией понимается преобразование символических основ общества, которое сопровождается высокой степенью универсализации с обращением к национальным традициям. Это особенно

отчётливо прослеживается в исследованиях китайских учёных, где культурная модернизация выступает как ключевой компонент формирования современной духовной культуры социализма и модернизации личности в КНР [1, с. 196].

В условиях глобальной трансформации цифровых технологий культура как компонент продвижения «мягкой силы» приобретает стратегический статус в ранге государственных приоритетов. Цифровые платформы способны обеспечить беспрецедентный охват информационных воздействий. Поэтому культурная модернизация неизбежно сопровождается преобразованиями в сфере цифровых технологий. Здесь особенно важно учитывать внешнее идеологическое воздействие, оказываемое как на Китай, так и на Российскую Федерацию. Тогда культура воспринимается как один из ключевых инструментов воздействия в информационной войне.

В России культурная политика реализуется через следующие инициативы. Стратегия государственной культурной политики до 2030 года указывает: «государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом территориальной целостности России» [8].

Практическая реализация культурной политики РФ осуществляется через ряд государственных программ и грантовой поддержки. Среди ключевых инициатив можно выделить госпрограмму «Развитие культуры» [10], а также через гранты Президентского фонда культурных инициатив. В 2025-2026 годах для развития библиотек, домов культуры, музеев и школ искусств существует федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры» [6]. Федеральная программа «Пушкинская карта» направлена на вовлечение молодежи в культурную сферу [5]. Отдельное значение имеют проекты патриотической направленности. Программа «Школьный Музей Победы» охватывает более 2500 школьных музеев по всем регионам страны [12], способствует формированию местных исторических сообществ.

Китайская модель культурной модернизации

Китайская модель социо-архитектурного проектирования в культурной сфере тесно связана с общегосударственной стратегией модернизации. В докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК ставится цель «преемственного развития выдающейся традиционной китайской культуры, укрепления культурной «мягкой силы» Китая и повышения влияния китайской культуры» [3]. В ключевом стратегическом документе КНР - 14-м пятилетнем плане - культура закрепляется как «душа нации», а культурная индустрия обозначается как один из ключевых секторов экономики [13]. Тарасова и Найдено подчеркивают, что культурная политика в КНР «самим правительством называется “политика всех политик” (главная политика)». Авторы также показывают, что развитие культуры в Китае осуществляется централизованно и сопровождается заметным идеологическим компонентом, что позволяет использовать культурную сферу одновременно для внутренней консолидации общества и для расширения внешнего культурного влияния. [5, с. 243].

В 2026 году в Китае продолжается реализация крупных государственных культурных проектов. Одним из наиболее показательных является общенациональный проект «Путешествуй, следуя за фильмами» («Путешествуй, следуя за хитами»), курируемый Госуправлением кинематографии КНР и Министерством туризма и культуры [1]. Проект соединяет показы популярных китайских фильмов с созданием связанных с ними туристических маршрутов. На уровне медиа контента в 2026 году Центральная телевизионная корпорация Китая (CCTV) реализует серию собственных программ о культуре и обществе, включая 46 высококачественных телепроектов [2]. В сфере музейно-выставочной и образовательной работы активно развивается национальная инициатива создания «Культурных центров Китая». Это включает серии обменных выставок с Россией в рамках Годов культуры России и Китая, а также

специализированные образовательные программы, например, «Классы традиционной культуры» в школах и «Культурные площадки в сельских районах».

Сравнительный анализ моделей

Сравнение российских и китайских подходов показывает наличие как общих черт, так и существенных различий. Для обеих стран характерно восприятие культуры как стратегического ресурса государственного развития и инструмента укрепления национальной идентичности и суверенитета. Вместе с тем китайская модель отличается большей централизацией и включенностью культурной политики в систему национальной безопасности.

Кроме этого, значительная часть внимания уделяется возможностям цифровизации в сфере культуры: 3D моделирование в сфере архитектуры, живописи, скульптуры. Ключевую роль играют также и медиа гиганты, цифровые платформы.

Российская модель в большей степени ориентирована на поддержку местных инициатив и общественных организаций. Это позволяет сочетать централизованное управление с элементами общественного участия. В Китае, напротив, приоритет отдается единой государственной стратегии и контролю над информационно-культурным пространством. В России цифровизация пока не имеет такого же значения, однако определенные шаги к этому были предприняты.

Заключение

Таким образом, культурная модернизация в обеих странах имеет стратегическое значение, возводится в ранг национальных приоритетов. В условиях внешнего давления и глобальной трансформации культура выступает как инструмент укрепления суверенитета, национальной идентичности и общественной социализации. При этом в Китае наблюдается более централизованный подход к государственному проектированию в сфере культуры, а в России, наоборот, поддерживаются местные инициативы.

Список источников и литературы

1. Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ: дис. д-ра филос. наук / О. Б. Бальчиндоржиева; Бурят. гос. ун-т. - Улан-Удэ, 2015. - 376 с.
2. Китайский проект «Путешествуй, следуя за фильмами» помогает развитию туризма и экономики в целом // [Электронный ресурс]: <https://russian.cgtn.com/news/2026-02-07/2020046854081961986/index.html>.
3. Медиакорпорация Китая представила список своих программ о культуре и обществе на 2026 год // [Электронный ресурс]: <https://russian.cgtn.com/news/2026-01-16/2012082460835364866/index.html>.
4. Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.theorychina.org.cn/c/2022-10-26/1451417.shtml> (дата обращения: 23.05.2026).
5. Пушкинская карта [Электронный ресурс]. URL: <https://пушка.пф/> (дата обращения 23.05.2026).
6. Семейные ценности и инфраструктура культуры [Электронный ресурс]: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/semya/semeynye-tsennosti-i-infrastruktura-kultury/> (дата обращения 23.05.2026).
7. Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений: учебник / под ред. С. В. Володенкова. Москва: Проспект, 2025.
8. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXIQTwpZO0RqTMMVL7v.pdf> (дата обращения: 23.05.2026).
9. Тарасова Е.И., Найдено А.В. Особенности современной культурной политики Китая: основные направления и тенденции развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 7 (849). С. 242-255.
10. Финансирование госпрограммы «Развитие культуры» обсудили в Госдуме [Электронный ресурс]: https://culture.gov.ru/press/news/finansirovanie_gosprogrammy_razvitie_kultury_obsudili_v_gosdume/ (Дата обращения 23.05.2026).
11. Флиер А.Я. Научные основания модернизации культурной среды // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013 / 2 (34) С. 65-74.
12. Школьный Музей Победы [Электронный ресурс]. URL: <https://schoolvictorymuseum.ru> (дата обращения 23.05.2026).
13. Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035 [Electronic resource]. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (date of access: 23.05.2026).

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2026. № 1 (35)

ISSN: 2687-0193

Издается в Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор),
Козюлин В.Б. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.),
Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.),
Мартынова Д.О. (к.п.н.), А.Ж. Мартиросян, Захаров А.Н. (мл.редактор),
Гончаров С.В. (мл.редактор), Галимов И.И. (мл.редактор).

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала:
Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: С.В. Гончаров

Опубликовано: